НОВАЯ ПОЛЬША

№9(89) 2007

Независимые эксперты о нуждах поляков

Беседа с послом России в Польше

Виктор Ерофеев о литературе в школе

Эрвин Аксер **ШУТКА СТАЛИНА**

Из путевых заметок Яна Ружджинского

СТИХИ ЙОНАША КОФТЫ

Откровения Адама Михника

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

14 сентября исполнилось 7 лет
со дня смерти Ежи Гедройца
— редактора парижской «Культуры»
и не знавшего себе равных политика.
Он был вдохновителем создания «Новой Польши»
и хотел, чтобы на ее страницах шел диалог
между польской и российской интеллигенцией.
Мы стараемся хранить верность его идеям и его памяти.

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 9(89)
2007
сентябрь

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ТОЧКА КИПЕНИЯ 3
Беседа с Анджеем Рознером

Виктор Кулерский 8
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

НЕ БУДЕМ СГУЩАТЬ КРАСКИ 15
Интервью посла России в Польше В.М.Гринина

Дариуш Вильчак, Мариуш Худый 17
БЕСПЕЧНЫЙ ЛОГИК

Михал Зелинский 20
КАК МЫ ДОГНАЛИ ГРЕКОВ

Веслав Кот 26
ОТКРЫТКИ ИЗ СТРАНЫ БИГОСА

Войцех Орлинский 27
ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ ДУНИНА-ВОНСОВИЧА

Владимир Блинков 30
А ЗОРИ ЗДЕСЬ ШУМНЫЕ...

Эрвин Аксер 33
ШУТКА СТАЛИНА

Марек Клецель
СИЛА ПАМЯТИ 35

Йонаш Кофта 38
СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Павел Хюлле 49
САДЫ, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

МОЯ РОССИЯ

Ян Рюджинский 51
ЛИНСА

КНИЖНЫЕ ПРИВИВКИ 54
Беседа с Виктором Ерофеевым

Петр Мицнер 56
БОЛЬШОЕ МОЛЧАНИЕ

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ 57
Тезисы «Мемориала»

Елена Твердислова 63
ФИЛОСОФСКОЕ ВАРЕВО

Анна Радзюкевич 66
В СУПРАСЛЕ РАСПАХНУЛИ
ОКНО В ВЕЧНОСТЬ

Марек Табин 68
КУРИЦА НЕ ПТИЦА, ПОЛЬША НЕ ЗАГРАНИЦА

Марек Радзивон 70
БИОГРАФИЯ ЧУДЕСНЫХ СПАСЕНИЙ

Павел Смоленский 71
СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ОБАЯНИЕ
СОВЕТСКОГО АБСУРДА

Янина Куманецкая 72
ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Анна Санчук 74
ИСКУССТВО — В МАССЫ

Рышард Матушевский 75
РОМАН НА ФОНЕ КУСКА ИСТОРИИ

Лешек Шаруга 76
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

МОЯ СУЩНОСТЬ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ 79
Беседа с Адамом Михником

Переводчики: А.Базилевский, Е.Гендель, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, Е.Шиманская.
Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 15, 31, 79), Archiwum (стр. 19, 48), Archiwum NIPC Memoriał Moskwa (стр. 57-62), Archiwum A. Rosnera (стр. 7), Z. Kloch (стр. 66), T. Kizny (стр. 56), E. Lempp (стр. 27, 36, 55).

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Кристина Пашек ***(секретариат)***
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(0-22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(0-22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@bn.org.pl**

Информация о журнале для стран СНГ:
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается под патронажем Национальной Библиотеки по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
Тираж 4800 экз.

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Беседа с Анджеем Рознером

— Вы были среди инициаторов возобновления деятельности коллоквиума «Опыт и будущее» *(польское сокращение — ДиП)*, вписавшего одну из прекрасных страниц в историю оппозиции в ПНР. Что такого произошло, что Четвертая Речь Посполитая склонила участников коллоквиума к возвращению?

— Мой отец был профессором, специалистом по социальной политике и принимал участие в работе первого ДИПа, возникшего в 1978 г., — таким образом, у меня был семейный предлог выступить с инициативой его возрождения.

Но решающим для воссоздания ДиПа был с трудом поддающийся определению импульс. Когда-то Ванда Вилькомирская сказала, что каждый достигает точки кипения в свое время. Она ее достигла, когда было объявлено военное положение, и решилась покинуть родину. Мы не собираемся и не должны уезжать из Польши, тем не менее мы чувствуем, что температура кипения в Польше достигнута. Интеллигенция позволила себя подавить, загнать в угол. Она перестала публично высказываться об общественных делах. Этот дискурс присвоили себе политики, и тут я говорю не только о нынешней команде: это касается всех политических команд, которые управляли Польшей после 1989-го, хотя у нынешней в этом отношении наверняка больше грехов, чем у предыдущих.

— Была ли интеллигенция маргинализована, потому что такова была логика перемен, совершавшихся в Польше после 1989 г., или же она сама пренебрегла своей традиционной ролью? И вообще: что сегодня значит «интеллигенция»?

— Да-а-а... Несколько человек поумнее меня пытались заново определить это понятие. Несомненно, нынешнее положение интеллигенции, ее чувство отчуждения, ее деградация, в том числе и материальная, вызваны многими причинами. У меня такое впечатление, что мы продолжаем собирать поздний урожай марта 1968-го. Польша была единственной страной в восточном блоке, где после 1968 г. иерархия зарплат была поставлена с ног на голову. Я бы даже позволил себе сделать такое обобщение: чем больше человек учился, тем меньше он зарабатывал. Сегодня это меняется, но очень медленно.

Я не хотел бы обобщать и говорить вещи несправедливые, но лучше всего это видно на примере негативного отбора в учителя. Этот отбор — несомненный факт, и с тем бóльшим уважением я думаю о благородных маньяках, любящих преподавать и берущихся за эту работу невзирая на свое материальное положение. Помню, однако, пронзительное ощущение горечи, когда, работая в университете, я думал: а кто же из моих студентов пошел работать в школу? За исключением нескольких процентов этих благородных маньяков, остальные были в лучшем случае середнячками, которые не особенно знали, что с собой делать, как завоевать лучшее положение в жизни.

В коммунистической Чехословакии у учителей были огромные трудности (особенно у преподавателей гуманитарных дисциплин, которые должны были отвечать на социальный заказ власти), но им всегда хорошо платили.

Сегодня мы знаем результаты регулярных исследований чтения и степени понимания печатного слова в странах Организации экономического сотрудничества и развития. Чехи достигают самых лучших результатов в нашем регионе, даже по сравнению с молодыми немцами. Мы же находимся в третьем десятке исследуемых стран. Те книги, которые продаются у нас двух-трехтысячным тиражом, в Чехии расходятся тиражами в восемь-десять тысяч — а население страны в три раза меньше, чем Польши! Впрочем, трудно удивляться: на образование одного школьника чехи тратят на 40% больше, чем поляки. Можно только позавидовать положению чешской интеллигенции.

— Последний доклад ДиПа, «Заметки о состоянии демократии в Польше», — это все-таки прежде всего голос экспертов, а не мнение польской интеллигенции. В подтексте есть и диагноз уровня нынешних дискуссий, в которых участвуют СМИ и политики.

— Демократия в ее польском варианте сведена к текущим целям. Если идет дискуссия о ее проблемах, то они сводятся к чистой тактике и методам подавления политических противников или конкурентов. А в нашей недавней истории мы знаем и другие примеры. Прежде чем в 1918 г. вновь возникла Речь Посполитая, много лет, еще в разделенной Польше, шла волна интересных и принципиальных дискуссий о будущем независимом государстве. В них принимали участие и те люди, которые потом играли важную роль в возрожденной Польше. Это были

лучшие умы польской политической мысли. Все политические программы Второй Речи Посполитой опирались на эти дискуссии. В них принимали участие и историки, обладавшие властью над умами, хотя, признáемся, история тогда играла совсем иную роль, нежели сейчас. Перед возникновением Третьей Речи Посполитой такой дискуссии не было. Ни в 70-е, ни в 80-е годы. Даже такие уважаемые группы экспертов, как, например, первый ДиП, в своих докладах были вынуждены сосредотачиваться на текущих делах. Третья Речь Посполитая создавалась как бы на бегу. Никто не ожидал, что через несколько лет коммунизм рухнет и надо будет строить демократию с самого основания. Причем в стране, не имеющей демократических традиций, ибо традиции Второй Речи Посполитой я не считаю вполне демократическими.

Таким образом, порча, вызванная отчаянной текучкой, характеризует не только два последних года польской политики. Нам только кажется, что спор о формах польской демократии мы уже оставили позади. Он всё еще перед нами.

— Ну хорошо... Значит, мы слышим голос независимых экспертов. Может быть, лучше, чтобы они были «зависимы», то есть давали власти советы, обеспечивали тылы той или иной команды?

— Но наши политики не интересуются тем, что скажут эксперты, — разве что слова экспертов обосновывают уже принятые решения. В этом состоит разница между нами и развитыми демократическими обществами. Я говорю об этом без неодобрения, потому что, на мой взгляд, трудно догнать отставание в течение одного политического поколения. Люди, которые занимаются политикой в западных странах, прекрасно знают, что без экспертов они пропадут. Президент Рейган никогда не был человеком с широким интеллектуальным горизонтом, но знал, что должен выслушивать тех, кто умнее его, и обладал талантом находить таких людей. Похоже, что польские лидеры на это неспособны — они всегда всё знают лучше.

В 80-е годы я имел возможность увидеть, как функционирует школа политических лидеров в Оксфорде. Как раз шла дискуссия о Польше. Я слышал выступления очень молодых людей — на уровне, который тщетно искать в польском парламенте. Раньше они обсуждали вопрос, послать ли телеграмму с соболезнованиями в Кремль по случаю смерти Юрия Андропова. Зал разделился на два противоположных лагеря. Одни говорили, что надо послать, потому что это был интересный человек, весьма отличавшийся от Брежнева, тонкий знаток западной культуры и любитель джаза; другие в самых разных деталях (и это выглядело в самом деле внушительно) напоминали его зловещую роль в Будапеште в 1956 году. Дискуссия кончилась тем, что встал один молодой человек и сказал: «Мы не можем посылать такую телеграмму, так как господин Андропов не был джентльменом...»

Речь идет не только об уровне образования, но и об уровне политической культуры, т.е. умения выслушивать противоположное мнение и формулировать собственные доводы. Они этому учатся в ранней молодости, и в этом их отличие от нас.

— Форма политики — всегда производное от культуры, это очевидно.

— Но не забудем, что Великобритания не всегда была оазисом политической культуры и высокой компетентности. В первой половине XVIII века страна была куда больше разъедена коррупцией, чем Польша времен Саксонской династии. Если бы не островное положение, то, я убежден, она не сохранилась бы в тогдашней Европе. Прошло несколько десятков лет, прежде чем там произвели революцию не менее глубокую, чем французская. Они смели весь свой политический класс и в XIX век входили как одна из стран Европы, управляемых совершенно по-новому.

— Но Польша — не остров, хотя многие так считают...

— Не мы одни переживаем детскую болезнь молодой демократии. Главное, чтобы мы себе не внушали, что болезнь — состояние естественное и всё само собой образуется.

Возвращаясь к докладу ДиПа: составляя текст, мы стремились убрать любые выпады против нынешней власти. Мы хотели показать непрерывность определенных процессов, которые сегодня растлевают польскую демократию. Основой были тексты Марека Сафьяна, Виктора Осятынского, Эдмунда Внука-Липинского и Стефана Братковского. Программный совет ДиПа политически неоднороден, что мы считаем достоинством во времена политической поляризации. Однако всех нас объединяет убеждение, что польская демократия должна функционировать лучше, а власть не должна рассматривать общество инструментально и проявлять тоталитарные тенденции. Опасности надо распознавать настолько заранее, чтобы оставался путь возврата, но без раздирания одежд и битья в набат.

— В докладе ДиПа мы читаем такие слова: «...правящее большинство провозглашает, что победителям выборов всё дозволено (...) и что государство обязано контролировать состояние умов...» Это звучит как прямое предостережение от тоталитарных поползновений.

— В развитых демократиях остается очевидным, что большинство, победившее на выборах, берет власть, но одновременно не производит кадровой революции до уровня привратника в министерстве, причем по критерию партийной принадлежности (это, кстати, отнюдь не специфика последней команды у власти). И не считает взгляды оппозиции умственным заблуждением. Хороший пример — недавние выборы во Франции и первые шаги Саркози, которого польские власти считают — как правого, что бы это ни значило, — своим союзником. Предвыборная кампания была крайне острой, но трудно подсчитать, сколько раз после победы Саркози повторил слово «объединять» и сколько жестов сделал в сторону недавних противников, сколько постов им предложил. Разумеется, не везде дело обстоит так, как в Великобритании, где теневой кабинет оплачивается из государственной казны. Но есть нечто мудрое в принципе, согласно которому стоит прислушиваться к голосу меньшинства. Не стоит втаптывать его в грязь. Польские традиции, кстати, могут нас многому в этой материи научить.

— Так о чем же забыл польский демократический дух, прежде чем стать таким анархическим?

— Это прозвучит странно, но я сошлюсь на традицию польского вето, хотя и не того вето XVIII века, которое сыграло жуткую роль, как раз приводящую к анархии. Но в XVII веке, в эпоху исполнительных сеймов, когда польское устройство и государственная организация могли быть примером для всей Европы, был expressis verbis сформулирован принцип, согласно которому большинство не обязательно побеждает при голосовании... Точнее говоря, не столько при голосовании, сколько в формировании мнений, — так тогда возникали «конституции», т.е. резолюции сеймов. Важнее всего был консенсус. Никому в здравом разуме не пришло бы в голову срывать сейм по малейшему поводу. В принципы строя была вписана идея о том, что может произойти драматический случай, когда большинство ошибается, действует во вред стране. Тогда вето гарантировало право голоса тому, кто раздирал одежды и говорил: этого мы сделать не можем.

Еще раз повторю: меня интересует не дальнейшая историческая судьба права вето, а философия государства и стоявшего за ним сообщества. Это звучит довольно экзотически, не правда ли?

— Если уж мы занялись историей, то один из пунктов доклада ДиПа относится к историческому воображению, над которым власть хочет господствовать. Разделяете ли вы, историк, это крайнее мнение?

— У нас на глазах история пишется заново, особенно новейшая. И речь идет не только о досье [на сексотов], но и о картине функционирования оппозиции начиная с 1970-х или картине механизмов, которые привели к крушению коммунизма... Этот пересмотр вытекает не только из сознательных устремлений правящей команды — свою роль тут наверное играет и нетерпение, свойственное молодому поколению историков, склонных всё делить только на черное и белое. Это тот случай, когда борьба поколений на руку политике власти, которая подрывает авторитеты и любые точки опоры, конкурирующие с ней в глазах общественности.

— Вот именно, последний пункт доклада называется, простите, «Самооборона элит»: авторитарные действия проявляются в отсутствии доверия к институту демократического государства, но в то же время и в подрыве роли политических и интеллектуальных элит. Где они, собственно, эти «элиты»? И откуда берется успешность социотехники, которую использует «Право и справедливость», направляя общественное разочарование в нужное русло?

— В Польше есть очень большая группа людей, которых я назвал бы «электоратом разочарования». Я говорю это без всякого презрения и чувства превосходства. Оставим в стороне вопрос, кто насколько сам виноват в своем положении, потому что с точки зрения государства существеннее то, что такие люди предоставлены самим себе. Поэтому они легко становятся добычей Тыминского или Леппера — фокусников, у которых есть рецепт на всё.

— Это, вероятно, не только результат разочарования по экономическим причинам. В своем стиле это диагностировал в середине 90-х Ежи Урбан, говоря, что в Польше самые большие шансы постоянно побеждать получила бы партия под названием «Нет», ограничивающая свою программу отрицанием того, что есть, каково бы оно ни было. Лишь бы ей самой не брать власть.

— Разумеется, источники разочарования нельзя сводить только к экономическим вопросам. Одна из самых важных проблем — отверженность: социальная, территориальная, культурная. Запускается механизм самоумножения безнадежности — хотя бы отсутствия доступа к хорошему образованию. Дети ходят в плохие школы и обычно бросают их недоучившись. Они вырастают с неприязнью к «элитам», раз те ни в чем им не помогли и даже не пытались помочь. Никогда не было таких, как сейчас, диспропорций среди молодежи. Одни кончают хорошие, элитарные лицеи в крупных городах, а потом идут в лучшие польские университеты в Варшаве, Кракове, Познани, Вроцлаве, после которых могут работать по профессии во всей Европе. На другом полюсе — куда бóльшая группа людей отчужденных, относящихся к окружающим враждебно. Если мы с этой проблемой не справимся, то лет через двадцать получим серьезные проблемы с развитием демократии в нашей стране. Демократическое правление не может опираться на светлое, то есть привилегированное, меньшинство.

Один из следующих докладов ДиПа мы хотим посвятить как раз отверженным.

— В докладе говорится также об антидемократическом потенциале в Польше. Речь идет об этой группе отверженных?

— Не только. Антидемократические тенденции вовсю развиты и среди интеллигенции. Об этом могла бы свидетельствовать популярность министра юстиции Зёбро: ужесточим наказания, повысим репрессивность, посадим еще 30 тысяч человек в тюрьмы, и после этого страна станет нормальной. Люди верят в это независимо от образования. И это тревожные данные: по опросам ЦИОМа, за авторитарные решения — около 20% поляков, зато целых 53% людей с самыми низкими заработками и целых 33% с самыми высокими готовы одобрить недемократические решения в определенных обстоятельствах. Это вызывает настоящую тревогу.

— Когда я с вами говорю, у меня складывается впечатление, что страсть к конкретной работе у вас по-прежнему жива. Как произошло, что в 1976 г. молодой историк из Варшавы попал в Радом, разыскивая адреса рабочих, репрессированных властями ПНР?

— Я был тогда научным сотрудником Варшавского университета, готовил кандидатскую диссертацию, посвященную политическому языку Польши времен Саксонской династии. Но тут произошло то, что перевернуло всю мою жизнь. Каникулы 1976 г. (я уехал сразу после событий в Радоме, Урсусе и Плоцке) я проводил в идиллических условиях у брата в Швейцарии; там я слушал польское радио вперемежку со «Свободной Европой» и знал, что премьер-министр Ярошевич ввел карточки на сахар. В Польшу я вернулся 31 августа, и уже 1 сентября мне позвонила моя бывшая однокурсница Магда Бохенская, тогда жена Мирека Хоецкого, и спросила, не зайду ли я к ним. Магда с Мирекомпоказали мне доклады об избиениях рабочих и репрессиях в Урсусе... Это ужасало. Меня спросили, не хочу ли я участвовать в помощи преследуемым в Радоме. Я подумал день и согласился. И сразу поехал туда, а Мирек снабдил меня планом города. Я довольно хорошо знал Лодзь, и вид нужды не представлял для меня ничего нового, но в Лодзи я созерцал ее как прохожий, а тут входил в дома и разговаривал с людьми. Я оказался в другом мире. В мире нищеты, безнадежности, страдания. Был сентябрь, а они с июня в результате полученных травм не могли ни сидеть, ни лежать на спине... Писать жалобы они боялись: только что вышли из КПЗ и тюрем. Десятка полтора моих собеседников использовали, как сейчас помню, сравнение с гестапо.

Самым шокирующим был рассказ о смерти молодого техника с Радомского стеклозавода Яна Брожины. Он возвращался с именин, не имел при себе удостоверения личности, и милиция забила его насмерть прямо на улице. Не знаю, выяснено ли это дело хоть сейчас.

Этот опыт оказался настолько глубоким, что сформировал во мне вот эту позицию конкретной работы: необязательно формулировать великие политические манифесты, чтобы подрывать этот строй. Это можно делать на другом уровне, хотя бы на уровне независимого образования.

— И так вы стали издателем, поначалу подпольным...

— Я не хотел включаться в чисто политическую деятельность. Я считал, что для эрозии системы важно неподцензурное слово. Мы чувствовали, как наши читатели жарко дышат нам в затылки. Они требовали всё больше коммюнике КОРа. Все экземпляры просто рвали из рук. Когда Мирек пришел с предложением помочь в производстве первых книг и журналов, мне не пришлось долго думать... Началось с издательства НОВА.

Первый номер «Пульса» готовился в квартире моих родителей. В нем было около полутораста страниц, а редакторы выдумали украсить его иллюстрациями в форме фотографий, так что их пришлось вклеивать вручную. Самая большая трудность была с брошюровкой: Мирек принес двузубую вилку, которой мы должны были пробивать эту толстую пачку бумаги, потом вынимать вилку, вставлять проволоку и всё оклеивать лентой. У вилки быстро разошлись зубья, и мы стали класть экземпляр на доску, вбивали два гвоздя, потом вынимали их клещами и вставляли проволоку. Работа продолжалась полтора месяца — разумеется, в те времена все занимались этим бескорыстно. Нас всё время торопили: читатели ждут.

— Теперь мой вопрос к главе коммерческого издательства: что значит сегодня конкретная работа? Есть у вас ощущение, что вы продолжаете ту же миссию?

— В большой степени — да. Мы могли бы, вместо того чтобы издавать серию «Стеклянные дома» или, например, отличную книгу Рафала Дуткевича «Новые горизонты», уйти в чистую коммерцию. Кстати, случаются моменты, когда удается соединить образовательную миссию и коммерческий успех. Так было с книгой Томаша Лиса «Что с этой Польшей?». Она вышла в подходящий момент. На встречи с автором приходили тысячи молодых людей. Это поколение когда-нибудь придет к власти, но не через партийные структуры. Оно проявится сначала на уровне муниципальных органов или неправительственных организаций и оттуда начнет свой путь в политический мир.

Коллоквиум «Опыт и будущее» (польское сокращение ДиП) — оппозиционная дискуссионная группа, основанная известным журналистом Стефаном Братковским и действовавшая в 1978-1983 годах. В нее входили социологи, историки, политологи — в частности, Ежи Шацкий, Ян Стшелецкий, Анджей Велёвейский. ДиП разработал и опубликовал следующие документы: «Доклад о состоянии Речи Посполитой и путях ее возрождения», «Где выход?», «Общество перед лицом кризиса», «Польша и военное положение». Коллоквиум возобновил свою деятельность в 2007 году.

— Видели ли вы какие-то следы интеллигентской этики у этих людей?

— Безусловно. Они интересовались чем-то бо́льшим, нежели только работой и домом, одобряли общественную — что не значит политическую — активность. Однако не видно лидеров, которые могли бы эту молодежь ввести в общественную деятельность. Не видно людей, которые могут служить личным примером. Но когда есть потенциал, то и такие люди найдутся.

Эта молодежь развалит весь нынешний политический класс, на который мы сегодня обречены; при этом они не будут входить в существующие партийные структуры. Феноменальный успех Рафала Дуткевича во Вроцлаве или Войцеха Щурека в Гдыне на последних муниципальных выборах — явный сигнал наступающих перемен. Местные сообщества начинают голосовать за компетентных людей, а не за партийных игроков.

Беседу вел Петр Мухарский

TYGODNIK POWSZECHNY

Анджей Рознер *(1949 г.р.) — историк, в 1973-1978 и 1980-1985 гг. был научным сотрудником Варшавского университета. С 1976 г. — сотрудник КОРа. В 1977-1990 гг. занимался подпольной издательской деятельностью: в Независимом книгоиздательстве НОВА и в издательстве «Глос» («Голос»); в январе 1981 г. был соучредителем издательства «Кронг» («Круг»). В 1992-1996 гг. — директор департамента книги в министерстве культуры и искусства, откуда ушел после конфликта с министром Здиславом Подканским. С декабря 1996 до июня 2002 г. — директор и главный редактор книгоиздательства «Твой СТИЛЬ». Вице-президент Польской книжной палаты (2001-2003) и Польского товарищества книгоиздателей (2000-2004). Учредитель, директор и главный редактор издательства «Роснер и К°», созданного в июне 2002 года.*

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

«1 августа 1944 г. в 17 часов началось Варшавское восстание — битва за свободу столицы, и не только ее. Сегодня, спустя 63 года после того августовского дня, по всей стране завоют сирены (...) 18 тысяч повстанцев и около 180 тысяч гражданских жителей Варшавы заплатили высочайшую цену за свой героический порыв. Тех, кто выжил, преследовали коммунистические власти, которые делали все, чтобы мы забыли о восстании и его участниках». ***(«Дзенник», 1 авг.)***

Согласно опросу ЦИОМа, «вступлению Польши в ЕС рады 72% поляков. 65% опрошенных считают, что вступление в ЕС не оказало существенного влияния на их жизнь. По мнению 26%, жизнь изменилась к лучшему, а по мнению 7% — к худшему». *(«Газета выборча», 22 июня)*

«На саммите ЕС в Брюсселе (...) удалось прийти к компромиссу относительно нового базового договора, который должен заменить отвергнутую два года назад евроконституцию. По принципиальному для Польши вопросу методики подсчета голосов в будущем Совете ЕС было принято решение сохранить выгодную для нашей страны систему, принятую в Ницце, до 2014 года (...) Система «двойного большинства», против которой выступала Варшава, начнет действовать после переходного периода лишь в 2017 году». ***(«Тыгодник повшехный», 11 июля)***

«Новый договор не должен проходить процедуру референдумов (...) Бóльшая часть решений будет приниматься двойным большинством голосов («за» должно проголосовать большинство государств, представляющих большинство населения ЕС). Будет создана должность президента ЕС, избираемого на 2,5 года». *(«Дзенник», 25 июня)*

«Министры обороны стран-членов НАТО поддержали строительство элементов ПРО в Польше и Чехии. Министры намереваются включить их в будущую оборонную систему союза». ***(«Жечпосполита», 15 июня)***

«Президент Лех Качинский посетил с визитом США. Из его высказываний после встречи с Джорджем Бушем следует, что вопрос строительства в Польше элементов ПРО уже решен». *(«Тыгодник повшехный», 29 июля)*

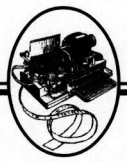
«Президент Лех Качинский посмертно наградил Рональда Рейгана орденом Белого Орла (...) Он подчеркнул, что награждает этим орденом бывшего президента США в знак признательности за свержение коммунизма и обретения поляками независимости». ***(«Жечпосполита», 18 июля)***

«Ядвига Новаковская, живущая в Варшаве на пл. Конституции: «Хорошо, что Банковая площадь уже не называется площадью Дзержинского. Произошли какие-то очевидные изменения. То, что осталось, — не более чем воспоминание. И этого трогать уже не надо» (...)«В Красной Армии служили простые люди, часто молоденькие мальчики, погибавшие в боях. Это не были вожди, которые ввели у нас тот строй», — говорит Станислава Чижевская с улицы Тарговой (...) Согласно опросу ГфК «Полония» (...) 60% поляков считают, что советские памятники и объекты не должны исчезнуть из польских городов. Эту идею поддержали только 10% опрошенных». *(«Жечпосполита», 16-17 июня)*

«Блокбастер о советской армии в Афганистане формирует представление солдат НАТО о войне с талибами. Для одних «Девятая рота» Бондарчука — это инструкция, чего нельзя делать, для других... яд, ослабляющий волю к борьбе (...) Польские военные, которые с недавнего времени начали полномасштабную миссию в Афганистане, смотрят этот необыкновенно реалистичный фильм почти ежедневно (...) так как на собственной шкуре испытывают историю легендарной 9-й роты (...) Для польских солдат на миссии в Афганистане «Девятая рота» — это воинская инструкция». ***(Збигнев Парафьянович, «Дзенник», 30 июня)***

«Тридцать мальчиков из самых бедных афганских семей проводят каникулы на Балтийском побережье. Они в восторге. Еще никогда они не видели моря и таких зеленых деревьев (...) Они приехали из провинции Пактика — самой бедной и самой опасной. Именно там размещены польские войска, и именно наши военные решили пригласить детей в Польшу (...) В следующий раз мы хотим пригласить девочек, а третья группа будет смешанная». *(«Дзенник», 7 авг.)*

Даниэль Ольбрыхский: «Когда в конце я вручил Путину мою книжку о Высоцком в русском переводе, он поблагодарил меня и сказал: «Вас тут называют польским братом Высоцкого». «Господин пре-



зидент, — продолжал я, — эта тоненькая книжечка читается быстро — в самый раз, чтобы убить время в самолете из Москвы в Варшаву». А он ответил, что мне надо поставить пятерку по дипломатии, и даже с плюсом». ***(«Политика», 14 июля)***

Проф. Ежи Помяновский: «Русская интеллигенция всегда сохраняла симпатию к Польше. Она не верит в самый живучий российский предрассудок, представляющий Россию осажденной крепостью, которую Запад только и ищет случая сравнять с землей. Более того, у нее есть ожидания в отношении Польши (...) В Польше русский язык уже не вызывает раздражения. С тех пор как к нам начали приезжать люди в гражданском, а не в мундирах, симптомы русофобии исчезли. Шовинистам с обеих сторон не удалось сделать из Польши дежурного врага России». *(«Ньюсуик-Польша», 15 июля)*

Согласно опросу ЦИОМа о польско-российских отношениях, «33% опрошенных видят причину трудностей в том, что Россия не считает нас равноправным партнером, а 31% — в том, что она не может смириться с потерей влияния после распада СССР. По мнению 14%, виновата слишком жесткая политика Польши, а 5% — русофобия». ***(«Газета выборча», 29 июня)***

«Вчера Европарламент подверг Россию критике за использование экономического шантажа против соседей (...) Евродепутаты пришли к выводу, что Россия «использует средства торговой политики для достижения внешнеполитических целей». Обратили они внимание и на «необоснованный запрет на ввоз мяса из Польши», который, по их мнению, противоречит принципам ВТО». *(«Дзенник», 20 июня)*

«В среду Польская нефтегазовая компания вступила в консорциум, строящий газопровод из Норвегии в Швецию и Данию (...) Сырье может начать поступать в Польшу в конце 2011 — начале 2012 года. «Это очередной этап осуществляемой компанией и правительством политики диверсификации поставок газа на польский рынок», — подчеркнул министр экономики Петр Возняк». ***(«Жечпосполита», 21 июня)***

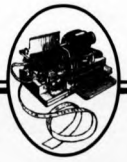
«О задержании белорусским КГБ пяти человек, якобы шпионивших в пользу Польши, сообщило российское информационное агентство «Интерфакс-Запад». Четверо из них белорусы, а один — русский». *(«Тыгодник повшехный», 22 июля)*

Радослав Сикорский, бывший министр обороны: «Рассуждая в категориях безопасности, необходимо рассматривать намерения данного государства и возможности осуществления этих намерений. А военные возможности России всё растут. За последние пять лет ее оборонный бюджет увеличился на 350%, а сумма, выделяемая на заказы и модернизацию — на целых 700%. Такие изменения будут иметь ощутимые последствия через несколько лет. Что касается геополитических вопросов, то выход России из Договора об обычных вооруженных силах в Европе лишает нас права инспектировать российские базы, размещенные в Калининградской области. Если прибавить к этому размещение ракет С-300 на нашей границе — самое провокационное размещение оружия на границе НАТО за последние 25 лет, — то вырисовывается довольно мрачная тенденция. Мы — пограничная страна, но нам грозит опасность сделаться страной фронтовой». ***(«Жечпосполита», 4-5 авг.)***

Из беседы с супругой президента Марией Качинской: «Я бы хотела, чтобы наши отношения со всеми странами складывались как можно лучше. Госпожа Людмила Путина, супруга президента России, и госпожа Валентина Матвиенко, мэр прекрасного Санкт-Петербурга, открывали вместе со мной первый на территории России Польский дом. Это было великое событие и волнующее переживание как для меня, так и для наших соотечественников во всей России (...) Поездка в Петербург был особенно волнующей. Моя мама выросла в этом городе и до конца своих дней вспоминала его с огромной симпатией. В свою очередь у Людмилы Путиной есть воспоминания, связанные с Польшей, где она проходила практику в студенческие годы — сажала розы в ольштынском Кортове. Если она приедет в Польшу, мы обязательно организуем ей поездку туда». *(«Впрост», 24 июня)*

Президент Литвы Валдас Адамкус: «В настоящее время польско-литовские отношения переживают лучший период за всю современную историю. Наше сотрудничество складывается превосходно (...) Поэтому мы крайне заинтересованы в том, чтобы Польша была как можно сильнее». ***(«Дзенник», 12 июля)***

«В субботу президент Украины Виктор Ющенко (...) прибывший на 25-й Праздник лемковской культуры (...) встретился в деревне Здыня в Низких Бескидах с лемками из разных стран мира (...) В этом году праздник совпал с 60-й годовщиной операции «Висла», в ходе которой коммунистические власти выселили лемков в западные и северные регионы страны (...) Ющенко первым потянул за шнур нового колокола, отлитого по заказу лемков. «Мы назвали его колоколом мира, чтобы он был предостережением от тоталитарных систем», — объяснил председатель Объединения лемков Стефан Гладык (...)«Для Украины Польша — стратегический партнер, а также честный, преданный и открытый друг», — сказал президент Ющенко». *(«Жечпосполита», 23 июля)*



«Ежегодно британский фонд «New Economics» изучает уровень счастья в мире (...) На этот раз он провел исследования в 30 европейских государствах (...) Польша с 34-процентным показателем счастья опередила Венгрию и Чехию. По мнению социологов, 19-е место — это совсем неплохо (...) Как показывают другие опросы, оптимизм поляков растет. Согласно опубликованному вчера докладу «Евробарометра», почти 80% опрошенных заявляют о своей удовлетворенности жизнью. Это на 30% больше, чем в 2004 году». ***(«Жечпосполита», 19 июля)***

«Впервые начиная с 1997 г. в стране возросла удовлетворенность общества», — комментирует психолог проф. Януш Чапинский отчет «Общественный диагноз 2007» (...) Только 5% общества считают, что власть как-либо влияет на индивидуальные достижения граждан (...) Только 23% опрошенных придерживаются мнения, что демократия предпочтительнее других форм правления, а 14,9% считают, что иногда недемократическое правление может быть лучше (...) Более чем в половине домашних хозяйств имеются компьютеры, 39,2% из которых подключены к Интернету (...) Что сегодня объединяет поляков? Систематически растущая уверенность, что власть им не нужна, а обществу, т.е. всем остальным гражданам, нельзя доверять (...) В результате в Польше наблюдается парадоксальная ситуация: систематически растет человеческий капитал, т.е. уровень квалификации и компетентности отдельных людей, в то время как общественный капитал остается на неизменно низком уровне». *(Эдвин Бендык, «Политика», 30 июня)*

«По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 2006 г. почти в трети польских домашних хозяйств был DVD-плеер, почти в трех четвертях — мобильный телефон, а в половине — автомобиль (...) В 2006 г. средний располагаемый доход на человека в домашнем хозяйстве (после вычета налогов и взносов) реально вырос на 8,5% и составил 835 злотых». ***(«Газета выборча», 27 июня)***

«За последние полгода в Польше появилось 147 тыс. новых предприятий (...) Число зарегистрированных фирм со штатом до 10 человек было на 25 тыс. больше, чем в 2005 году (...) В первом полугодии свою деятельность закончили 136 тыс. микрофирм». *(«Дзенник», 3 июля)*

«Топливная компания Рышарда Краузе «Петролинвест», которая уже почти год назад получила лицензию на разведку нефти в России и Казахстане, купила 50% акций российской группы добывающих фирм. Объем принадлежащих им подтвержденных месторождений сырья достигает 35 млн. баррелей». ***(«Дзенник», 28-29 июля)***

«Из 1,78 млн. польских крестьянских хозяйств лишь 200-300 тысяч обладают экономическим потенциалом, сравнимым с аналогичным показателем в Западной Европе. Именно на них должно делать ставку государство — ведь они двигают вперед польское сельское хозяйство. Но что бы тогда сказали владельцы полутора миллионов мелких хозяйств? (...) На результаты парламентских выборов влияют скорее мелкие, а не крупные хозяйства (...) Более 1,1 млн. хозяйств годятся разве что для показа в этнографическом музее. Зато из оставшихся 745 тысяч выделяются 225 тысяч, которые не только сравнимы с европейскими фермами, но и превосходят их по многим параметрам. В пользу того, чтобы дать им шанс на развитие, говорят экономические аргументы, против — политические (...) Но поскольку в Польше политические расчеты уже много лет подряд выигрывают битву с экономическими, выбор политиков очевиден». *(Иоанна Сольская, «Политика», 28 июля)*

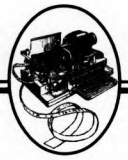
«Во вторник Евростат официально сообщил, что польская безработица ниже словацкой (...) В мае в Словакии уровень безработицы составил 10,8%, в то время как в Польше — «только» 10,5% (...) В Польше безработица падала быстрее всего (...) В Брюсселе признают, что падению уровня безработицы в Польше способствовала, в частности, политика польского правительства». Во Франции уровень безработицы составляет 8,7%, в Греции — 8,6%. ***(«Газета выборча», 4 июля)***

«В июне средняя зарплата на предприятиях (составившая почти 2870 злотых) выросла на целых 9,3% по сравнению с июнем 2006 года. Значительно увеличилась также занятость, а найти квалифицированных работников стало труднее. В настоящее время трудности с их поиском испытывает каждая восьмая фирма». *(«Политика», 28 июля)*

«С 20 июля с.г. иностранец, работающий не более трех месяцев в течение полугода, не обязан получать разрешение на работу в Польше. Теперь сезонных рабочих можно принимать на работу во всех отраслях». ***(«Политика», 21 июля)***

«Согласно анализу Bureau for Investment and Economic Cycles (BIEC), в результате быстрого роста зарплат постепенно ухудшается финансовое положение польских предприятий». *(«Дзенник», 31 июля)*

«Растущее благосостояние поляков становится все более опасным для экономики. Мы покупаем так много, что вскоре промышленность не будет поспевать с производством. Это может привести к росту инфляции и подорожанию кредитов (...) В июне объем розничных продаж увеличился на целых 16,2% по сравнению с тем же периодом 2006 года». ***(«Жечпосполита», 25 июля)***



«В июне годовой темп роста цен составил 2,7% — значительно больше, чем в мае (...) В июне инфляция была на 0,4% выше, чем в мае, и впервые с апреля 2005 г. превысила границу, установленную Польским национальным банком (ПНБ) на уровне 2,5%». *(«Жечпосполита», 3 июля)*

«Совет монетарной политики уже второй раз в этом году повысил процентные ставки». *(«Тыгодник повшехный», 8 июля)*

«Министр финансов Зита Гилёвская добилась, пожалуй, крупнейшего экономического успеха за время правления «Права и справедливости» (ПиС): после первого полугодия 2007 г. бюджетный дефицит составляет всего 3,7 млрд. злотых. Это означает, что расходы превысили доходы только на 3%. Такого низкого дефицита в Польше еще не было (...) Превосходное состояние бюджета на этот год объясняется главным образом высокими доходами, связанными с ускорением экономического роста». *(Михал Зелинский, «Впрост», 29 июля)*

«По некоторым оценкам, налоговые управления ежегодно получают несколько сот тысяч анонимок. Однако в этом году в некоторых регионах страны отмечен 50-процентный рост числа доносов (...) Беспокойство вызывает и изменение формы доносов (...) Мы уже не только пишем, что сосед разбогател, но и добавляем, что он смеется над президентом». *(Виолетта Озминковски, «Ньюсуик-Польша», 17 июня)*

«Лех Качинский тратит на свою канцелярию (...) 168 млн. злотых. Бюджет канцелярии Леха Валенсы составлял 22 млн. злотых, а Александра Квасневского — 99 млн. (...) Расходы на канцелярию трех премьер-министров: Ежи Бузек — 73 млн. злотых, Лешек Миллер — 76 млн., Ярослав Качинский — 106 млн.». *(«Газета выборча», 5 июля)*

«В качестве подарка на день рождения радиостанция RMF FM купила Леху Качинскому и его брату Ярославу участок на Луне. По заверениям радиостанции, участок площадью 80 аров находится в «симпатичном месте с видом на Землю». 18 июня премьеру и президенту исполнилось по 58 лет. Подарок политикам выбрали слушатели радио RMF (...) «Они смеются над тем, что было 46 лет назад», — сказал удивленный президент. Дело в том, что в возрасте 12 лет оба брата выступили в нашумевшем фильме «Двое, укравшие луну»». *(«Газета выборча», 20 июня)*

««Меня грозились уволить с работы в худшие пээнэровские годы. Тогда я не сломался, значит сейчас, в свободной Польше, я тем более не позволю себя запугать», — заявил уволенный опольский прокурор Юзеф Некравец. Некравец был уволен, когда Опольская прокуратура начала допрашивать лидеров местного ПиС». *(«Газета выборча», 11 июля)*

Из резолюции IX Ежегодной конференции Общества прокуроров РП: «В число главных предусмотренных законом принципов польской прокуратуры входят: запрет на партийную принадлежность прокуроров, запрет на участие в какой бы то ни было политической деятельности, а также обязанность руководствоваться принципом беспристрастия и равного отношения ко всем гражданам (...) Это объясняет наше критическое отношение к любым действиям или бездействию, сводящим польскую прокуратуру к роли исполнителя партийных программ и политических решений (...) Мы — прокуроры Республики Польша, а не партий, правительств или министров». *(«Газета выборча», 5 июля)*

«Прокуратура отказывается предоставить какую-либо информацию о расследовании, предпринятом после призыва Общества прокуроров не поддаваться политическому давлению (...) Неделю назад Варшавская окружная военная прокуратура в течение 2,5 часов допрашивала председателя Общества прокуроров Кшиштофа Парульского». *(«Газета выборча», 31 июля)*

«Вчера свое мнение высказала Ассоциация польских юристов (АПЮ): «Мы выражаем решительный протест против действий, направленных на ограничение свободы высказывания членов Общества прокуроров РП, а также против репрессивных мер в отношении прокуроров — членов Общества (...)», — написали в письме министру юстиции [и генеральному прокурору; в Польше эти посты совмещаются — *Ред.*] Збигневу Зёбро представители руководства АПЮ». *(«Газета выборча», 12 июля)*

«Уполномоченный по правам человека Януш Кохановский попросил президента наложить вето на закон, ужесточающий контроль министра юстиции над судами». *(«Газета выборча», 12 июля)*

«Президент Лех Качинский подписал дополнения к закону об устройстве гражданских судов, ужесточающие контроль министра юстиции над судами (в частности, дающие министру возможность отстранить судью и лишить его иммунитета в течение 24 часов)». *(«Тыгодник повшехный», 29 июля)*

Премьер-министр Ярослав Качинский: «Обязанность судов — действовать в польских национальных интересах». Первый председатель Верховного суда Лех Гардоцкий: «Это призыв к нарушению закона». *(«Тыгодник повшехный», 5 авг.)*

««Статья 203 Уголовного кодекса, дающая суду возможность отправить практически каждого на обследование в закрытое отделение психиатриче-

ской больницы, не соответствует основному закону», — постановил Конституционный суд. Теперь у Сейма есть 15 месяцев на изменение этой статьи». ***(«Дзенник», 12 июля)***

▌Марек Сафьян, бывший судья и председатель Конституционного суда: «Об отрицательных последствиях действий, направленных против Конституционного суда, говорилось уже неоднократно, но есть и достойный внимания положительный результат. Опросы общественного мнения показывают систематический рост авторитета КС. Однако цена этого своеобразного урока демократии высока, и есть сомнения, стоит ли ее платить. Послание власти оставляет след в сознании граждан. Трудно ожидать уважения граждан к институту правового государства, если в действиях правящих кругов это уважение отсутствует». *(«Ньюсуик-Польша», 1 июля)*

▌**Лешек Бальцерович: «Я не вижу политической угрозы демократии, понимаемой как строй, при котором власть сменяется в результате регулярных и свободных выборов (...) Демократии угрожают не политические группировки, а пассивность значительной части общества, включая образованных людей (...) Зато я вижу серьезную угрозу законности. ПиС, «Самооборона» и «Лига польских семей» практически не считаются с конституцией, то есть не считаются с законом. Они цинично принимают заведомо неконституционные или противоречащие европейскому законодательству законы. В Польше это никогда не происходило в таком масштабе. Когда Конституционный суд отклоняет эти законы, начинаются жесткие атаки на него. Постановления суда не выполняются».** ***(«Газета выборча», 23-24 июня)***

▌«У Польши все больше проблем с приведением законодательства в соответствие нормам ЕС. В европейских инстанциях идут процессы уже по более чем ста таким делам (...) Борьба с Европейской комиссией в Европейском суде справедливости почти безнадежна — обычно Еврокомиссия выигрывает 80-90% таких споров (...) Еврокомиссия установила минимальные ставки штрафов для отдельных государств в зависимости от их платежеспособности. В случае Польши это 3,61 млн. евро и дополнительный штраф за нарушение установленного Европейским судом справедливости срока приведения законодательства в соответствие европейским стандартам (от 4,3 до 260 тыс. евро за каждый день задержки)». *(«Дзенник», 6 авг.)*

▌**Проф. Павел Спевак, депутат Сейма от «Гражданской платформы» (ГП): «В настоящее время Польшей правят радикалы, но, оказывается, поляки очень неплохо справляются с такой ситуацией (...) Традиция независимости, индивидуализма и польской предприимчивости (...) полностью себя оправдывает (...) Более того, оказалось, что ранее созданные институты — например банковская, налоговая или страховая системы — работают практически без перебоев, регулируя нашу жизнь (...) Настоящий парламент — не тот, который принимает законы, а тот, в котором идут важные дискуссии, — это печать».** ***(«Дзенник», 21 июля)***

▌Проф. Ежи Регульский, один из главных архитекторов польской территориальной реформы: «То, что явка на выборы в органы местного самоуправления даже выше, чем на общепольские, — огромный успех местных лидеров. Люди чувствуют, что местная власть обеспечивает Польше высокую стабильность (...) Однако политические структуры создали столько конфликтов, что чувство опасности будет расти. Когда власть так себя ведет, люди начинают ее бояться! Впрочем, в один прекрасный день наступит кульминация этой напряженности, и сработает правило банановой кожуры». *(«Ньюсуик-Польша», 12 авг.)*

▌**«Местные власти охотно и быстро прокладывают новые тротуары и улицы, ремонтируют их покрытие, реставрируют репрезентативные здания, потому что все это хорошо заметно (...) Капиталовложений в свалки, очистные станции или утилизацию отходов никто не увидит и не оценит (...) Во многих районах Польши леса, реки и озера рассматриваются как места, куда можно свалить грязь и мусор (...) Нам должно быть стыдно (...) что за спасение долины Роспуды взялся лишь Евросоюз».** ***(Януш А. Майхерек, «Тыгодник повшехный», 12 авг.)***

▌«200 тыс. паломников прибыло на Ясную Гору в Ченстохове на торжества в честь 15-летия радио «Мария». Присутствовали, в частности, премьер-министр Ярослав Качинский, а также вице-премьеры Пшемыслав Госевский, Роман Гертых и Анджей Леппер. «Как тут не радоваться, когда с нами польское правительство», — приветствовал их [директор радиостанции] о. Тадеуш Рыдзык». *(«Тыгодник повшехный», 15 июля)*

▌**«Вид премьера и всех вице-премьеров, ищущих у алтаря расположения какого-то нового Распутина, не настраивает на оптимистический лад».** ***(Адам Загаевский, «Газета выборча», 14-15 июля)***

▌«Вчера на Ясной Горе открылась Европейская конференция экзорцистов (...) Цель конференции (...) обмен опытом по изгнанию злых духов». *(«Дзенник», 10 июля)*

▌**«9 июля журнал «Впрост» опубликовал фрагменты лекции о. Тадеуша Рыдзыка в [основанном им] Высшем училище общественной и медийной культуры. Мария Качинская — это ведьма, которая должна совершить эвтаназию, президент — это**

лгун, идущий на поводу у еврейского лобби (...) — учил студентов отец-основатель». ***(«Тыгодник повшехный», 22 июля)***

▌Из интервью премьер-министра Ярослава Качинского Польскому радио: «Я этим особо не занимался, поскольку этот вопрос, хоть и неприятный, особенно для президента и его жены, не имеет большого политического значения». *(Третья программа Польского радио, 13 июля)*

▌**«Центр им. Визенталя в Лос-Анджелесе призвал Папу Бенедикта XVI снять о. Рыдзыка [с занимаемых им должностей] в связи с его антисемитскими высказываниями».** ***(«Жечпосполита», 11 июля)***

▌«Посол Израиля в Варшаве Давид Пелег призвал польское правительство и Церковь осудить высказывания о. Тадеуша Рыдзыка, которые он назвал «самыми антисемитскими после 1968 года»». *(«Жечпосполита», 31 июля)*

▌**«Отец Тадеуш Рыдзык не будет наказан за оскорбительные высказывания в адрес президентской четы и антисемитские аллюзии. Орден редемптористов стал горой за директора радио «Мария» (...) Медийный концерн, созданный торунским редемптористом, — главный источник дохода ордена. Имущество же концерна принадлежит фонду, полностью контролируемому о. Рыдзыком».** ***(«Жечпосполита», 24 июля)***

▌«Институт национальной памяти (ИНП) возбудил следствие по делу об антисемитских выступлениях властей ПНР в марте 1968 года. «Это единственный случай в истории Польши, когда антисемитизм был официальной государственной политикой», — сказал известивший ИНП о факте преступления Ярослав Новак, советник президента (мэра) Лодзи по делам еврейской диаспоры». *(«Тыгодник повшехный», 5 авг.)*

▌**«Был кадиш, т.е. молитва за умерших, и были горящие свечи в том месте, где 66 лет назад польские жители Едвабне убили своих еврейских соседей. Вчера, в годовщину убийства, у памятника жертвам собрались представители еврейских общин и 200 военнослужащих израильской армии, находящихся в Польше с визитом. Как и в прошлые годы, траурные торжества бойкотировали местные власти и жители Едвабне. Не появились и представители правительства, а канцелярия президента прислала венок».** ***(«Газета выборча», 11 июля)***

▌Вчера в Варшаве на территории бывшего еврейского квартала, перед памятником Героям гетто, в том самом месте, где 64 года назад прозвучали первые выстрелы восстания в гетто, состоялась торжественная закладка Музея истории польских евреев. В торжествах приняли участие, в частности, президент Польши Лех Качинский, посол Израиля Давид Пелег, президент Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц, бывшие президенты Германии и Польши Рихард фон Вайцзеккер и Александр Квасневский, главные раввины Тель-Авива и Польши Меир Лау и Михаэль Шудрих, а также митрополит Варшавский архиепископ Казимеж Ныч. «История польских евреев — это часть истории моей страны, часть истории моего народа, требующая памяти и уважения», — сказал президент Лех Качинский. *(«Дзенник», «Газета выборча» и «Жечпосполита», 27 июня)*

▌**«В конце июля отправится в путь Международный табор памяти цыган (...) В таборе будут ехать цыгане из Польши и из-за границы, путешествующие в традиционных повозках, запряженных лошадьми (...) Его трасса пройдет по местам массовых захоронений цыган, убитых немецкими оккупантами».** ***(«Дзенник», 7-8 июля)***

▌«Первый в Польше букварь для цыганских детей (...) издан при содействии средней школы №1 в Гожуве, где уже долгие годы учатся дети цыган. Школа участвует в правительственной программе помощи цыганской общественности». *(«Дзенник», 5 июля)*

▌**«Впервые за последние сто лет в Крушинянах прошел татарский праздник Сабантуй (...) На праздник, подготовленный подлесскими татарами, приехало несколько сот человек со всей Польши (...) В Польше живет несколько тысяч татар».** ***(«Дзенник», 25 июня)***

▌«За нападение в мае 1983 г. на созданный примасом [почетным главой польской поместной Церкви] Комитет помощи заключенным два бывших офицера милиции, Эдвард Мишталь и Януш Смага, отправятся за решетку. Вчера Варшавский кассационный суд окончательно приговорил их к реальному лишению свободы. Мишталь проведет в тюрьме 2,5 года, а Смага — на полгода меньше». *(«Жечпосполита», 5 июля)*

▌**«К 3,5 годам лишения свободы приговорил вчера Вроцлавский окружной суд Яна М. Этот бывший милиционер был последним обвиняемым по делу о резне в Любине [в Нижней Силезии] в 1982 году. Т.н. любинский процесс продолжался 15 лет. Речь шла о кровавой расправе милиции с оппозиционной манифестацией «Солидарности» 31 августа 1982 года».** ***(«Газета выборча», 18 июля)***

▌Согласно опросу ГфК «Полония», в начале августа за ГП намеревались проголосовать 36% поляков (что дало бы ей 223 места в Сейме), за ПиС — 22% (139 мест), за «Левых и демократов» — 11% (68 мест), за «Лигу польских семей» и «Самооборону» — по 5% (по 28 мест), за крестьянскую партию ПСЛ — 4%. Избирательный барьер составляет 5%. *(«Жечпосполита», 11-12 авг.)*

«Самооборона» и «Лига польских семей» создали учредительный комитет новой политической группировки — «Лиги и Самообороны» (ЛиС), которая (...) по мнению комментаторов, должна попросту помочь партиям, балансирующим на грани проходного барьера, вместе пройти в парламент». ***(«Тыгодник повшехный», 29 июля)***

«Во всех своих политических заявлениях, касающихся международной политики, «Лига» и «Самооборона» имели обыкновение демонстрировать понимание государств, расположенных к востоку от Польши, и волю к сотрудничеству с ними. Причем это была отнюдь не Украина, а Россия и Белоруссия (...) Трудно представить себе, что такая линия способна привлечь широкие массы избирателей». *(Барбара Федышак-Радзеёвская, «Жечпосполита», 16 июля)*

Антон Борковский, известный украинский публицист: «С одной стороны мы слышим, что Польша — адвокат Украины на международной арене. С другой — мы знаем Анджея Леппера, связанного с организациями, которые действуют в интересах совсем другого государства». ***(«Жечпосполита», 26 июля)***

«Причиной отставки лидера «Самообороны» Анджея Леппера с поста вице-премьера и министра сельского хозяйства стали показания задержанных Центральным антикоррупционным бюро Петра Р. и Анджея К., которые утверждают, что министр сельского хозяйства требовал взятку за передачу под застройку живописно расположенного сельскохозяйственного участка площадью 40 га в гмине Мронгово на Мазурах». *(«Жечпосполита», 10 июля)*

«Прокуратура утверждает, что он изнасиловал женщину, другую женщину склонял к половому общению, обещая взамен взять ее на работу, а потом принуждал сделать аборт, еще к двум приставал с сексуальными домогательствами (...) Кроме того, он планировал похищение своего партнера по бизнесу с целью выкупа. Все эти обвинения услышал депутат «Самообороны» Станислав Лыжвинский через два дня после того, как его товарищ по партии Анджей Леппер, подозреваемый в получении гигантской взятки, был отправлен в отставку с поста вице-премьера и министра сельского хозяйства». ***(«Тыгодник повшехный», 22 июля)***

«Европейская комиссия обратилась к польским рыбакам в Балтийском море с требованием немедленно прекратить лов трески. «Ваши рыбаки отловили в три раза больше трески, чем было вписано в их официальных декларациях», — сказала Мирей Том, пресс-секретарь комиссара ЕС по рыболовству и морским делам Джо Борга. Из-за продолжающегося десятилетиями промышленного лова балтийская треска оказалась на грани вымирания». *(«Газета выборча», 10 июля)*

«Не 72, как хотела Польша, а 124 зоны особой охраны птиц, которые займут более 14% сухопутной территории страны, будет создано в Польше в рамках сети «Натура-2000». Таков эффект действий Еврокомиссии, которая пригрозила Польше передачей дела в Европейский суд справедливости». ***(«Дзенник», 18 июля)***

«Вплоть до решения Европейского суда справедливости строительство объездной дороги вокруг Августова в долине Роспуды не будет начато *(см. репортаж на стр.30)*. Такое решение принял премьер-министр Ярослав Качинский. Ранее Европейская комиссия обратилась в суд с требованием приостановить работы». *(«Тыгодник повшехный», 12 авг.) См. также репортаж на стр. 30.*

«До конца 2014 г. Польша должна повысить уровень использования вторичных ресурсов с нынешних 48% до требуемых в ЕС 60%». ***(«Дзенник», 25 июня)***

«В наше распоряжение попал первый всепольский отчет об утилизации использованных электроприборов (...) Во второй половине прошлого года, т.е. спустя шесть месяцев после вступления закона в силу, фирмы собрали около 5 тыс. тонн старой техники. Это лишь 2% техники, выпущенной на рынок». *(«Жечпосполита», 5 июля)*

«С нового года в Польше должна появиться экологическая полиция. Вооруженные и одетые в форму сотрудники смогут, в частности, проверять документы и задерживать машины для контроля (...) Это огромный прорыв в борьбе с теми, кто не считает нужным соблюдать правила охраны окружающей среды». ***(«Дзенник», 6 июля)***

НЕ БУДЕМ СГУЩАТЬ КРАСКИ

Интервью посла России в Польше В.М.Гринина польскому изданию газеты «Уолл-стрит джорнэл» («The Wall Street Journal Polska»)

— О польско-российских отношениях все чаще говорят, что хуже быть уже не может…

— Хотя политическая атмосфера российско-польских отношений и впрямь оставляет желать много лучшего, сгущать краски я бы не стал. На самом деле картина далеко не так мрачна, как ее порой видят или хотят видеть. Политический диалог, конечно, важен, но...

— …но между нашими странами его практически нет.

— Есть сферы в наших отношениях, в которых наблюдается полный застой, но есть и такие, как, например, экономика, где отношения развиваются хорошо и даже очень хорошо. С 2000 по 2006 год российско-польский торговый оборот возрос четырехкратно. Сейчас он находится на уровне 15-16 млрд. долларов. С января по май 2007 г. динамика его роста составляла почти 14%, причем российский экспорт увеличился на 6,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2006 г., а импорт на целых 43%. Из Польши мы поставляем прежде всего химическую продукцию, оборудование и машины, а также продовольственные товары, металлы и металлические изделия. К сожалению, у нас весьма нездоровая структура нашего экспорта в Польшу, львиную долю которого составляет сырье. Мы хотим это изменить, но ни в коем случае не за счет сокращения поставок нефти и газа. Мы хотим увеличить долю иных групп высоко переработанных товаров. Считаю, однако, что на первое место в наших контактах в сфере экономики должна выйти инвестиционная деятельность.

— Опыт польских фирм в этой области различен. Сделка, которую недавно совершил Р.Краузе, может свидетельствовать о том, что у польского капитала есть шансы на реализацию своих амбициозных планов на российском рынке. В то же время не всем понятно, почему усиленные попытки в той же самой энергетической области у компании «Орлен» закончились неудачей.

— Инвестирование — это трудное мастерство. Одни в нем более искусны, другие — менее.

— И нет повода искать других обстоятельств?

— Мы постоянно совершенствуем условия, в которых работают у нас заграничные инвесторы. Эффект очевиден. Динамика роста инвестиций в России выше, чем в Китае. У нас уже нет проблем с привлечением инвесторов, а есть проблема с очередью желающих.

Потенциал нашего экономического сотрудничества, в том числе инвестиционного, намного больше, чем его нынешний объем. Проблем, которые мешают его использовать, также накопилось немало: от различий во взглядах концептуального характера до текущих рабочих вопросов. Однако я не вижу ни одной проблемы, которую нельзя было бы решить, если на то будет добрая воля. Не сомневаюсь, что реанимация двустороннего диалога была бы важным, стимулирующим сигналом для всех областей нашего взаимодействия, включая экономическую. Российская сторона к этому готова.

Если конкретно говорить об экономических вопросах, то улучшение ситуации обеспечило бы соглашение о взаимной защите инвестиций. К сожалению, его подписание затягивается. Проект этого соглашения был передан польской стороне еще в ноябре 2004 г., однако представленные нами предложения остаются без ответа. Хорошо было бы начать переговорный процесс. С марта прошлого года не проходило заседание смешанной межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Это заседание неоднократно откладывалось.

— Нет никаких контактов, абсолютная тишина?

— Ведется подготовка в рабочих группах, созданных в рамках этой комиссии. Мы надеемся, что заседание самой комиссии удастся организовать до конца этого года.

— Что в первую очередь должно быть предметом переговоров на этом форуме?

— Список текущих вопросов, подлежащих решению, велик: от двусторонних отношений в сфере энергетики, связанных с поставками нефти и газа, которыми занимается специальная рабочая группа, до вопросов сотрудничества в сфере инвестиций и торговли лицензионной продукцией.

— Найдется ли в нем место для проблемы российского эмбарго на польское мясо?

— Конечно. Не знаю, в каком виде тема мяса там появится, но с уверенностью можно сказать, что появится.

— Будет ли среди обсуждаемых тем новое соглашение между Россией и Европейским союзом о партнерстве и сотрудничестве, на которое Польша наложила вето?

— Об этом мы ведем диалог с Евросоюзом. Здесь нашим партнером является Брюссель. Разумеется, мы разговариваем также с отдельными членами ЕС, но за последнее время бесед с Польшей на эту тему не было. В настоящий момент ситуация такова, что подписание нового соглашения в этом году нереально. Шанс на заключение нового соглашения появится тогда, когда начнутся переговоры, касающиеся его содержания, а те, в свою очередь, смогут стартовать, когда к ним будет готов Евросоюз.

— Есть ли прогресс в переговорах по мясу, ведь именно это стало причиной польского вето?

— Должен признать, что эта проблема выросла до гигантских размеров, хотя является сугубо технической и неоднократно возникала в процессе взаимной торговли у разных стран.

— Определенно. А кто это сделал?

— Не стоит заострять на этом внимание. Решение нужно искать на уровне экспертов. Российская сторона передала соответствующие предложения в Европейскую комиссию несколько месяцев назад. Думаю, они хорошо известны и польским специалистам.

— В эти дни министры экономики Литвы, Польши, Латвии и Эстонии направили письмо в Европейскую комиссию с предложением поддержать план строительства газопровода, который проходил бы через Польшу и прибалтийские государства. Может ли Россия принять эту идею?

— Я слышал, что это предлагается сделать вместо проекта прокладки Северного газопровода, реализация которого фактически уже началась. Мне трудно говорить об этом встречном предложении за руководство международного консорциума «Нордстрим», участниками которого, как известно, кроме российского «Газпрома» являются немецкий БАСФ и ЭОН. У меня, однако, есть сомнения, что планы подобного организационного, финансового, инженерного размаха можно легко изменить, да еще «на ходу».

Насколько я понимаю, идея относительно сухопутной альтернативы появились в ряде прибалтийских стран, включая Польшу, из-за опасений по поводу экологического ущерба, который «Нордстрим» может нанести Балтийскому морю. Могу сказать в этой связи, что проект «Нордстрим», получивший от ЕС статус трансъевропейской энергетической сети, т.е. ключевого проекта с точки зрения энергетических интересов Европы, планируется реализовать с соблюдением самых строгих экологических норм и с учетом замечаний соответствующих заинтересованных государств. Ведь и Польша планирует построить морской газопровод в Данию, а также Эстония и Финляндия, значит, они исходят из осуществимости таких проектов.

— А вторая нитка Ямальского газопровода?

— В свое время Польша сама отказалась от этого плана.

— Почему мы не умеем разговаривать на столь важные энергетические темы? Почему Россия умеет разговаривать с другими странами, например с Болгарией, а с Польшей нет?

— Однозначно ответить на этот вопрос мне сложно, но могу предположить, что здесь сказываются как раз те самые несовпадения во взглядах концептуального характера, о которых я говорил выше. В частности, мы в России считаем, что в нынешнем мире энергетическая безопасность неделима, что производители и потребители энергетики находятся как бы в одной лодке и могут обеспечить эту безопасность для себя, действуя по-партнерски, сообща, по крайней мере — не друг против друга. Нетрудно заметить, что с теми, кто разделяет эту философию, а их в Европе растущее большинство, мы легко находим общий язык.

— Что, по-вашему мнению, могло бы способствовать тому, чтобы российско-польские отношения вышли из мертвой зоны?

— Как я уже отметил, необходим хороший политический импульс. Необходимо также стимулировать те области сотрудничества, где складываются условия для систематического и стабильного развития, например, сотрудничество на уровне регионов. Во время недавней презентации Калининградской области в Варшаве можно было детально ознакомиться с инвестиционными возможностями области, провести деловые встречи. Таких оказий существует много, и польские предприятия проявляют к ним большой интерес.

Также недавно прошли Дни Санкт-Петербурга в Кракове. В свою очередь, власти Москвы и Кракова договорились в принципиальном плане об открытии прямого авиасообщения, которое сблизит два города. Я уже не говорю о культурном сотрудничестве. В мае в Польше стартовал фестиваль русской культуры с интересной программой, которая продлится до конца года. А на будущий год в России ждут представителей польского искусства.

Беседу вела Ханна Тобольская

DZIENNIK THE WALL STREET JOURNAL.

Дариуш Вильчак
Мариуш Худый

БЕСПЕЧНЫЙ ЛОГИК

Кто этот человек, благодаря которому Вроцлав в течение буквально нескольких лет стал по-настоящему европейским городом? Со странностями — говорят о нем его друзья, прекрасный хозяин — говорят его политические противники.

Рафал Дуткевич, 48 лет, 192 см роста, вот уже пять лет президент (мэр) Вроцлава; особая примета: везде его хвалят, хотя и считают чудаком.

Отец Мацей Земба, доминиканец, друг Дуткевича:

— Первое, что сразу можно сказать о Рафале? Дурака валяет!

Рышард Чарнецкий, вроцлавянин, депутат Европарламента от «Самообороны» и конкурент Дуткевича на последних местных выборах:

— Дуткевич — мастер пиара. Но хозяин прекрасный.

Яцек Пехота, депутат Сейма от «Союза демократических левых сил» (СДЛС), бывший министр экономики, знакомый Дуткевича:

— Рафал обладает редким даром. Он не обращает внимания на политическую принадлежность. Он умеет работать со всеми — было бы желание работать и компетентность.

Богдан Здроевский, один из лидеров «Гражданской платформы», бывший президент Вроцлава:

— Это мой товарищ, но одна его привычка меня всегда раздражала. Он обожает в ресторанах гнуть вилки и ложки. От этой инфантильной привычки он никак не может избавиться. Кроме того, характер у него чудной. То невероятно добрый, то черствый и агрессивный.

Славомир Найнингер, бывший вице-президент Вроцлава и однокурсник Дуткевича (с элитарного факультета фундаментальных технических проблем Вроцлавского политехнического института):

— Уже в студенческие годы он был не такой, как все. Мы ходили развлекаться, а он сидел, зарывшись в книги. Если бы не его активное участие в студенческой оппозиции, сегодня он, наверное, был бы весьма уважаемым профессором, а не президентом города.

В начале военного положения 22-летний Дуткевич руководил всеми типографиями «Солидарности» в Нижней Силезии. Издавал «Изо дня в день» — крупнейшее подпольное издание. Сразу после защиты диплома в июне 1982 года он вынужден был скрываться, так как его разыскивала госбезопасность. Осенью он уехал в Люблин и в 1985 году защитил в Люблинском католическом университете докторскую диссертацию под несколько таинственным названием: «Из наблюдений за методологией семантических таблиц Бета». Если совсем упрощать, то речь шла о поисках интуитивных доказательств в разных логических системах, в частности, в таких, где кроме истины и лжи существуют еще и иные значения. Тому, кто занимается теоретической математикой, известно, что семантические таблицы, составленные голландским философом Эвертом Виллемом Бетом, являются неисчерпаемым источником, инспирирующим научные идеи. Для мэра города, который сам зачастую ведет переговоры с инвесторами, это также очень важно. Все, кто когда-либо подолгу беседовал с Дуткевичем, считают, что он обладает невероятной силой убеждения. Даже, если сам думаешь иначе, с ним бывает трудно не согласиться.

Научная карьера Дуткевича закончилась через несколько лет. В 1989 г., перед назначенными на 4 июня выборами, он начал создавать во Вроцлаве Гражданский комитет. Весной следующего года после первых свободных муниципальных выборов Гражданский комитет взял власть в городе. Дуткевич получил годичную стипендию во Фрайбурге, а президентом города стал Богдан Здроевский (сегодня он возглавляет в Сейме парламентскую фракцию «Гражданской платформы»). Однако политика не отпустила Дуткевича — стипендия еще не кончилась, а его вызвал во Вроцлав Станислав Гусковский, возглавлявший в Нижней Силезии «Демократическую унию», и предложил стартовать на выборах в Сейм. В 1991 г. Дуткевич занял второе место в списке «Демократической унии», но проиграл с разницей в девять голосов последнему в списке «Зеленых» Радославу Гавлику. После

поражения на выборах он вышел из «Унии» и вступил в создававшийся тогда «Либерально-демократический конгресс». В 1993 г. он снова был кандидатом, на этот раз — в Сенат. И снова не попал: Конгресс не преодолел избирательный порог.

Дуткевич, правда, в то время был уже больше бизнесменом, чем политиком. Вернувшись из Фрайбурга, он открыл во Вроцлаве представительство немецкой фирмы «Сигниум интернациональ» — занимался поиском специалистов на должности менеджеров в польских филиалах мировых концернов. Уйдя из «Сигниума», он вместе с несколькими своими сотрудниками основал фирму «Эрде», работавшую на рынке недвижимости. Он объяснял, что название происходит от немецкого слова Erde — земля. Злопыхатели добавляли, что РД — это инициалы самого Дуткевича.

Фирма «Эрде», в которой Дуткевич имел долевое участие в 18%, выкупила у города запущенный дом на Сольной площади. Законность этой сделки позднее подверг сомнению Рафал Кубацкий, очень известный в свое время дзюдоист, а в 2002 г. — конкурент Дуткевича на выборах президента Вроцлава, кандидат от «Самообороны», сегодня — деятель крестьянской партии ПСЛ. Дуткевич подал на Кубацкого в суд за посягательство на частную собственность. После нескольких судебных разбирательств, было достигнуто мировое соглашение. Кубацкий отказался от своих обвинений и извинился перед Дуткевичем.

Обвинения Кубацкого не помешали Дуткевичу одержать победу на первых прямых выборах на пост президента Вроцлава в 2002 году. Во втором туре он получил 64% голосов. Четыре года спустя он одержал внушительную победу над соперниками. Его поддержали 85% избирателей Вроцлава и обе самые крупные партии: «Право и справедливость» и «Гражданская платформа», — хотя сам Дуткевич признаётся:

— У меня друзья в обеих партиях. Мне одинаково близки ГП и ПиС. Хотя в экономическом смысле мне ближе «Платформа».

Президентом города Дуткевич работает, как запрограммированная машина. Никаких отклонений от программы. Подъём в 6.30 и сразу за дело. Чистить ботинки. В 6.45 он будит детей — десятилетнюю дочку и тринадцатилетнего сына. В 6.50 встает жена (архитектор по образованию, в настоящее время вновь начала работать, потому что кончились когда-то отложенные деньги, а президентской зарплаты, 7 тыс. злотых, стало не хватать на содержание большого дома и обучение детей). Завтрак. В 7.30 приезжает машина. В 7.45 президент входит в здание городского управления. Говорит «привет» вахтеру — таков его стиль. С восьми до девяти — газеты. Они уже ждут его, аккуратно разложенные на письменном столе. В понедельник в девять утра — совещание с вице-президентами. В среду — планирование развития города. В четверг — встреча с директорами отделов. В субботу вечером подводятся итоги недели. Для семьи остается воскресенье.

О. Мацей Земба, который, приезжая во Вроцлав, всегда останавливается у Дуткевича, говорит о его работе так:

— Рафал сначала видит то, что задумал, а затем переводит это на язык конкретных действий. И чем старше он становится, тем лучше это у него выходит.

Действительно, ни одному из польских городов за последние годы не удалось привлечь столько инвесторов, сколько Вроцлаву. «Лайф'с гуд», «Филипс», «Вольво», «Сименс», «Вабко», «Фагор», «Уирпул», «Врозамет», «3М», «Кёльнер», «Хьюлетт-Паккард». Правда, президентство Дуткевича пришлось на период быстрого экономического роста во всей стране, а Вроцлав сумел воспользоваться своим выгодным расположением, авиасообщением с крупными городами Европы и единственной польской автострадой, которая соединяет нас с сетью автострад Евросоюза.

— Самый большой успех Дуткевича — то, что он сумел заразить жителей своим оптимизмом, — говорит Рышард Чарнецкий. — Люди гордятся тем, что они вроцлавяне. Но не всё выглядит так радужно. В большинстве новых крупных фирм работают приезжие. Всё больше наблюдается разделение на Вроцлав-А и Вроцлав-Б. У нас сейчас обновлена старинная часть города — Рыночная площадь с прилегающими кварталами и Тумский остров, но в стороне от центра многие районы пугают обваливающимися балконами, осыпающейся штукатуркой, а многочисленные выбоины на дорогах создают в городе огромные пробки. Однако эти минусы не должны заслонять очевидных плюсов и менеджерского мастерства Дуткевича.

Очередные проекты президента: чемпионат Европы по футболу (Евро-2012) во Вроцлаве, Всемирная выставка — тоже через пять лет — и Европейский технологический институт. Футбольные матчи на первенство Европы уже точно будут проходить здесь. Решение уже принято. Сейчас активно лоббиру-

ВРОЦЛАВ В ЦИФРАХ

Снижающаяся безработица и динамичный рост капиталовложений приводят к тому, что президент города любит читать статистику.

8% — уровень безработицы во Вроцлаве в 2007 году. В 2002 г., когда Рафал Дуткевич принимал свой пост, — 14%.

3 млрд. евро — объем инвестиций, которые Дуткевичу удалось привлечь в город с начала своего президентства.

2,4 млрд. зл. — доходы города; расходы — 2,7 миллиарда. Когда Дуткевич вступал в должность, задолженность составляла 60%.

500 млн. зл. составят капиталовложения в 20 проектов по дорожному строительству.

376 млн. зл. — квота, полученная городом из фондов Евросоюза.

3 млн. зл. — стоимость городских облигаций, предназначенных на выкуп т.н. бременского клада (коллекции ювелирных изделий). Облигации разошлись, как горячие пирожки.

45 тыс. зл. — за такую цену была продана на благотворительном аукционе авторучка, которой Дуткевич подписал контракт с фирмой «Хьюлетт-Паккард».

35,4 км — длина Вроцлавской окружной дороги. Тендер будет объявлен в текущем году.

ется организация Экспо-2012 и строительство института. Временами это лоббирование происходит весьма своеобразно.

— Я долго искал контакт с европейским комиссаром по делам образования и обучения Яном Фигелем, отвечающим в Еврокомиссии за проект строительства института, — говорит Дуткевич. — Никак не мог условиться с ним по телефону и поехал в Брюссель. Перехватил его, когда он выходил с какого-то заседания. Фигель — словак, я остановил его на минутку, представился и говорю по-польски: «Как вы считаете, Яносик был поляк или словак?» Он засмеялся и говорит: конечно, словак, вне всякого сомнения словак.

Уже через несколько месяцев Фигель был во Вроцлаве с лекцией на открытии учебного года во Вроцлавском политехническом.

— У Рафала такой стиль жизни, — улыбается Станислав Гусковский, кстати, тоже в прошлом президент Вроцлава, занимавший эту должность между двумя сроками полномочий Здроевского и двумя Дуткевича. — Мне даже нравятся эти его чудачества. Он всегда вёл себя нонконформистски. В 90-е годы он носил часы «Ролекс», купленные с лотка за три доллара. Этими своими часами он просто шокировал деловых контрагентов. Вообще Рафал большой шутник: он не рассказывает анекдоты, а сочиняет на ходу.

Здроевского эта, как он называет, беспечная экстравагантность Дуткевича слегка раздражает. По его мнению, президент такого большого города должен быть человеком серьезным.

— Это верно, — прибавляет Здроевский. — Но Рафал — человек незаурядный, а вдобавок мой друг, поэтому я прощаю ему многие чудачества. И все-таки это ненормально, что в ратушу он приходит безукоризненно одетым, а вскоре где-то теряет галстук.

Второе президентство Дуткевича заканчивается через три года. Здроевский говорит:

— Политик должен сосредотачиваться не на каких-то отдаленных шагах, а на том, что он делает сейчас. Это позволяет избегать ошибок, да и от зависти спасает. Если бы вроцлавяне вдруг почуяли, что у Рафала есть какой-то политический проект, они были бы разочарованы.

В конце концов не все президенты, даже самых больших польских городов, должны обязательно думать о еще бóльших почестях.

Newsweek

Михал Зелинский

КАК МЫ ДОГНАЛИ ГРЕКОВ

Полякам никогда в истории не жилось так хорошо, как теперь

«Что меня удивляет? Что люди жалуются», — сказал житель Дзялдова, который после 19 лет комы вновь обрел хоть какую-то способность говорить и перемещаться. Он попал в аварию в 1988 г., когда в Польше рушился коммунизм и разваливалось централизованно управляемое народное хозяйство. Теперь у него есть шанс вернуться к активной жизни в мире рыночной экономики и экономического бума. В Польше богатой, как никогда в истории, в которой никогда раньше не жилось так удобно и нельзя было функционировать так легко.

По данным Главного статистического управления (ГСУ) и по результатам проведенных в июле 2006 г. ЦИОМом опросов общественного мнения, более 70% семей располагают сотовым телефоном, почти 60% — автомобилем, 47% имеет компьютер, а 36% — доступ в Интернет. С точки зрения человека, который «пропустил» почти двадцать последних лет, трудно понять недовольных и брюзжащих. Но даже самые большие ворчуны жалуются сегодня скорее из принципа или по привычке. Рост благосостояния в Польше носит настолько всеобщий и отчетливый характер, что надо набраться немалой наглости, чтобы его оспаривать. Этот факт совершенно очевидным образом подтверждает и статистика. С 1990 г. наше вознаграждение за труд выросло реально, то есть с учетом инфляции, на 43%. Для тех, кому не по душе такой показатель, как реальная зарплата, популярный еженедельник «Впрост» подготовил собственный индекс потребления, основанный на потребительской корзине, которую мы выбрали сами. Показания этого барометра благосостояния выглядят даже лучше, чем данные ГСУ.

Благосостояние по Ярузельскому

У обследования еженедельника «Впрост» две отправных точки — 1985 и 1990 годы. Дело в том, что по данным имеющейся статистики зарплаты ее реальные размеры были в эти годы почти одинаковы. В 1985 г. средняя зарплата составляла 20 тыс. старых злотых (это 2 зл. в пересчете на злотые после деноминации, но не надо забывать о тогдашней гиперинфляции), а за последующие пять лет она увеличилась более чем в 56 раз (до 103 тыс. «старых» злотых, то есть до 103 «новых»). Почти так же (в 55,4 раза) выросли цены. Однако в первый же год экономических реформ почти всё на нашем рынке изменилось. Исчезли карточки, а рынок продовольствия — за счет роста цен быстрее среднего — стал полностью сбалансированным. Появились товары длительного пользования, прежде совершенно недоступные. Более реальным в соотношении с курсом черного рынка сделался и курс доллара, а это привело к тому, что зарплата в долларовом эквиваленте подскочила с 12,5 до 114 долларов. Более реальными стали и цены услуг — до того целиком и полностью фиктивные. Здесь достаточно указать, что ежемесячная плата за обогрев одного квадратного метра квартиры составляла в 1985 г. 5,5 злотых («старых» злотых, в «новых» это было бы 0,55 гроша), а это означало, что средний поляк на свою среднюю зарплату мог оплатить отопление 714 квартир. Но, несмотря на возможность обогреть изрядный микрорайон, этот средний поляк не был как-то особенно доволен. Поэтому он с надеждой приветствовал приход рынка. Однако довольно долго он был вправе считать эту надежду не до конца сбывшейся. Правда, статистика ГСУ показывает 15-процентный рост реальной зарплаты до 1995 г., но революционные изменения структуры наших покупок, рост различий в доходах и реальная угроза безработицы вполне могли в общественных ощущениях нейтрализовать удовлетворенность таким скромным ростом зарплаты.

Славянская трофа

Когда в 1992 г. в Сопоте Казик Сташевский пел от имени миллионов обозленных так называемых простых людей: «Валенса, отдай мои сто миллионов» (о Казике и об этой песне см. в предыдущем номере «Новой Польши»), — члены верхних слоев «красной буржуазии» уже не то распевали, не то кукарекали о том, как горячо они возлюбили демократию, а также в общем и целом соглашались на рыночную экономику (правда, «социальную»). Оказывается, причина этой произошедшей после 1989 г. своеобразной смены ролей на противоположные хорошо объясняется нашим анализом изменений цен на товары.

Когда специалисты по экономической истории хотят рассчитать изменение благосостояния и покупательной способности денег для тех периодов времени, когда еще не существовало статистических органов (первое шведское Tabellverket — Управление таблиц — возникло в 1749 г.), они используют особое мерило, которое называется «трофа» (от греч. trophe — питание). Это стоимость порции продовольствия, доставляющей организму 3000 килокалорий. Самая простая диета, обеспечивающая такую питательную ценность, — это 3 кг хлеба и 0,5 кг мяса*. Идя по этому следу, мы положили в нашу продовольственную корзину 3 кг хлеба и 0,5 кг колбасных изделий, а также, учитывая специфику славянский души, немного спиртного. А поскольку даже при такой простейшей диете у людей могут наблюдаться качественные различия, у нашей корзины предусмотрены две версии — «пролетарская» (хлеб, обыкновенная колбаса и стопка водки) и «буржуазная» (булочки, ветчина и полбутылки вина).

Именно такая дифференциация двух разновидностей продовольственных корзин позволила выявить интересную разницу в изменении структуры цен. Вследствие ценовой революции 1990 г. «пролетарская» корзина реально подорожала (за среднюю зарплату можно было купить меньший набор из хлеба, колбасы и водки), а «буржуазная» — подешевела, и уже в 1990 г. мы, журналисты, могли потреблять больше ветчины и вина. А потому нет ничего странного, что в новой действительности легче нашли себе место аппаратчики, и раньше уже хорошо устроенные, чем наш средний соотечественник. Эта закономерность в основном удерживается по сей день. Дело в том, что реальные цены простой еды снизились довольно незначительно, а вот переработанной — существенно.

Сфера роскоши

В стране, где зажиточными гражданами (попадающими под 2-ю, повышенную ставку налогообложения) считаются уже лица, зарабатывающие в год свыше 43 405 зл.(около 15 тыс. долл.), довольно трудно установить разумную корзину предметов роскоши. Поэтому примем, что к роскоши относятся такие товары, которые люди считают роскошными. В последние годы ПНР роскошью были кофе или шоколад, то есть продукты, которые сегодня можно купить без труда всего за несколько злотых. Подбирая товары в нашу корзину, мы хотели избежать тех смешных ситуаций, к которым нас когда-то приговаривала «система всеобщего счастья». Поэтому мы приняли за символы роскоши автомобиль (самый дешевый, а до 1990-го — единственный практически доступный) и доллары. Для 1980-х цена автомашины, которая всегда была предметом мечтаний поляка, — это ее цена на автомобильной «бирже», хотя есть смысл напомнить, что существовала еще и вполовину более низкая «талонная» цена. Посему не надо удивляться, что те, кто получал такие талоны, вправе вспоминать те давние времена с умилением (соотношение зарплаты и цены автомобиля достигло уровня, которым пользовались эти избранники, только в 2000-м). Принимая в качестве второго предмета роскоши обычный американский доллар, мы учли как то обстоятельство, что в 1980-е покупки в валютных магазинах были единственным способом приобрести чуточку лучшие товары, так и тот факт, что сегодня курс доллара определяет цены на любые товары импортного происхождения. Рассчитывая так называемый синтетический показатель

* Серьезная ошибка: и 100 г среднего хлеба, и 100 г среднего мяса — это около 240 ккал, т.е. 3,5 кг хлеба и мяса дают не 3000, а 8400 ккал — почти втрое больше. Да и съесть столько немыслимо. 1 кг хлеба и 0,5 мяса — это еще похоже на правду. Но в таблицах (в конце статьи) тоже 3 кг хлеба (или 60 штук 50-граммовых булочек). — *Пер.*

для предметов роскоши, мы тем самым произвели важную процедуру, позволяющую учесть естественное для большинства людей отношение к части прироста их благосостояния как к чему-то естественному и полагающемуся им просто потому, что время течет и мир развивается.

Сегодня (данные за 2006 г.) стоимость польского импорта составляет 122 млрд. долларов. Примерно 70% этой суммы (то есть в пересчете на злотые — около 250 млрд. зл.) занимают потребительские товары. Это приблизительно 20% нашего ВВП. Вследствие этого мы решили принять, что в среднем именно столько тратят поляки на эти импортированные предметы роскоши из своей зарплаты, выраженной в долларах. В 1985 г. это означало 2,5 долл. (две бутылки водки и два пива), сегодня — 125. И несмотря на такую явную разницу мы отнеслись к обеим указанным величинам как к одинаковым, «причитающимся» нам только в силу того, что мир меняется. Только излишек — сверх того, что нам вроде бы «полагалось», — мы истолковали как эффективный вклад возросшего потребления предметов роскоши в рост нашего благосостояния. И вновь такая конструкция данного показателя, оказалось, вполне согласуется со знакомыми нам колебаниями общественных настроений. До 1995 г. этот показатель не менялся (доступность предметов роскоши росла, но лишь в таком темпе, который общество считало «причитающимся» ему). Он двинулся с места только после 1995-го, а к 2005-му и далее разогнался до настоящего галопа.

МИЛЛИАРД В УМЕ

Поляки, которые нажили состояние после 1990-го

Томаш Кужевский
Стал миллионером благодаря сериалу «Мир по Плоховским», который произвела его вроцлавская фирма «АТМ Група». Теперь это самый крупный среди частных телевизионных продюсеров в Польше.

Пётр Рончинский
Еще в 1997 г. семья Рончинских держала только две торговых точки, а сегодня у них больше 90 магазинов ювелирных изделий и бижутерии. Их фирма «Апарт» — самый крупный в Польше производитель ювелирных изделий.

Анджей Чернецкий
В начале 1990-х он узнал, что прогнозируется рост спроса на иглы и ланцеты. Взял кредит и начал их производство. Сегодня принадлежащая ему фирма «ХТЛ-Стрефа» выпускает 22% общемирового производства заволочных игл.

Сильвестер Цацек
В 1998 г. за 30 млн. злотых он купил у «Ситибанка» люблинский «Купрум банк», который потом преобразовал в «Доминет банк», сегодня один из самых крупных польских коммерческих банков.

Мацей и Малгожата Адамкевич
Владельцы фармацевтической фирмы «Адамед». С 1998 г. объем поступлений их фирмы вырос в пятнадцать раз. Сейчас это самая рентабельная из польских компаний по производству лекарств: на каждый миллион злотых поступлений 300 тыс. зл. составляет чистая прибыль.

От «Рубина» к «Сони»

Из товаров длительного пользования в качестве представительных мы выбрали автоматическую стиральную машину, цветной телевизор и расходы на отопление квартиры. Два первых — это всегда необходимое оснащение домашнего хозяйства (сегодня их имеют соответственно 75 и 97% семей), третий показатель, как представляется, достаточно хорошо отражает изменения в расходах на содержание квартиры. Здесь необходимо — особенно для молодых читателей — дать дополнительное объяснение, касающееся цен на указанные изделия в 1985 году. Цены эти были совершеннейшей фикцией: таких товаров длительного пользования в нормальных магазинах вообще не было. Верхом роскоши считался, к примеру, тяжеленный, топорный и вечно портящийся телевизор «Рубин». А потому информация, что в 1985 г. на среднюю зарплату можно было купить 2,76 стиральной машины или 1,21 телевизора, означала лишь то, что по таким ценам

могли отовариваться всякие привилегированные лица — партийно-армейско-гэбешный актив, шахтеры, а также люди с хорошими связями и знакомствами. И вот они-то как раз вправе жаловаться на рыночные реформы. Ибо, когда их лишили упомянутых привилегий, их реальные доходы упали.

Фиктивной, хотя в другом значении этого слова, была и цена центрального отопления. Оно было таким дешевым, что соответствующий расход вообще трудно было заметить. А когда затраты на энергию стали реальнее, то, хотя это и привело к тому, что теперь мы ее экономим, и всё наше развитие с 1990 г. происходит без роста ее потребления, но граждан такие реальные цены на энергию сильно ударили по карману. Если, однако, мы от обсуждавшихся выше частичных прикидок перейдем к ориентировочной оценке конечного показателя (укладывая в потребительскую корзину по одной трети расходов на каждую разновидность товаров и услуг), то картина оказывается весьма оптимистической. В 2007 г. она показывает, что теперь мы уже на две трети богаче, чем в искусственно завышенном благодаря фиктивным ценам 1985 году или в начале 1990-х.

Погоня за Европой

Поляки, работающие в собственной стране, могут теперь купить за свою зарплату почти столько же, сколько португальцы или греки. А стартовали мы с гораздо более низкого исходного уровня. И без предыдущих нескольких веков непрерывного участия в нормальной экономике, зато с полувеком коммунизма на шее. Более того, мы пытались разбогатеть, одновременно таская за собой неподъемный багаж «старых» пенсий или раздутой системы льгот. И нам это удается. По данным ГСУ, в 2006 г. доходы польских семей выросли в среднем на 8,5% больше, чем составляла инфляция. О том, что это не только статистика, но и действительное самоощущение поляков, лучше всего свидетельствует число обращений за ипотечными кредитами. Не делают же долгов на 30 лет те люди, которые видят свое финансовое будущее в черных тонах.

Доказательства того, что никогда еще нам не жилось лучше, чем сейчас, дает и анализ требований бастующих. Если бы 10 лет назад врачи потребовали, чтобы их средние зарплаты равнялись сегодняшним 5000 злотым, ссылаясь при этом на заработки медиков в Великобритании или скандинавских странах, то большинство поляков сочло бы их сумасшедшими. А поскольку аппетит во время еды не только приходит, но и растет по мере отведыванья всяких разносолов, то сегодня такие требования никого не шокируют. Конечно, полякам не перестала давить на психику громадная дистанция по отношению к средним зарплатам в Евросоюзе. Но все-таки, невзирая ни на что, она уменьшается. В 1989 г. наш ВВП, приходящийся на одного жителя (и рассчитанный по паритету покупательной способности), составлял только 12% от тогдашнего среднего показателя по всему Европейскому союзу. Сегодня это уже 28% среднего ВВП для прежних пятнадцати его членов (по отношению к средней величине для 25 нынешних членов ЕС это равняется, соответственно, 24 и 50%).

Можно сказать, что мы уже ликвидировали одну треть того расстояния, которое необходимо, чтобы сравняться со средними показателями «большого» ЕС, и одну пятую расстояния, отделяющего нас от самых богатых государств сообщества. И, хотя потребуется целое поколение, чтобы мы смогли догнать основную группу «гонщиков», хорошо, что эта погоня наконец-то началась.

Мы зарабатываем все больше

Номинальная и реальная зарплата

	1985	1990	1995	2000	2005	2007
Номинальная зарплата (в злотых)	2*	103*	691	1405	1612	1825
Цены (1985 = 1)	1	55,4	301	548	619	650
Реальная зарплата (1985 = 1)	11248	1,00	1,15	1,28	1,30	1,41

* В пересчете на «новые» злотые; в «старых» злотых это, соответственно, 20 тысяч и 1,296 млн. злотых

Мы покупаем все больше

Стоимость корзины еженедельника «Впрост» и число корзин, которые можно купить за среднюю зарплату

Год	Стоимость корзины еженедельника „Впрост" (в злотых)	Число корзин, которые можно купить за среднюю зарплату	Рост (в %)
1985	1,796	1,11	100
1990	82,187	1,25	113
1995	557,40	1,24	112
2000	857,03	1,64	147
2005	924,33	1,74	157
2007	987,99	1,85	167

Мы догоняем Европу

ВВП на одного жителя по паритету покупательной способности в Польше и Евросоюзе (15 и 25 стран), 1989-2008

Год	В тыс. Евро	В процентах от среднего показателя по ЕС (15 стран)	В процентах от среднего показателя по ЕС (25 стран)
1989		12	24
1995	6.3	17.7	33
2000	9.3	22.6	42
2004	10.8	25.0	47
2006 *	14.6	28.0	50

Источник: Евростат; за 2006 г. — данные Международного валютного фонда

Мы можем себе позволить все больше

	1985	1990	1995	2000	2005	2007
Трофа а) „пролетарская" версия б) „буржуазная" версия						
а) 0,5 кг обыкновенной колбасы* 3 кг хлеба 100 г водки** ***Итого „пролетарская" трофа***	0,012 0,001 0,012 **0,025** ***(80)***	1,170 0,087 0,540 **1,797** ***(55)***	4.13 3.55 3.20 **10,88** ***(64)***	6.24 7.80 5.09 **19.13** ***(73)***	5.91 8.00 3.74 **17.65** ***(91)***	6.00 9.00 3.80 **18.80** ***(97)***
б) 0,5 кг ветчины 60 булочек Полбутылки сухого вина ***Итого „буржуазная" трофа***	0,090 0,018 0,015 **0,123** ***(16)***	2,243 1,416 0,836 **4.495** ***(23)***	7.16 7.20 3.14 **17.50** ***(40)***	9.45 12,00 6.00 **27.45** ***(51)***	9.34 12,36 5.50 ***27.20*** ***(59)***	9.00 13.20 5.50 **27.70** ***(66)***
Предметы роскоши						
„Фиат"*** доллар Показатель для предметов роскоши: (1/60 цены автомобиля плюс цена долларов, купленных за 20% заработной платы) **Итого показатель цен для предметов роскоши**	63**** (0,03) 0,08 *(12,5)* 1,05 0,20 **1,25** ***(1,6)***	2484 (0,04) 0,90 *(114)* 41,40 20,52 **61,92** ***(1,7)***	17509 (0,04) 2,42 *(286)* 292 138.42 **430,42** ***(1,6)***	23900 (0,06) 4.35 *(323)* 398 272 **660** ***(2,16)***	23211 (0,07) 3.23 *(499)* 387 322 **709** ***(2,27)***	23800 (0,08) 2,91 *(627)* 397 365 **762** ***(2,40)***
Товары длительного пользования						
Автоматическая стиральная машина (5кг) Телевизор (21 дюйм) Центральное отопление (ежемесячные расходы на отопление квартиры площадью 50 кв. м) Показатель для товаров длительного пользования (1/60 цены стиральной машины и телевизора плюс ежемесячные расходы на отопление): ***Итого показатель цен для товаров длительного пользования***	7.25 *(2,76)* 16.5 *(1,21)* 0,028 *(714)* 0,12 0,275 0,028 **0,423** ***(47.2)***	357 *(0,36)* 480 *(0,21)* 2,80 *(37)* 5.95 8.00 2,80 **16.75** ***(6.2)***	939 *(0,74)* 1100 *(0,63)* 75.50 *(9)* 15.65 18.33 75.50 **109.48** ***(6.3)***	1476 *(0,95)* 1019 *(1,38)* 128 *(11)* 24.60 16.98 128.00 ***169.58*** ***(8.2)***	1265 *(1,27)* 753 *(2,14)* 154.5 *(10)* 21,08 12,55 154.50 **188.13** ***(8.6)***	899 *(2,03)* 499 *(3.66)* 175 *(10)* 14.98 8.31 175.00 **198.29** ***(9.20)***
Показатель еженедельника „Впрост" (сумма трофы и показателей для предметов роскоши и товаров длительного пользования) ***Всего „пролетарский" показатель еженедельника „Впрост"*** ***Всего „буржуазный" показатель еженедельника „Впрост"***	0,025 1,25 0,423 1,698 (1,18) 0,123 **1,25** **0,423** **1,796** **(1,11)**	1,797 61,92 16.75 80,467 (1,28) 4.495 **61,92** **16.75** **82,187** **(1,25)**	10,88 430,42 109.48 550,78 (1,25) 17.50 **430,42** **109.48** **557.40** **(1,24)**	19.13 660 169.58 848.71 (1,66) 27.45 **660** **169.58** **857.03** **(1,64)**	17.65 709 188.13 914.78 (1,76) 27.20 **709** **188.13** **924.33** **(1,74)**	18.80 762 198.29 979.09 (1,86) 27.70 **762** **198.29** **987.99** **(1,85)**

* с 1995 — торунской

** до 1990 — чистая водка, с 1995 — водка «Полонез» 50%

*** 1985-1990 — модель 126р. 1995 — «Чинквеченто», 2000-2005 — «Сеичеито», 2007 — фиат 600

**** биржевая цена, официальная цена составляла 310 тыс. злотых

wprost

Веслав Кот

ОТКРЫТКИ ИЗ СТРАНЫ БИГОСА

К концу 1980-х польская экономика еле дышала под бременем 40-миллиардного (в долларах) долга. Это означало, что каждый поляк был должен Западу примерно тысячу долларов. А зарабатывал он ежемесячно сумму, эквивалентную всего лишь нескольким десяткам «зеленых». Чтобы купить на Западе одну тонну электронной аппаратуры домашнего обихода, мы были вынуждены продать туда целых семь тонн «отечественных изделий». Чаще всего — барахло. И это барахло пожирало целых 40% национального дохода. Ничего не давали и всякие опереточные меры, предпринимавшиеся правительством, вроде «дисциплинарных санкций за выпуск и приемку некачественной продукции». Еще в 1987 г. польский комитет нормализации мер и качества допустил для мебели первого сорта «8 видов дефектов, в том числе выщербленные места и зазубрины, изъяны фанеры, вмятины, задиры и т.п.». Вместе с тем у нас имелось почти сто законодательных актов, регулировавших вопросы качества.

Печальные 1980-е. В эти годы люди работали с ощущением безнадежности, жили грустно и тошно, пили — по каждому удобному и неудобному случаю. Но закуска была только по карточкам. В 1989 г. административное обслуживание регламентирования мясных изделий стоило обществу миллиард злотых. Вдобавок не было даже где съесть эту закуску. В конце 1980-х на 1000 жителей приходилось 30 мест в гастрономических заведениях. «Что является сейчас самой большой угрозой для Польши?» — спрашивал в 1984 г. Центр изучения общественного мнения для нужд прессы. «Алкоголизм» — таков был самый частый ответ. Из более дешевых развлечений доступными были нудистские пляжи (в 1985-м — свыше 30-ти). И кружки «завернувшихся» приверженцев всяческих странных хобби — типа действовавшего в Кракове братства «Супир», члены которого утверждали, будто контактируют с существами, прибывающими с других планет. Из более дорогостоящих развлечений упомянем единственное в Польше казино в краковской гостинице «Под Розой», открытое в 1989 г. для гостей с «конвертируемой валютой».

Новую автомашину впервые стало возможным купить «путем аукционных торгов» только в 1989-м. На биржу, которой управляло государство, ежегодно попадало в то время 20 тыс. машин. Это была революция. До той поры новые машины были доступны только по особым ордерам или же после внесения предоплаты. Но радость покупателей была ограниченной. В 1989 г. на каждой автозаправочной станции ежедневно не хватало для полного удовлетворения спроса до 2 тонн бензина. Стало ясно: дальше мы так никуда не доедем.

Потом пришли 1990-е, или годы докапитализирования социализма. «Наконец-то мы в собственном доме. Не стой! Не жди! Помоги!» — взывали по телевидению актеры. «Ежели бы к социализму да добавить малость бабок, то остальное можно бы и оставить», — отвечали на это в 1992 г. артисты популярного телевизионного «Кабаре Ольги Липинской». А те, кого одолевали более честолюбивые и амбициозные замыслы, норовили зарабатывать. Устаревшие хозяйственно-экономические структуры не поспевали. В 1990 г. государственный бюджет впервые выделил на просвещение, медицину и здравоохранение больше средств, чем на армию и милицию. А вот время совершения финансовых операций в банках и на почте в начале 1990-х составляло 35 дней. В тот момент мы лишь недавно сумели задавить инфляцию. А развлечения только начинали раскручиваться. В первые годы после 1990-го спутниковые антенны принимали в лучшем случае 35 программ. И только западных. Поэтому мы пытались хоть как-то утешаться. В 1996 г., например, тем, что в Лешно пришлось создать в полиции специальный отдел экономических афер — так у них там раскрутился «левый» товарооборот. Помнили мы и о том, что и у Польши есть свои должники — Иран, Нигерия и Ангола, — где у нас «зависли» 4 млрд. долларов.

Войцех Орлинский

ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ ДУНИНА-ВОНСОВИЧА

Павел Дунин-Вонсович — известный критик и издатель, но прежде всего неутомимый летописец «польской культуры, рожденной после 1960-го», если перефразировать подзаголовок известного энциклопедического словаря «Парнас-бис», который он составил вместе с Кшиштофом Варгой.

В 1995 г., когда этот словарь вышел из печати, писатель, родившийся после 1960-го, был по определению «молодым писателем». 12 лет спустя поколение, появившееся на свет в 1960-е, никто уже не относит к молодежи. Его представители если не поседели, то лишь потому, что облысели, а вдобавок уже перестали быть жаждущими славы аутсайдерами, штурмующими культурный Парнас, — скорее напротив, они сами теперь оккупируют этот Парнас, роя первые траншеи от штурма следующей волны молодежи.

Опубликованные только что Дуниным-Вонсовичем «Беседы у лампы» — хороший повод подытожить произошедшие перемены. Уже полтора десятка лет Дунин издает собственный культурный альманах «Лампа и искра Божья» (с 2004 г. он выходит под названием «Лампа») — квазикоммерческий ежемесячный журнал с нормальным распространением через книжные магазины «Эмпик» и киоски, хотя прежде он печатался как чисто любительское издание, некоммерческое и нерегулярное, то есть так называемый «фанзин».

Гвоздь каждого номера «Лампы» — безбрежное интервью, которое Дунин берет у какой-нибудь творческой личности, чаще всего либо из его же поколения, либо обожаемой этим поколением (как, к примеру, выдающиеся польские фантасты Станислав Лем и Марек Губерат или открытие Дунина — Дорота Масловская). Рецензируемая нами книга — сборник этих интервью, отобранных за десять с лишним лет.

Самое раннее из них относится к 1993 г., но касается событий 1989-го — захвата люблинского «Эмпика» группой поэтов-анархистов под водительством героя интервью Казимежа Малиновского. Начинается оно со знаменательного вопроса: «Ну и как же оно было?»

Сегодня такая манера начинать интервью с поэтом — уже нечто очевидное, почти тривиальное, но в начале 1990-х она выглядела кощунственной. Одним из обычаев, полученных нами в наследство от ПНР, была жесткая иератичность всей культурной публицистики. Серьезному критику не подобало без всяких затей написать, что фильм ему просто понравился, — он был вынужден писать, что «данный фильм принадлежит к самым выдающимся произведениям в творческом багаже этого высоко ценимого режиссера».

Марек Хласко вспоминал анекдотическое происшествие, когда Богдан Чешко долго журил его в ресторане за злоупотребление вульгарными оборотами в литературном творчестве, после чего обратился к официантке со словами: «Дай-ка мне, уважаемая, этой, в ж... ё..., воды, а то я зап...л, как последняя б...» В разговорном языке считался приемлемым любой уровень вульгарности, но писаное слово должно было звучать возвышенно, словно речь на съезде партии.

Одной из первых отчетливых перемен, которые внесло «поколение, рожденное после 1960-го», было «опросторечивание» дискурса — о культуре заговорили разговорным языком. В начале 1990-х это был феномен, ограниченный фанзинами с их небольшой нишей (а также «Газетой выборчей», с самого начала пользовавшейся совсем иным языком, нежели пресса, рожденная в ПНР), сегодня этот

язык уже доминирует, и сменит его разве что «поколение, рожденное после 1980-го», — предвкушением этого, возможно, стал тот герметично академический язык, к которому охотно прибегают молодые публицисты из круга журнала «Политическая критика».

Смысл этой революции разговорности был очевиден: то были времена перелома, а там, где крушатся иерархии, нет места иератическому языку. Отнюдь не случайно в первых беседах Дунина преобладала тематика почти революционная. С Малиновским он говорит о попытке создания Центра свободной культуры путем захвата общественного учреждения, с создателями «Солнечной команды творцов» — о подпольной анархистской прессе, а с рок-музыкантом Кшиштофом Грабовским («Грабовщиком») — о по-настоящему андеграундном Яроцинском рок-фестивале.

Однако уже из этих «революционных» разговоров начинает постепенно проглядывать малая стабилизация. Грабовский жалуется, что Яроцином в начале 1990-х полностью завладела Кася Канцлеж, а это свело на нет присущую року непосредственность. Петр Вежбицкий (легендарный издатель панковского фанзина «QQRYQ») говорит о попытках коммерческой деятельности на панковской сцене.

Во второй половине 1990-х нота стабилизации в этих беседах начинает уже преобладать — и на сей раз с оптимистическим оттенком; например, постпанковый художник Маурициий Гомулицкий говорит о своем сотрудничестве с чисто коммерческим журналом «Махина». А на рубеже столетий Дунин-Вонсович впервые берет интервью у человека, который явно младше его и для которого он сам выступает в роли ментора, — у Дороты Масловской, юной писательницы, которая в конечном итоге выпустит «первый польский постмодернистский бестселлер», о чем литераторы из поколения Дунина-Вонсовича до этого времени только мечтали.

Разговорная манера Дунина остается, однако, просторечной только до определенных разумных границ. Под беседой с Анджеем Стасюком мы видим примечание, что «в первоначальной версии 46 раз содержалось слово на букву «б»». В отличие от гремевшего в свое время журнала «бруЛьон» («черНовик») — где и впрямь старались переносить интервью с магнитофонной ленты на бумагу вместе со всеми покашливаниями, заминками и ругательствами, — Дунин старается, чтобы его интервью были в общем и целом грамматически правильными.

Языковой аспект его бесед представляется мне особенно интересным, потому что он документирует важную черту этого поколения, которую до сих пор никому, пожалуй, не удавалось так метко и синтетически подытожить. Это поколение революционеров, которые радикальным образом борются за гашековский «умеренный прогресс (в границах закона)», бунтовщиков, избегающих вульгаризмов и ненормативной лексики.

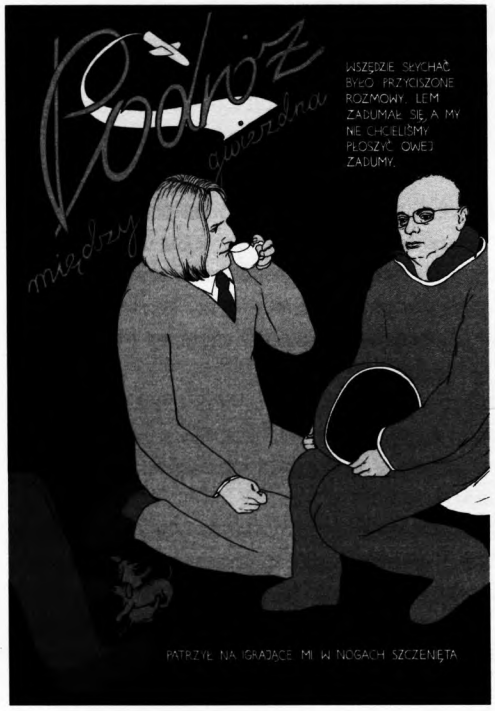
«Ты вот распевал «Интернационал», а теперь голосуешь за «Либерально-демократический конгресс»*?» — прижимает Дунин Кшиштофа Грабовского из группы «Пижама порно». Тот вертится ужом и объясняет, что «выборы, проходившие 4 июня 1989 г., были тем, чего ему хотелось (...) чтобы

* Эта партия образовалась в 1990 г., одним из ее лидеров был глава нынешней «Гражданской платформы» Дональд Туск. На выборах 1993 г. она не вошла в Сейм, а в 1994 г. объединилась с «Демократической унией» в «Унию свободы». — *Пер.*

каждый мог сказать то, что думает, чтобы у каждого были возможности действовать, равные возможности и чтобы перестала орудовать цензура».

Вначале все эти ценности Грабовщик сильнее всего связывал с кругами «Демократической унии», но «эта партия осрамилась, когда вступила в сговор с посконниками [экс-коммунистами]». «Хоть я родом и из Познани, но все равно считаю, что Сухоцкая [в 1992-1993 гг. — премьер-министр] — это законченная недотепа и лохиня, — говорит он. — Я выбрал тех, от голосования за которых получаю удовлетворение хотя бы на 25%».

Этот мотив прекрасно знаком большинству собеседников Дунина — они пережили два диаметрально противоположных испытания. Сначала это были испытания 1980-х, отнимавшие у человека всякую надежду на будущее и принуждавшие к крайней поляризации мировоззренческих позиций, и сразу же после них — испытания 1990-х, предлагавшие, в свою очередь, шанс стабильной карьеры в ранее непредставимых профессиях (профессионально бунтующий художник, диджей на радио, газетный репортер).



Такие перепады вырабатывают у них позицию, при которой люди, с одной стороны, с симпатией смотрят на всяческий известный из истории экстремизм (левый или правый), а с другой — аллергически реагируют на любые попытки ограничить старосветскую, мелкобуржуазную свободу личности (опять-таки кто с правых, кто с левых позиций). Такое мировоззрение радикального центризма, или революционной мелкобуржуазности — общий отголосок всех приведенных интервью.

Особенно интересно это замечать, когда Дунин беседует с кем-либо, не принадлежащим к его поколению. Самый старый собеседник Дунина — Станислав Лем, который, помимо высочайшего мастерства в фантастике, выделялся еще и как особенно последовательный защитник традиции галицийской мелкой буржуазии и ее привязанности к гражданским свободам, на которые в Царстве Польском кто-нибудь всегда был склонен махнуть рукой.

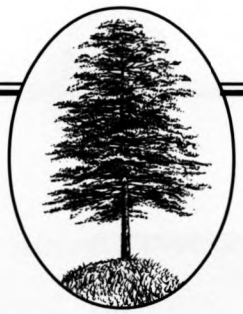
Вписывается в эту картину и самая младшая собеседница Дунина, Дорота Масловская, которая со страстью говорит о том, каким образом приняли «Польско-русскую войну» на Западе, где к этой книге отнеслись не как к фантазии, а как к самому настоящему общественно-политическому комментарию. «Они там вообще не хотят мне верить, что нет никаких русских, что политика — это для меня какие-то жалкие проблески».

Что касается политики, то важнее всего кажутся Масловской «грязные и дырявые улицы» — и с этим, пожалуй, согласился бы каждый из собеседников Дунина, разве что добавив сюда разные количества слов на «б».

Rys. Maciej Sieczyk.

Павел Дунин-Вонсович. ***Беседы у лампы.*** *Варшава, «Лампа и искра Божья», 2007 — На польск.яз.*

gazeta



Владимир Блинков

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ШУМНЫЕ...

Жителей старинного Августова достали грузовики, «зеленые» и Евросоюз

«Мы, Сигизгмунд Август, Божьей милостью Король Польский, Великий князь литовский, русский, прусский, жмудский, мазовецкий etc... повелеваем заложить город на реке Нетте при границе прусской, который называться будет Августов...»

Бриллиант Полесья

Вот так и был основан, а точнее получил городские права, славный град Августов, которому в этом году исполнилось 450 лет. Посмотреть на него с холма в солнечный день — словно бриллиант в оправе реки Нетты и близлежащих озер. Однако это мирное поселение за свою не такую уж долгую жизнь претерпело немало. И под крестоносцами было, и под шведами, под татарами и пруссами, литовцами и русскими... В июне 1812 года чрез тихое местечко промаршировали войска Наполеона — на Москву. В декабре того же года разбитая Кутузовым, обмороженная рать возвращалась тем же путем восвояси. Сам Наполеон Бонапарт задержался в Августове — вероятно, чтобы прийти в себя после сокрушительного фиаско...

Спорная Роспуда

Все это давняя история, которой можно гордиться: как-никак городок уцелел после всех завирух и теперь мирно почивает на исторических лаврах. Впрочем, и в наши дни Августов как бы всем по пути, через него проходит так называемый «трансатлантический коридор», соединяющий Скандинавию и Прибалтику с Чехией и Венгрией. Со вступлением Польши в Евросоюз движение по автомагистрали резко увеличилось: только на одной из перевалок на границе Польши и Литвы — Будзиско—Кальвария — грузопоток увеличился на 40%.

Казалось бы, хорошо — увеличивается и приток туристов, а также отдыхающих (с 1993 г. Августов получил права международного курорта; заслуженно — подышишь воздухом одним, и уже здоров!). Однако нет и добра без худа: Августов изнемогает от громыхания и выхлопов автомашин, особенно крупнотоннажных, которые следуют транзитом через его центр.

В 2001-2003 гг. варшавский «Транспроект» разработал концепцию строительства объездной дороги, огибающей Августов. С этого времени вроде утряслись все юридические формальности, проведено несколько тщательных экологических экспертиз, выкуплен (за 7,6 млн. злотых!) грунт владельцев хозяйств, по территории которых пройдет новая трасса. А пройти она должна по пойме реки Роспуда.

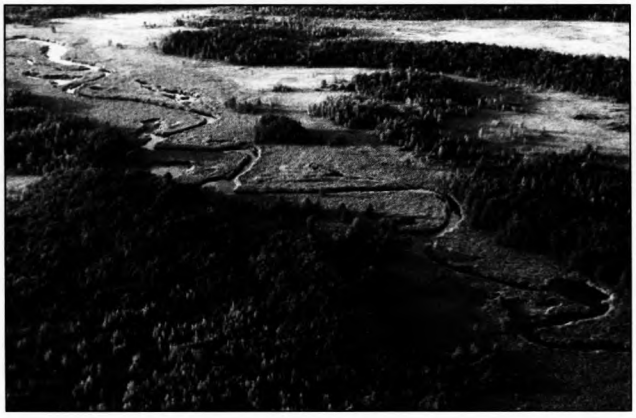
В последнее время название этого «райского уголка» неподалеку от Августова у всех на слуху, потому что проект объездной дороги (назовем его условно правительственным) бурно оспаривают «зеленые» и несколько других экологических организаций Польши. «Бои» жителей Августова, которые, конечно же, за немедленную прокладку объездной дороги, — и «зеленых», которые противятся правительственному варианту (дело порой в самом деле доходит до рукопашной!) очень беспокоят и местные власти, и министерство окружающей среды. Да и руководство страны в целом: «зеленые» и их соратники из экоорганизаций подали жалобу на правительственный проект в Европейский суд. Еврокомиссия, а с ее подачи и Евросоюз пока что тоже внимают «зеленым», игнорируя доводы польских властей о безопасности их варианта для экологической системы.

Если суд в Люксембурге признает, что правительственный проект вреден для флоры и фауны уникальной долины Роспуды, Польшу ожидают большие неприятности, огромные штрафы. В этой осложнившейся ситуации перешел в контрнаступление и польский МИД, пригласив иностранных корреспондентов, работающих в стране, осмотреть «поле битвы».

За и против

Не скрою: до этой поездки я был на стороне «зеленых». Почти каждую неделю — как, вероятно, и коллеги-журналисты — получаю их электронные письма, в которых низвергается правительственный проект и предлагается альтернатива. Например, перевоз контейнеров с грузами не по автостраде, а железнодорожным путем. Еще один вариант — прокладка объездной дороги в другом месте долины, что, по мнению «зеленых», было бы более щадящим для окружающей среды...

Разумеется, об этих соображениях мы упомянули во время пресс-конференции, устроенной для нас местными властями с участием дорожников, лесников, ученых-экспертов, однако в отсутствие «зеленых» и прочих скептиков. (Хозяева пояснили, что приглашали и их, но они не приехали. Не верить этому у нас оснований не было). Заодно устроители конференции рассказали и о тактике «альтернативников».



Правительственный проект разрабатывался несколько лет. На его 75 страницах нашли отражение и аргументы экологических организаций. Какие-то из них были приняты, какие-то отвергнуты, однако ни «зеленые», ни другие экологи на этом этапе не протестовали. Протесты (фактически бойкот!) начался только на этапе реализации правительственного проекта, когда уже приступили к планировке, разравниванию грунта для объездной магистрали. Тут-то и посыпались протесты «зеленых» в ЕС и в Европейский суд...

Ну а по сути спора: для того, чтобы «перебрасывать» тысячи тонн грузов по железной дороге, потребовалось бы несколько дополнительных путей, а это означало бы довольно обширную вырубку деревьев и значительный ущерб окружающей среде. Прокладка объездной дороги по другому участку, на чем настаивают некоторые экологи, тоже оказалась бы менее щадящей по сравнению с правительственным проектом, поскольку предполагает пересечение долины в ее более широкой горловине. Кроме того, пришлось бы «резать по живому», то есть расчленить либо выселить несколько десятков крестьянских хозяйств...

Правительство же предлагает соорудить полукилометровую эстакаду на высоте 9 метров над самым чувствительным и уникальным пойменным массивом. Это, как просчитали эксперты, окажется более щадящим, чем железобетонные опоры для виадука. Во-первых, не повредит торфяники — одно из главных богатств долины, где, например, произрастает бровик крестообразный, в иных болотистых местах Польши не растущий. Во-вторых, под эстакадой смогут проходить по своим привычным тропам крупные лесные обитатели — олени, лоси, волки...

Что касается пернатых, то большинство из них мигрирует в Средиземноморье и даже в Сахару, а возвращаясь в Полесье, нередко меняет дислокацию. Поэтому шум и выхлопы объездной дороги не скажутся негативно на популяции птиц, среди которых немало редких.

Министр на пне

Все эти два дня по Августову и его окрестностям нас возили на автобусе. А тут я обнаружил, что забыл в гостинице свой «паркер» (не могу писать шариковыми ручками, совсем неразборчиво будет). И пока коллеги тусовались в ожидании министра охраны окружающей среды, пошел себе в гостиницу «Варшава» пешком через весь город. Вот тут-то и прочувствовал «прелести» дорожного движения по Августову: каждую минуту — по 2-3 ТИРа (так в Польше называют фуры, крупнотоннажные автомашины и рефрижераторы), не говоря уже о «мелочи», легковушках. Особого смрада нет — видимо, все поглощает придорожная растительность. Но шум! Пожалуй, погромче, чем на варшавской улице Иоанна Павла II, куда выходят мои окна. Но то — Варшава; за Большой театр, филармонию, музеи, быстрый

интернет и прочие блага столицы приходится расплачиваться нервным тиком. А тут 37 тысяч жителей полусонного городка страдают незнамо за что. В прошлом году их город пересекло 1,5 млн. фур. В этом году ожидается два миллиона!

А экологический министр Ян Шишко только что прибыл из Люксембурга, где оправдывался перед международным судом. Его пресс-конференция протекала под открытым небом в окрестностях Августова. Обосновавшись на пеньке, министр сообщил, что формального запрета на реализацию «правительственного проекта» нет, но ситуация сложная: Евросоюз верит «зеленым» и не верит польскому правительству. Когда я задал вопрос: а не является ли это своеобразным наказанием Польши за ее несговорчивость относительно системы подсчета голосов, из-за чего пробуксовывает принятие конституции Евросоюза, и за некоторые другие принципиальные вещи (вспомним хотя бы настойчивые предложения Варшавы вписать в преамбулу основного закона ЕС строку о «христианских корнях» Европы), — министр тактично промолчал...

Во время первой пресс-конференции в Августове нас ознакомили с любопытным документом: как поступил Евросоюз в аналогичной ситуации в Германии. Там тоже планировали проложить трансъевропейскую автостраду (А20) через уникальный экологический участок земли Мекленбург—Передняя Померания. Магистраль должна была соединить этот регион с центром Германии и соседними странами Евросоюза. Так вот, несмотря на протесты экологов, ЕС поддержал правительственный проект, мотивируя это заботой о жителях Мекленбурга, где наблюдается высокий уровень безработицы и низкий уровень доходов. По мнению евродепутатов, более совершенные коммуникации помогут местным жителям повысить качество жизни...

Погладить волка

Цивилизацию — хорошо это или плохо — не остановить. Мир становится все теснее. Особенно это касается густонаселенного европейского континента, где экологические ценности идут на убыль и потому становятся всё милее. Где и когда еще доведется погладить смиренного волка, покормить с ладони серну и не ходивших никогда под седлом доверчивых коней, как это было в Бебжанском национальном парке в Полесье (спасибо местным властям за гостеприимство!)...

Таких благословенных мест в Польше, слава Богу, осталось еще немало. Однако человек все активнее окружает окружающую среду. Вот и в Польше — где раньше, где позже — пройдут «трансъевропейские коридоры». До 2013 г. в различных ее регионах будет проложено три тысячи километров «экспресс-дорог». Объединенная Европа стремится стать единым организмом, и автострады — ее кровеносные сосуды.

Так что страсти, которые кипят вокруг Августовской объездной дороги — а в скором времени в Полесье будут построены новые магистрали, которыми, кстати, воспользуются и россияне, украинцы, белорусы, — это только первая ласточка предстоящих баталий с экозащитниками. Хорошо бы, конечно, если бы они не воевали с властями, а взаимодополняли друг друга. Пока это, к сожалению, не получается.

И еще подумалось: хорошо, что в Польше такие активные экологи, не дающие правительству сэкономить и на природе, и на здоровье людей (на объездную дорогу вокруг Августова длиной всего в 17 километров власти выделяют почти полмиллиарда злотых, изрядно раскошеливаясь, как мы уже знаем, и на экологические мероприятия). По контрасту вспомнился безнаказанно загаживаемый Байкал, «марсианский пейзаж» в районах газо- и нефтедобычи, Сегежа в Карелии, где впору надевать противогазы... Увы, Россия и тут идет своим путем, полагая, что на наш век природных даров хватит.

Спецкор «Независимой газеты» — специально для «Новой Польши»

Эрвин Аксер

Перевод Натальи Горбаневской

ШУТКА СТАЛИНА

Пан Дулемба, которого все друзья и знакомые с фамильярной симпатией называли Лёлик Дулемба — сейчас мне в голову приходит, что его звали Кароль, — принадлежал к самому узкому пейзажу моей львовской молодости, ограниченному Академической улицей вместе с прилежащими улицами (Фредро прежде всего) и переулками, перечнем которых я не стану утомлять читателя, с кофейнями «Рома» и «Шотландская», кондитерскими Залевского и Вельца, закусочными Мусяловича и Теличковой, гостиницей «Жорж» (вместе с кафе и рестораном этой гостиницы), с площадью Фредро, наконец, и Мариацкой площадью, с двух сторон замыкавшими этот анклав. Всё, словно ленточкой, украшено зеленым сквером, в который воткнуты два ряда тополей, и, наконец, увенчано памятником Мицкевичу и статуей Матери Божией с одной стороны, памятником Александру Фредро — с другой.

В рамках этого-то пейзажа и шла жизнь пана Дулембы, которую я наблюдал, гоняя по всему району, так как пан Дулемба бывал частой темой разговоров у нас дома и постоянным партнером моего отца за столиком в кофейне — вместе с адвокатом Мазуркевичем, Метой, другими господами, а среди них паном Лётеком, однокашником и другом отца, адвокатом по гражданским делам, который опекал доходные дома «мамы Дулембихи», фигуры в моем восприятии несколько мифической, характера, как можно было вывести из тона разговоров, прямо деспотического, впрочем, личности яркой, не лишенной прелести, скорее помещицы (которой она, кстати, и была), чем львовской домовладелицы. Сам же Лёлик, ее сын, улан из-под Белины и кавалер ордена «Virtuti»*, выполнив в войне с большевиками свою жизненную задачу, пользовался теперь остатками родительского состояния и убивал время за шахматами и бриджем, болтовней с дружками и приятелями, странствиями по забегаловкам, закусочным, кофейням в вышеописанном ареале.

Мне было лет одиннадцать, когда я был представлен пану Дулембе в кофейне «Рома». Я пришел, таща за собой собачку, с которой отец после обеда и сиесты в «Роме» совершал короткую прогулку по раз и навсегда установленному маршруту, иногда позволяя мне их сопровождать. Я сказал, шаркнув ножкой: «Добрый день», — на что пан Дулемба любезно ответил: «Добрый день, молодой человек».

С тех пор и до самых экзаменов на аттестат зрелости я видывал пана Дулембу почти каждый день, обычно с некоторого расстояния, за окнами «Ромы» или «Жоржа», или у Мусяловича в закусочной, где давали утренние завтраки, потому что и туда я иногда, уже перед обедом, заходил, рассчитывая, что отец будет в хорошем настроении и мне достанется бутерброд с селедкой и глоток пива из его кружки (иногда даже отдельная рюмочка — «литератка»), чтобы сполоснуть натруженное утренними уроками горло. Под вечер я не раз встречал пана Лёлика (так я его мысленно называл), направляющегося по Академической к Жоржу на ужин. Он шел важной походкой, высокий, видный мужчина в серой или темной тройке, зимой в шубе с меховым воротником, и легко приподнимал шляпу, открывая белокурые, слегка прореженные волосы. Однако мы никогда друг с другом не разговаривали по причине естественной дистанции. Таким образом, пан Дулемба был с моей точки зрения и в моей собственной жизни только статистом, но статистом важным, без которого «Рома» не была бы «Ромой», Теличкова Теличковой и даже памятник Фредро, за которым он исчезал, поднимаясь по улице Мохнацкого, где жил, не был бы тем же самым памятником Фредро.

В сентябре 1939 года, когда русские вошли во Львов, многое переменилось. Немало было таких, кто считал, что переменилось всё. И те, в понимании которых свободы расширились, и другие, а таких было куда больше, кто счел, что вернулись времена неволи, — все пытались приспособиться к обстоятельствам. Умеряли шаги, изучали почву, старались обойти ловушки, упредить опасности, проникнуть в психологию оккупантов, подру-

* «Virtuti militari» — «За военную доблесть», высший польский воинский орден. — *Пер.*

житься с ними или держаться от них подальше. Третьи, их было немного, вели себя так, будто ничего не сталось, ничего не изменилось. Они не слушали речей, не читали призывов, не смотрели на плакаты, не видели танков, не слышали песен. Они не хотели видеть армию, которая заняла мостовые, чужие толпы, которые двигались по обеим сторонам улиц. За ними стояло несколько неплохих аргументов. Достаточно было поднять взгляд метра на два выше зоны войны, чтобы увидеть еще не изменившийся город: знакомые стены, до сих пор не снятые вывески, не запятнанные кириллицей, рыжие каштаны, дисциплинированные тополя, выстроившиеся в две шеренги, а над ними небо, обычно голубое, а в то время года моросившее дождем.

Вдоль этих тополей (их срубили лишь несколько десятков лет спустя), по *тротуару* — как теперь называлось то, что по-польски называется «ходник», — день за днем по-старому двигался пан Лёлик Дулемба, один из тех, кто не сменил обычаев. В устоявшемся за годы ритме он спускался около полудня по улице Мохнацкого и, обойдя памятник Фредро, отправлялся, правда, не в «Рому» — забитая досками, она зияла пустотой, — и не в «Шотландскую», где устроили столовку, но сворачивал под прямым углом влево, на Академическую, входил к тогда еще не закрытому Мусяловичу или к Теличковой на утреннюю кружку пива и рюмку водки, а проведя несколько часов в одном из этих мест, отправлялся ужинать в действовавший на полных оборотах «Жорж», чтобы там провести время до позднего вечера.

Этот ритм, не нарушенный на протяжении первых месяцев оккупации, в один прекрасный день оборвался: пан Дулемба исчез. Не было его на Академической, уже он по ней не проходил, не было его в запертой, опустевшей после смерти «мамы Дулембихи» квартире.

Тайна раскрылась неожиданно быстро. К сожалению... В роковой день в шинке Мусяловича, выпив полпива и две-три рюмки водки — а может, их в тот день было больше, — пан Дулемба всенародно объявил, что Сталин — бандит. Обыкновенный бандит. Ничего больше. Два красноармейца, которые за тем же столиком пили водку с паном Лёликом, несклонные к ссорам, даже уговаривали его, как утверждают очевидцы, замолчать. Ничего не вышло. Пан Лёлик настаивал на своем утверждении. Когда уговоры не помогли, они вызвали милицию. Солдат можно даже понять: их было двое, и в случае допросов один не мог знать, какие показания даст другой.

Суд над паном Дулембой, который, протрезвев, ничего не помнил и очень удивился, что пьяный бред — иначе, нежели происходило на его памяти, — может стать предметом судебного процесса, поэтому относился к делу не слишком серьезно, — суд состоялся очень скоро. Опытный судья из Киева или Харькова не был лишен своеобразного чувства юмора.

— Вы сказали, гражданин, что товарищ Сталин — бандит. Можете ли вы это доказать? — Лёлик, разумеется, не мог. В данных обстоятельствах. — Ну что ж, — сказал судья, — мы тогда не будем выносить приговор. Даже судить вас не будем. Подождем доказательств. Попросту вы останетесь сидеть и думать. Как только соберете доказательства, мы вас выпустим. — И всё. Пану Дулембе пришлось бы, как потом оказалось, дожидаться по крайней мере 1954 года. Всякий слух о нем пропал гораздо раньше.

Всего этого никто еще не знал, когда на следующий день после необычного судебного заседания у нас в квартире на Академической побывал адвокат Мета, коллега моего отца, хороший знакомый пана Дулембы. Доктор Мета в отличие от моего отца при советской власти не оставил адвокатуру. Не столько по нужде, сколько из любопытства он бродил по залам и зальцам суда, приглядывался к новым нравам. По природе он был, можно сказать, философом. Вот так, бродя по зданию суда, он наткнулся на процесс своего знакомца.

Когда пан Мета, его звали Людвик, закончил, наступило молчание.

— Ну и мерзавец, — вымолвил наконец отец.

— Кто? — спросил Мета.

— Да этот, не побоялся таких шуточек. Еще, может, придется за это расплатиться...

Адвокат Мета помотал головой:

— Заседание прервано, протокола не будет. Бедный Лёлик утренней баланды не дождется: они расстреливают в полночь. А кроме того... Пример идет свыше. У них там есть чувство юмора. Судья об этом знает. Скорей сделает карьеру... Сталин же шутник. Великий шутник...

Адвокат Мета, как всегда, был прав.

июль 2002

Из книги **Z pamięci**, wyd. Iskry, *Warszawa, 2007*

Марек Клецель

СИЛА ПАМЯТИ

Эрвин Аксер — не только выдающийся театральный режиссер, но и прекрасный писатель. Богатая биография предрасположила его писать воспоминания и свидетельствовать о своей эпохе. Однако Аксер не удовлетворяется записками о прошлом. Он придает им литературную форму, заботясь, чтобы даже самые малые очерки и рассказы обрели аспект и выразительность самостоятельных произведений. Он мастер короткой формы, в которую вмещаются как картинки отдаленного прошлого, записи драматических событий, портреты людей, так и красочные рассказы и анекдоты.

Автор родился в Вене в годы I Мировой войны, то есть еще в Австро-Венгерской империи, детство и молодость провел во Львове, тогда польском, театральное образование получил в Варшаве. Во время II Мировой войны Аксер попал в лагерь военнопленных в Германии, после войны вернулся в Польшу и посвятил себя театру: он основал театры в Лодзи и Варшаве и на протяжении многих лет ставил по преимуществу современную драматургию. Со временем он стал ставить спектакли во многих западноевропейских театрах, а также в Москве и Ленинграде. На протяжении последних полутора десятков лет он пишет свои воспоминания. Из четырех томов «Упражнений в памяти» недавно выбрали самое интересное или самое значительное и выпустили это избранное в одном томе под названием «Из памяти». Среди отобранного есть и произведения на русские темы, которые печатались в «Новой Польше»: «Дина» (2001, №12); «Русские рассказы» (2003, №10); «Генерал» (2005, №4); «На борту «Мерседеса»» (2005, №9).

В целом очерки и воспоминания Аксера дают некоторую сжатую картину эпохи, а косвенно — и портрет автора. С одной стороны — фрагментарные наброски, очерки тоталитарной эпохи, с другой — автопортрет человека, который в своей эпохе участвует, причем как значительное лицо, и в то же время от нее ускользает, выламывается из нее, ищет не подчиняющиеся ей территории, укрывается в артистизме и искусстве театра, которые передразнивают эпоху, стараются ее перехитрить, а уж по крайней мере обойти, переждать, пережить, подставляя ей более или менее шутовское зеркало.

Над произведениями Аксера господствует рука писателя и одновременно режиссера. Писатель заботится о том, чтобы придать своим рассказам литературную форму, режиссер, разумеется, не режиссирует события и действительность, но производит в них определенный отбор, аранжируя их в некое целое, способное приковать внимание читателя или слушателя. Он конденсирует свое повествование, сосредотачивается на важнейших линиях, избегает растянутости и болтовни, заботится о драматургии и динамике, упорно устремляется к выразительной концовке. При этом Аксер не избегает иронии.

От самого давнего прошлого, то есть от детства, остается воспоминание о матери, превращающееся в анекдот культурного характера — о родном Львове и его жителях:

«— Мама, спросил я, — как это, собственно, было во Львове? У нас было множество знакомых евреев. Может, даже большинство.

— Да ты что, — говорит мама, — никаких евреев не было. Не было. А уж если были, то очень мало.

— Ну а тетя Люся?

— Тетя Люся евреев не любила, а дядюшка Хаес, тетушкин муж, был легионером и вице-президентом Львова. Так что сам понимаешь... Тетя даже была антисемитка. Правда, либеральная... А кроме этого, кто кроме этого были наши знакомые? Супруги Солтысик, отец больше всего дружил с доктором Мазуркевичем, а адвокат Стронский был даже эндеком [национал-демократом]. (...) Все мои подруги были польки, и у Стшалковской я всегда бывала на праздник 3 Мая. И ссорилась с Тыней, она была сионистка.

— А пан Лётек, или доктор Хонигвилл, или Куба Гольдхаммер?

— Ну да, мы различий не делали...»

Эрвину Аксеру недавно исполнилось 90 лет. Тому, кто родился даже не в довоенной, а в «доперво-военной» Польше, которая еще собственно не была Польшей, получил основательное образование, мимоходом завернув и в Вену, кто успел до войны (до второй войны) стать режиссером, выжить, пережил всю эпоху ПНР, учреждал театры, ставил пьесы, в том числе и западные, которые тогда не должны были нравиться, кто несмотря на все тоталитарные обстоятельства не потерял достоинства и не согнулся, — тому в самом деле есть что рассказать.

Его очерки не расположены в хронологическом порядке — это отдельные произведения с собственной драматургией. Описываемые события, люди, перипетии принадлежат биографии автора, но в то же время складываются в притчу об отдаленном, ушедшем и утерянном мире. Рамки воспоминаний обозначены очерком об отце, который еще был австро-венгерским подданным и принимал участие в I Мировой войне, и очерком о встрече с матерью после II Мировой. Тогда Аксер возвращался из лагеря военнопленных, обстановки в Польше еще не знал. Не знал он, выжила ли его семья, мать не знала, выжил ли он. Неожиданная встреча в Лодзи оказалась настоящим, не театральным узнаванием — как «анагнорис» в греческой трагедии.

Эрвин Аксер

В книге режиссера, разумеется, больше всего вещей театральных — очерки о мастерах театра, со временем ставших коллегами автора: Леоне Шиллере, Казимеже Юноше-Стемповском, Бертольте Брехте, Конраде Свинарском, Ежи Кречмаре; проницательные портреты актеров нескольких поколений: Яна Курнаковича, Казимежа Рудзкого, Тадеуша Фиевского, Халины Миколайской, Тадеуша Ломницкого. Аксер работал со многими актерами, но этого не хватило бы на создание таких выразительных портретов — требовалось еще и писательское упрямство, чтобы ухватить суть и содержание их искусства. О себе автор пишет сдержанно, хотя у него немало причин для похвальбы и в то же время удовлетворения. В этой книге он подробнее рассказывает о том, как ставил трудную, несценичную пьесу Музиля «Мечтатели», которая с большим успехом прошла в Вене, о пьесах Фриша в Швейцарии — кстати он подробно рассказывает и о своих разговорах с Фришем и Дюренматтом, произведения которых пользовались в Польше популярностью.

Самые давние воспоминания исполнены юмора и иронии. Еще в Вене будущий режиссер успел встретиться с императором, как он вспоминает в очерке «Снобистские анекдоты»:

«С моим первым монархом я встретился лицом к лицу в 1917 году. Я был еще молод, мне было всего четыре месяца. Император с императрицей и несколькими лицами из свиты вышли между деревьями точно в том месте, где императорский парк соседствовал с нашим садиком. Разделяла нас только узкая речка Швехат. Мать до сих пор гордится, что, делая глубокий придворный реверанс, не уронила младенца, которого держала на руках. Императрица улыбнулась, а император приложил руку к козырьку; потом они исчезли среди густых кустов, окружающих Вайльбург, летнюю резиденцию монаршей четы».

Можно сказать, хорошее предвестие для будущего автора.

А из львовских времен такой анекдот:

«На ужине были [Казимеж] Вежинский, [Ирена] Эйхлерувна, [Вилям] Хожица. Меня послали спать, я был еще маленький. Но я не уснул. Около полуночи я услышал из столовой: бум! бум! бум! Прямо как артиллерия. Я приоткрыл дверь. Отец с Вежинским ползали на коленях по ковру (стол они отодвинули к стенке) и разыгрывали осаду Перемышля, в которой оба принимали участие».

Маловероятно звучала история времен II Мировой войны, когда автор по необходимости стал слесарем, — история, которую он рассказывал своим коллегам по театру:

«В свое время на приеме у Зигмунта Хюбнера, я возбудил зависть в [Александре] Бардини, рассказывая, как из ключа от конюшни сделал губернатору Франку ключ к гданьскому шкафу. Губернатор, одетый в белый купальный халат, словно Нерон в американском фильме, глядел, как я работаю, а потом, положив мне руку на плечо, промолвил: «Мастер...» Знаю, что это нехороший человек, и давно забыл, как делают ключи, а все-таки не могу удержаться от впечатления, что он употребил правильное слово. Бардини не мог мне этого простить, сказал, что у рассказа нет концовки, а [Роман] Братный ничего не сказал, но глядел на меня странным взглядом. Я понял, что он считает меня коллаборационистом, и начал стыдиться, что сделал этот ключ, и того, что ключом действительно можно было открыть и закрыть шкаф».

Вот и еще одно неплохое знамение на будущее — несмотря на плохие обстоятельства.

В разговоре с Брехтом (уже после соцреализма) автор привел свою историю из лагеря военнопленных, концовку которой Брехт счел настоящим проявлением исторической справедливости:

«Писатель поглядел на меня, дымя своей сигарой, задал несколько вопросов, которых я уже не помню, а потом спросил, как обстояло дело в Польше с немцами, когда война кончилась. Сначала я не совсем понял, что его интересует, и сказал, что несправедливо: многие преступники ушли, многие невинные погибли. Он выглядел неудовлетворенным, но у меня тогда еще была школьная рутина угадывания желаний слушателя, и я рассказал ему подлинный случай». В примечании автор пишет, о чем шла речь: «Я вступился за немца, которого били, а мой коллега, не разобравшийся в ситуации, в свою очередь вступился за меня, но вместо того чтобы напасть на противников — побил жертву». Брехт был удовлетворен: именно так, путем коллективной ответственности, должна выглядеть историческая справедливость.

Естественно возникает вопрос, как автор управлялся при коммунистическом строе, в театре, подлежавшем цензуре и политической индоктринации. Аксер описывает это с некоторой анекдотической отстраненностью — как будто с точки зрения Швейка или Гоголя. С цензурой у него были трудности, которые он сейчас превращает в шутку:

«Государственный цензор впервые удивил меня, когда после генеральной репетиции пьесы Брыля «По горам, по тучам» спросил, предварительно откашлявшись, не могу ли я сказать [Чеславу] Воллейко, чтобы монолог Сатаны он сыграл — тут он снова откашлялся, видно в зале было холодно, — «резче». — Понимаете ли, я рискую, вы рискуете... — Я почувствовал себя слегка странно — монолог этот был у Брыля передразниванием Гомулки, — но в согласии с правдой ответил, чтобы он не опасался, монолог будет звучать достаточно резко, просто сегодня, зная, что придет цензура, я просил Воллейко слегка умерить резкость».

Эрвин Аксер так написал свои воспоминания, что они стали вдобавок увлекательной хроникой его времени. Но сделал все это настолько сдержанно, что, пожалуй, ему еще немало осталось рассказать.

Йонаш Кофта **Перевод Андрея Базилевского**

СТИХИ И ПЕСНИ РАЗНЫХ ЛЕТ

В четырёх стенах мира

Перед стеной звука глухие тоже
Молятся музыке немо
Когда не хочешь, а должен,
Лучше уж быть никем

Перед стеной плача шуты на страже
Пляшет судорог тень
А смех их пуст, смех их страшен
Лучше уж быть никем

Перед стеной света стоят слепые
Смотрят не щуря век
На то что лучше знают святые
Чем простой человек

Под стеной казни стоит герой
Карателям глядя в очи
Курит последний окурок свой
У края ночи

Стены мира
Уходят ввысь
Слово теряет смысл
И я стою перед вечной стеной
Бьюсь в неё головой

Я устал

Во мне пересыхает вера
Инстинкт и тот уже подводит
А сколько слов ненужных, серых
Тревога злобой колобродит
Хочу сбежать — звучит наивно
Хочу сбежать — да хоть в пустыню
— Ты так устал?
Устал
Всё минет

Кто остановит жёрнов слова?
Вот-вот остатки правды смелет
Косноязычный сброд и снова
Тузы над нами власть поделят
А примирит непримиримых
День когда солнце не взойдёт
— Ты так устал?
Устал
Пройдёт

Уже нет времени, нет снов
Ум оглушён речей угаром
А глупость разжирев от слов
Рыгает: мане, текел, фарес
Весь мир накрыл девятый вал
Никто спасения не хочет
— Ты так устал?
Да
Очень

Зонг об отсечённой голове

Мысли отсечённых голов
Прямо с плахи, из-под топора —
Будто лава кровавых слов
Запекшихся завтрашних правд

Мысли отсечённых голов
Остаются в них навсегда
Как сознание бытие превзошло
Не прочесть по гримасе рта

Да, свободна, свободна мысль
Но велик, ох велик страх
Бытие с сознанием
Разошлись
Мозг и зад
Разрывают пакт

Прямо с плахи, из-под топора
Бурей рвётся посеянный ветер
И вот в фаворе опять голова
Тусклый нимб над теменем светит

Мысли отсечённых голов
Навсегда остаются в них
Украшают алтарь и под грозный рёв
Повторяют парадов ритм

Когда до тебя донесётся стон
Еретических бледных губ
Уши заткни
И не лезь на рожон
Если дорог тебе
Твой круп

Размышления на вокзале

На всех вокзалах мира
В буфетах и на перронах
Любой разговор о жизни
Остаётся незавершённым

Хоть все пассажиры разные
Различья искать не стоит
Ведь на вокзале каждый
Становится пустотой

Здесь — всё как везде
Счастье, несчастье
Разве что ночь и день
Сменяются чаще

На всех вокзалах мира
Далёких дорог притяженье
Катить по рельсам судьбы —
Наше предназначение

Прощания и возвращенья —
В сумме нулей звон
Кому-то жизнь как поезд
Кому-то как перрон

Входят, выходят, мелькают
Пьют пиво (а как иначе)
Приезжают и уезжают
Плачут

Друг друга теряют, находят
У ожиданья во власти
Глотают их и выплёвывают
Вокзалов стодверные пасти

Движение происходит
По расписанью бреда
Поезд уходит —
Я не поеду

Я не хочу

Хоть разум чист
Как чисто поле
Долг перед правдой вечен будет
Я не хочу
Бежать от боли
Ведь
Все мы — люди

Вновь суматохи буден прибыло
В года секунды спрятаны
По совести так труден выбор
А к смерти путь накатан

Пока беда
Кровавой тучей
На сытых
Не обрушит месть
Надежда ты меня не мучай
Довольно что ты
Есть

Конец ли света кто ускорит
Или начало кто отпразднует
Я не хочу
Бежать — не горе
Что все мы
Разные

А разум чист
Как чисто поле
И пусть меня за дерзость судят
Не надо
Убегать от боли
Коль
Все мы — люди

Помечтаем

Чтобы что-то случилось
Чтобы страх нас оставил
И любовь нам явилась
Помечтаем

Чем бросаться словами
Лучше воском растаем
Из огня — да и в пламя
Помечтаем

Улетают как листья
Календарные стаи
Всюду серо и мглисто
Помечтаем

На сквозном бездорожье
Мы судьбу обыграем
Счастье всё же возможно
Помечтаем

Волны вечного света
Тоску размывают
Будем помнить об этом
Помечтаем

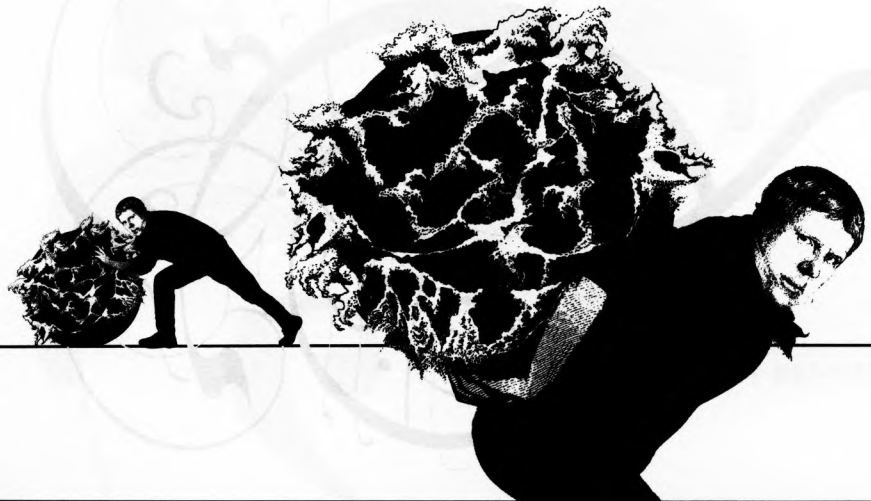
Rys. Paulina Zielona

Остров

Когда шумихи перегар
В толпе людской сосредоточится
На свете лишь один товар
Бесценен — одиночество

В тоске о тишине бредём
На дальний остров убегаем
Но лишь поселимся на нём
Он тут же станет обитаем
И страх нацелится в висок
Неволя дня, былого след

Ах как красиво лёг песок
Там где нас нет



Зонг о вечном счастье

Последний на земле Икар
Вчера за мысом пал на дно
Спокоен солнца ровный жар
И всем отныне всё равно

На белом дне там где-то спит он
Под чёрным рыбьим плавником
Ещё глаза его открыты
Он улыбается легко

Безумец воровал покой
Не верил в счастье обречённых
Теперь под солнцем всем легко —
Блаженство мёртвого сезона

На пляже том всегда сезон
Никто ничем не обойдён
Все существуют, все лежат
И небеса им не грозят
Лазурью просияла высь
Погода
Радость
Игры
Жизнь

Икар последний отшумел
Накрыт волны холодным веком
И полегчало человеку
Когда он падал, он горел

Взмыл пара серебристый клуб
Ударил в воду крик его
Сомкнулась океана глубь
Над плоской тишью — никого

Изгладился безумца след
В мозгах зверушек обречённых
Теперь на солнце пятен нет —
Блаженство мёртвого сезона

Лишь тот навеки проклят стал
Кто памяти не потерял

Так будет лучше

Не надолго нам хватило
Нашей радости летучей
Уходя скажу я милой
Не грусти
Так будет лучше

Хоть и вправду полюбил я
Зелень глаз твоих колючих
Парусов ещё не сбило
Ты поверь
Так будет лучше

Плохо многим добрым людям
Их любовь — несчастный случай
Эта боль тебя разбудит
Говорю
Так будет лучше

Ну зачем нам плавать в луже
Ну зачем друг друга мучать
Знаю сам что будет хуже
Но твержу
Так будет лучше

Песнь спасения

Взглянул я солнцу в ясны очи
И боль меня пронзила
Я онемел а жизнь клокочет
Любви жестокой силой
Молчанье свет на тьму расколет
Стокаменной стеной…
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной

Вечна горя и бед череда
От смерти спасает песня
Красота — это боль всегда
Мы выстоим только вместе
Цветы поднимутся в выжженном поле
Ласковой тихой волной
Поделись со мной своей болью
Поделись со мной

Сплетём ладони в десять пальцев
Да сгинет глумливый смех
Радости на всех не хватит –
Боли хватит на всех
Выпадет праздник и нам на долю
Весельем прогоним грусть
Поделись со мной своей болью
А я с тобой поделюсь

Пурпур розы запёкся солью
Но ты храни её пламя
Поделись с нами болью
Поделись с нами
Безлюдье вырвалось на волю
Ты тишиной изранен
Поделись с нами болью
Поделись с нами

Сквозь океана зыбкие рамы
Сквозь голода чёрную месть
Гордо неси человечности шрамы
И понимания крест
Красота — лишь отчаянье мира, не более
Но она тяжелей чем камень
Поделись с нами болью
Поделись с нами

Межвременье

Залива раму волны режут
Песок просеивает ветер
И никого кругом. Всё реже
След человеческий заметен

Хожу и собираю мусор
Останки отгоревших лет
Но дети солнца лишь смеются
Что им тех дат туманный след

История остановилась
Мозгами управляет сон
И время тяжким сном забылось
Межвременье — король времён

Здесь в трёх стихиях каменея
Миф об Аркадии сокрыт
Я радоваться не умею
Меня одолевает стыд

Ищу обрывки упаковок
По мне хорош любой клочок
Идеи иль обрывок слова
Здесь много мусора ещё

История остановилась
Мозгами управляет сон
И время тяжким сном забылось
Межвременье — король времён

Йонаш Кофта *(1942-1988). В 1961-1964 гг. учился в варшавской Академии художеств. В 1964 г. дебютировал текстами сатирических и лирических песен в студенческом кабаре «Гибриды». В 1968-1976 гг. был в числе создателей и сотрудников кабаре «Под эгидой». Неоднократно удостаивался главных премий Фестиваля польской песни в Ополе — за песни «Это земля», «Ее портрет», «Цветок одной ночи», «Танго с розой в зубах», «Радость поутру». Был автором баллад к кинофильмам, в том числе «Распорядитель бала» и «Земля обетованная». В 1975 г. получил «Золотой микрофон» за многолетнее сотрудничество с Третьей программой Польского радио — «Иллюстрированным развлекательным еженедельником», затем «Иллюстрированным журналом авторов» (циклы «Диалоги стреляных воробьев», «Профессионалы»). Как драматург дебютировал в 1968 г. комической оперой «Глаз», написанной для варшавского Высшего театрального училища и исполнявшейся Студенческим театром сатириков (СТС). Следующим произведением для сцены была «Крестьянская война», поставленная в 1978 г. мюнстерским театром «Штедтише бюнен» и Театром им. Кохановского в Ополе. В 1979 г. опубликовал в журнале «Диалог» драму «Печень Фараона». Был соавтором пьесы «Компот», либретто мюзиклов «Ахилл и любовь», «Большой мир», водевиля «Великий Додек», сатирического представления «Профессионалы, или Просто работа», музыкального зрелища «В злато-зеленом Сингапуре». Первый сборник его поэзии «Помните о садах» вышел в 1991 году.*

Павел Хюлле
САДЫ, КОТОРЫХ ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ

«Меня одолевает стыд...» Эти слова Йонаша Кофты мы склонны сегодня относить ко всей действительности ПНР, на фоне которой и внутри которой ему выпало жить. Он занимал в этой действительности место — что ни говори, привилегированное, — как личность, приписанная к цеху свободных искусств. Бард, поэт, певец — даже в том сером и до абсурда бюрократизированном мире он все же имел некоторую возможность выразить свою индивидуальность, несогласие, наконец — свой бунт, который был зримым знаком протеста. Упоминание о мертвом сезоне, о времени блаженства после падения последнего мятежного Икара в его «Зонге о вечном счастье» не оставляет никаких иллюзий. Система — чтобы сохранить себя — накладывала свое клеймо не только цензурой, страхом и насилием. Прежде всего она создавала фиктивное время, ритуализованный до пределов возможного календарь, в котором серую действительность то и дело прерывали праздники — дни шахтера, металлурга, работника лесной промышленности, общественные почины, наконец — направляемые свыше кампании. Случалось и так, что кампании превращались в карательные акции, когда кто-нибудь пытался вдохнуть в мертвый сезон малость неконтролируемой жизни, то есть правды. Как в 56-м, 68-м, 70-м, 76-м. Кофта, вообще-то далекий от буквализма, дал в «Серой поэме» жесткий портрет янычара той системы, знаменитого «простого человека», который по заказу властей демонстрирует народный гнев:

Бушлатник — броненосец — голем
Мчит по картофельному полю
В кровавой пустоте без Бога
Он в кирзаче волочит ногу
В руке сжимая кол тяжёлый
Ему вручённый властью голой

(Здесь и далее пер. А.Базилевского)

Добавим, что голем, претерпевая различные мутации — от памятного ормовца, дружинника 68-го года, до бригадира отряда ЗОМО [части типа ОМОНа] 80-х, — оставался все тем же элементом системы. Элементом, рожденным бедностью, страхом, ненавистью и разочарованием. Как при этом мог сохраниться человек столь порядочный, тонкий, одаренный лирическим талантом — Йонаш Кофта?

«Тень золотая, будь со мной», — красивой апострофой Кофта обращался к Рембо, именуя французского поэта своим ангелом-хранителем. Выбор покровителя на жизненном пути был не случаен. Несомненно больше, чем версификация, здесь действовал вечно живой миф бунтаря, поэта, бросающего вызов циничному миру стяжателей и карьеристов. Не только словом, но избранным стилем жизни. Бегством от стабильности, поиском альтернативных миров. На вопрос, можно ли идти путем Рембо, не покидая, как он, отчизны ради Леванта или Африки, Кофта отвечает утвердительно. Ведь для того, чтобы оказаться на борту «Пьяного корабля», надо только превратить жизнь в поэзию, а поэзию сделать жизнью. Такой шаг в ПНР не был чем-то исключительным, но и тут Йонаш Кофта ощутил мучительный холод одиночества. В эпохи очередных стабилизаций бунт сильно подешевел, художники, именовавшие себя богемой, желали «Крыть все карты чисто / Иметь доступ к кассам / Популярность в массах / И своё лицо / И любовь отцов / А вдобавок быть нонконформистом».

Бесчисленные анекдоты, героем которых с теченьем лет стал Йонаш Кофта, показывали и показывают нам человека в равной степени взвихренного алкоголем, поэзией, любовью, страстным отношением к жизни и искусству как единству, которое он воспринимал с принципиальной серьезностью. При

этом верный ученик Рембо не питал иллюзий относительно отношений художника и общества. Социалистическое или торгашеское — оно одинаково третирует непокорных индивидуалистов. «Старик Рембрандт» — одно из интереснейших стихотворений Кофты — повествует о мастере, потерпевшем крах, отвергнутом, пренебрегаемом: «Увы, они как видно правы / Я старый дурень, я рехнулся / Башкой в салфетку завернулся». Рембрандт Кофты напоминает Рембрандта из романа Джозефа Хеллера «Нарисуй это». Мастер, у которого нет средств выкупить свое полотно, унижен этой ситуацией, но он создаст великолепные шедевры. Уже не по заказу цеха суконщиков, а по собственной потребности и вдохновению. Из подобной потребности вырастала лирика Кофты. Написанная всегда словно после катастрофы, пропитанная горечью, правда, освещенная иронией и юмором, она неизменно — как в упомянутом стихотворении о Рембрандте — оставалась «меж светом и тенью».

Для университетских теоретиков или историков литературы такая поэзия, как творчество Кофты, остается казусом пограничным, периферийным. В лучшем случае — певец из кабаре, скорее текстовик, в конце концов, возможно, поэт. Такой подход заранее предполагает меньшую жанровую ценность, совершенно так, как если бы мы имели дело с фривольной музой. Даже если согласиться, что многие тексты Кофты на самом деле отмечены кабаретно-сатирической актуальностью, сегодня не всегда вполне понятной, все же невозможно не заметить, что суть этого творчества не определяется жанром. Суть его — скорее сила лирического переживания, оставляющая в душе и памяти читателей стойкий, неизгладимый след. Поэт достигал этого эффекта разными способами. Часто всё решала лаконичная концовка строфы или всего стихотворения, хотя бы такое провокационное утверждение: «Опускаться надо неспешно / Чтоб хватило на всю жизнь». Или: «Когда я удивляться перестану / Мне крышка». Порою это был необычайно кратко и метко ухваченный архетип. Ибо поэт, начинающий стихотворение фразой «Помните о садах / Вы ведь оттуда родом», указывает на всеобщую, очевидную, хоть и не всегда осознаваемую истину: мы тоскуем о библейском Эдеме, пасторальной Аркадии, обо всех садах детства, которые когда-либо существовали и будут существовать. При этом Кофта был поэтом парадокса. Формулировки вроде «Не жду я солнца / Ненавижу тень» — его типичные, если не излюбленные, стилистические фигуры. Он не чурался разговорной лексики, сохраняя при этом легкость и шутливость Галчинского, поэтому ни «тип», ни даже «сопляк» не выглядят в его стихах имплантированными искусственно, эффекта ради. Однако полной многомерности, именно поэтической, Йонаш Кофта достигал в тех произведениях, которые — обогащенные музыкой — обычно очень быстро становились известными и популярными. В число величайших шедевров польской песни навсегда вошла «Самба перед разлукой» в исполнении Ханны Банашак. Это одно из многих у поэта стихотворений о любви. И все-таки именно в этом случае точность текста, ностальгически пылкая музыка и гипнотический голос певицы дали в сумме эффект, которого мы ожидаем от самых выдающихся произведений искусства — однажды узнав, мы их уже никогда не забудем.

Поскольку, как сказал Йонаш Кофта в «Размышлениях на вокзале», «Любой разговор о жизни / Остаётся незавершённым», постольку и это краткое слово о его стихах — тоже всего лишь приглашение к разговору с поэтом, который много лет дарил нам больше, чем мы склонны были предполагать.

Послесловие к сборнику стихотворений Йонаша Кофты, изд. Twój Styl, Warszawa, 2001.

Ян Ружджинский

ЛИНСА

— Она и в самом деле ведунья*. Впрочем, сам увидишь... А в случае чего я буду переводить, потому что русского она не знает, — Валерий, чиновник администрации Нанайского района, что в Хабаровском крае, вежлив, но выглядит неуверенно. Потому что зарубежный корреспондент появился здесь впервые. Из далекой Польши, то есть с Запада. Валерий получил сверху приказ отвести меня к этой женщине, но не очень-то знает, как ему со мной разговаривать. Потому как неясно. А вдруг я, чего доброго, хочу показать, что на окраины России возвращаются язычество и суеверия? А может, и наоборот: я проверяю, не тормозят ли власти в столице района — Троицком — возрождение древней культуры нанайцев? Труднее всего ему поверить в мое желание убедиться, что́ представляют собой люди со сверхъестественными способностями.

Тут, в нижнем течении Амура, почти всё, что не местное, находится на западе. На западе располагаются Москва и Петербург, а в некоторой степени — даже недалекий Хабаровск. А на свойском востоке — Камчатка, Тихий океан и та его часть, которая именуется Охотским морем. Не очень далеко лежит и Япония, и лишь немногим дальше — Аляска. А всё остальное — это, собственно говоря, Запад.

Валерий ведет меня к Линсе Бельды, знаменитой на сотни верст вокруг жительнице деревни Дада. Говорят, что нанайцы, древний тунгусский народ, «противились смерти» и обычно жили долго, пока в XX веке их гены не испортил алкоголь. Самый известный нанаец — это охотник Дерсу Узала из знаменитого фильма Куросавы (по мотивам художественно-документальной прозы В.К.Арсеньева). Линса сегодня самая старая из них — ей больше ста лет. Валерий, как и бóльшая часть жителей деревушки, тоже носит фамилию Бельды, а Линса — его двоюродная прабабушка. Когда мой экскурсовод наконец убеждается, что привела меня сюда исключительно журналистская и притом достаточно скептическая пытливость газетчика, он начинает поглядывать на меня с доброжелательной снисходительностью. Свою карьеру этот человек начинал когда-то в комсомоле, но коммунизм давно выветрился у него из головы. И теперь он со страстной истовостью неофита пытается мне растолковать, что у всего окружающего нас есть душа.

С высокого обрывистого берега Амур — широченный, почти трехкилометровый, и очень ленивый — выглядит, словно большое длинное озеро. По нему лихорадочно снуют моторки, загребающие в свои сети кижуча — тихоокеанского лосося бордовой брачной окраски. Для рыбацких семей из деревни Дада сейчас пора изобилия. Как и каждый год, неисчислимые косяки рыб заплывают на нерест из Охотского моря в Амур и его притоки. Чтобы дать тут жизнь потомству и умереть. В деревушке вдоль белых стен скромных домов с пристройками и усадеб побогаче сушатся на солнце выпотрошенные и растянутые ровными рядами тысячи рыб. Зрелище напоминает большую стирку: красно-желто-серебристые рыбины на длинных веревках. Валерий говорит, что осенью так бывает всегда. Только раньше не было подводных сонаров, пластиковых моторных лодок с двигателями «Ямаха», нейлоновых сетей, ну и кирпичных домов. Но лосося хватало на всех. Даже если основную часть улова у нанайских рыбаков кто-нибудь забирал — когда-то царский чиновник, потом коммунистическая власть, а теперь — бизнесмены. Эти — так хотя бы платят. Ну и некоторые из них — тоже нанайцы. А это означает, что своих они не обидят.

— Прости, что пришлось так долго ждать. Она согласилась, но нам надо прийти к ней только через несколько минут. Она знает, что у тебя фотоаппарат, и хочет одеться по-праздничному.

Валерий возвращается из дома прабабушки явно довольный: ему удалось «с ходу» убедить очень пожилую женщину, чтобы та поговорила с экзотическим приезжим.

Изба у Линсы серая, бревенчатая. Заваливающаяся от ветхости и старости, огороженная покосившимся забором, она стоит как-то сбоку, поодаль от кирпичных домов деревушки. Только до нее одной не доходят столбы с электропроводкой и только она не опутана веревками с сушащейся рыбой. Зато в садике, тоже на веревках, сушатся пучки коричневых табачных листьев. Линса сама готовит себе особую траву для трубки. Да и всё остальное по дому — несмотря на преклонный возраст — тоже делает сама. Вот только танцевать с бубном уже не в состоянии: каких-то двадцать лет назад болезнь позвоночника придавила ее к земле. Буквально согнула

* Известное во всем мире слово «шаман» — сибирского происхождения и на языках тунгусской группы означает «ведун», «тот, кто знает».

пополам. Поэтому сейчас она подпирается длинной клюкой, а когда приходит нужная пора, то и в бубен бьет, и в транс входит сидя. Но в любом случае она еще в состоянии служить людям: как говорят, лечит разные недомогания, отгоняет дурные сны, снимает злые чары, облегчает женщинам страдания при родах и после них, сородичам с больным кишечником дает пить отвары из сушеных трав, а также поддерживает... милицию. Неофициально, разумеется, но все об этом знают. Валерий рассказывает, как прошлой осенью люди в форме напрасно разыскивали двух парней из их деревни, которые отправились отсюда с мешком лососины и двумя ведрами икры, чтобы продать всё это на рынке в Хабаровске. И долго, очень долго не возвращались. Милицейская «Волга» подъехала тогда к старой избе. Линса велела семьям пропавших принести ей фотографии и всякие мелкие личные вещи тех парней. Закрылась со всем этим и несколько часов никого не впускала. А когда открыла дверь, ожидавшие перед домом родственники пропавших и милиционеры услышали: «Ищите их под Якутском», — и указала название одного небольшого поселка, удаленного от Хабаровска почти на две тысячи километров. Спустя какое-то время милиция отыскала там останки обоих горе-торговцев: они пали жертвами бандитов, когда «гуляли» вдали от дома и спускали деньги, вырученные за рыбу и икру.

Мы входим во двор. На деревянных ступеньках, вытянув ноги, сидит худенькая женщина с желтым, изрытым морщинами лицом. Ее раскосые глаза многократно увеличены очень толстыми линзами очков. Она испытующе наблюдает за мной. Почти что дотрагивается до меня этим своим сильным, пронзительным взглядом. В узком рту, между серебряными зубами, торчит небольшая трубочка. На женщине — традиционный наряд, узорный, длинный, с несимметричной застежкой по правую сторону, а на голове — светлый платок. В знак приветствия она поднимается, опираясь на клюку, и с каким-то странным акцентом произносит «Здравствуйте». Когда она снова садится, слышен глуховатый треск и сразу же после этого — ее громкие, нервные слова по-нанайски. Ругается?

— Уселась на свою трубку. И говорит, что какой-то дух в обиде на нее за то, что она согласилась встретиться с тобой, не предупредив его. — Вид у Валерия озабоченный, но он сейчас же добавляет, что Линса позже извинится перед этим духом и попросит у него прощения, а сейчас, невзирая ни на что, все-таки готова побеседовать со мной.

Я расспрашиваю старую женщину о ее жизни и стараюсь выпытать, как она стала ведуньей. В ответ слышу, что родилась она в конце XIX столетия, зимой, прямо на снегу, потому что, согласно обычаю, нанайским женщинам нельзя было рожать дома, под крышей. Никаких письменных следов ее прихода в этот мир не сохранилось: появление новорожденной в семье сибирских аборигенов на Дальнем Востоке не очень-то интересовало царскую администрацию. О приблизительной дате своего рождения она знает из устных пересказов многочисленных родственников. Революция и гражданская война — это для неё время замужества и резких изменений в жизни нанайцев, исконных, извечных охотников и рыболовов, которых большевики силой начали коллективизировать. Вместе с мужем Линса работала в рыбацкой артели. Потомства они не дождались. Она долго хворала странными болезнями, идущими «от головы». Эти недуги сопровождались посещениями духов.

— Чаще всего они приходили во сне, но видала я их и средь бела дня тоже. Они меня уговаривали стать ведуньей, толковали, что я им нужна. И обещали, что излечат меня от болезни. А еще грозили, что, коль я не соглашусь, то они меня убьют. — Линса говорит тихо, взвешивая слова. Я — первый иностранец, с которым она беседует.

Долго не хотела она поддаваться этим уговорам из потустороннего мира. Боялась. Не только духов, но и живых людей тоже. Советская власть в рамках борьбы с суевериями посылала всякие экспедиции, которые в тайге вылавливали шаманов разных племен и либо сразу же расстреливали, либо — несколькими годами позже — отправляли в лагеря. Линса помнит, что потом где-то далеко на западе разразилась большая война и что ее мужа взяли на фронт, откуда он уже не вернулся. А духи вели себя все настойчивей: у овдовевшей, бездетной женщины бывали ужасные сны и резкие головные боли, против которых даже врачи из Хабаровска не могли ничего посоветовать. А «они» приходили теперь уже ежедневно. Тогда-то она им и поддалась.

Я пытаюсь разузнать, кто же такие эти «они»? «Это все, кто умер, кто будет жить или кто живет всегда» — для Линсы всё это столь же естественно и очевидно, как день и ночь. Ну и вот, после того как она согласилась им помогать, сейчас же почувствовала себя словно заново родившейся: и хворь, и боли, и кошмарные, чудовищные сны перестали её донимать. С того времени она видит и знает намного больше, чем другие. Но в ту пору она боялась кому-либо об этом сказать. Новые способности Линсы обнаружились, когда несмотря на официальную похоронку, извещавшую о гибели одного из ее родственников на фронте, она убежденно настаивала, что тот жив. И действительно, роковое сообщение оказалось ошибкой: родственник вернулся, а к Линсе начали заглядывать женщины, выспрашивая о судьбах своих мужей на войне. Что же касается лечебных сборов из трав, то их она умела составлять и раньше — духи только помогли ей понять правила такого лечения, ну и просветили ее, или скорее напомнили, что всё произведенное на свет природой живет собственной жизнью и обладает душой; таковы

не только животные и растения, но и камни, вода в реках, даже тучи на небе. С тех пор она старается помогать людям, потому что умеет разговаривать с духами и просить у них помощи. Открытым, явным образом она делает всё это только со времен перестройки. Раньше занималась такими вещами тайно, хотя все нанайцы о ней знали, потому что трудно скрыть громкое пение, танец и удары в бубен.

Валерий переводит, а я слушаю Линсу, которая всматривается в меня неестественно большими, расширенными глазами, будто читая мои мысли. Ее повествование в общих чертах сходится с разными сведениями о шаманстве, до которых мне ранее удалось добраться. И все-таки мой скептицизм не может примириться с тем, что прямо передо мной находится попросту посредник между миром людей и иными мирами. И в голову мне приходит замысел — провести «проверку» способностей старушки. Я прошу её спросить у своих духов о деталях некоего очень важного для меня события, касающегося моих давно умерших родителей.

— Ты точно хочешь об этом узнать? — ее и без того большие глаза становятся еще больше. Когда я выдерживаю ее взгляд и подтверждаю просьбу, она поднимается и приглашает меня в избу. Весь ее дом состоит, собственно говоря, из одного помещения. Посереди комнаты стоит сложенная из кирпича печь, которую можно обойти вокруг, у стены на большом сундуке разостлана постель, а дальше стоят два стула и наскоро сколоченный кухонный шкафчик. Над постелью висит металлический пояс Линсы, состоящий из нескольких десятков декоративных фигурных висюлек. Она не надевает его — болезнь не позволяет. Овальный, плоский, пропитанной рыбьей слизью бубен из козлиной кожи и палочку Линса перекладывает с постели на печь. Бубен должен хорошенько разогреться, чтобы потом лучше звучать. Старушка соглашается на фотосъемку и на запись ее пения. Когда она садится на постилку, Валерий предостерегает, что ни под каким видом нельзя прерывать транс: это поставило бы под угрозу ее слабеющее сердце.

Линса просит подать ей бубен и палочку, после чего закрывает глаза. Двигает ладонью по его натянутой коже, усаживается поудобнее и, медленно раскачиваясь, начинает ударять палочкой. Между вибрирующими звуками бубна прорывается ее пение, а по существу один только голос, выкрикивающий нанайские слова под какую-то совершенно негармоничную мелодию. Продолжается это несколько минут. Диктофон работает, я с фотоаппаратом — тоже. Голос Линсы постепенно, мало-помалу становится все выше, а удары в бубен — все чаще. Спустя четверть часа это уже не обычный человеческий голос, а какой-то писк, трудно поддающийся описанию. Я сажусь на стул, стоящий в полуметрах от старушки. Наклоняюсь в ее сторону и вижу, как из-под опущенных век у нее начинают течь слезы. Внезапно писк переходит в неожиданно хриплый, нечленораздельный бас, а я чувствую на своем лице волну тепла, словно заглянул в распахнутую, раскаленную духовку. Удары в бубен становятся более редкими. Пение женщины снова начинает походить на человеческий голос. Несколько мгновений спустя оно прекращается, Линса перестает бить в бубен и опускает голову. Она тяжело дышит. И снова вперяет в меня взор.

— Я спросила о твоем деле. Они говорят, что твой отец и твоя мать... — дальше она описывает подробности события, о котором никаким образом не могла знать. Говорит о таких деталях, о которых не знаю даже я и которые вызывают у меня теперь внезапное головокружение и скачок давления. Весь мой скептицизм рассыпался в прах.

Мне хочется узнать о том событии как можно больше. Линса минуту-другую отвечает, но через какое-то время хватается за свою клюку, встает и водкой, которую принес Валерий, наполняет стакан до половины. Я ожидаю, что она ее выпьет или поднесет кому-то из нас в качестве угощения. Между тем женщина пальцами правой руки выплескивает жидкость в трех разных местах комнаты. Я слышу от Валерия, что это благодарность за помощь, оказанную духами, которые дали ответ на мой вопрос, и извинение перед тем духом, который от злости сломал ее трубку. Я собираю свою аппаратуру. И пока еще не до конца отдаю себе отчет в том, свидетелем чего только что был.

— Уходи. Я устала. Объясни только Валерию, где лежит эта Польша, чтобы в случае чего я смогла к тебе попасть. Впрочем, делать это тебе не обязательно. Они уже тебя знают и найдут, когда надо будет. — Линса говорит это жестко и, укладываясь на постель, нетерпеливым движением руки выпроваживает нас из помещения.

Мы выходим. На Амуре моторки ловят лосося.

КНИЖНЫЕ ПРИВИВКИ

Беседа с Виктором Ерофеевым

— Польская школа без Гомбровича и Кафки — так решил министр образования Роман Гертых...

— Идеи вашего министерства образования напоминают мне сказку Салтыкова-Щедрина о городе Глупове. В цивилизованной Польше из школьной программы по литературе исключают Кафку и Достоевского?

— У тебя устаревшие сведения: «Преступление и наказание» снова включили в программу. А министр культуры заступился за Виткация и Гомбровича.

— Браво! А как же Кафка?

— Может, пессимизм Кафки опасен для неокрепших душ?

— Любая подлинная культура опасна своей провокационностью. Кстати, Чехов был не меньшим пессимистом, чем Кафка. Но провокационное искусство — это что-то вроде прививки. Читая Кафку и Чехова, мы словно делаем себе прививку от оспы или менингита. Без вакцины подлинной культуры мы гораздо легче подцепляем разные бактерии и болезни.

— Какие болезни?

— Если люди не понимают процессов современности (ведь об этом и говорит большая литература), они не могут адекватно на них реагировать. Интеллектуально недоразвитое общество апатично, пассивно, бедно и зависимо от государства. Школа — это место, где должны учить, что такое художественная провокация, какова роль иронии, учить, что насмешка не равнозначна клевете, а иногда бывает проявлением горячего патриотизма. Если молодой человек не пропустит через свой ум большую литературу, он будет как Пятница из «Робинзона Крузо», который может быть только дикарем на необитаемом острове. Даже смешно, что иногда приходится объяснять такие элементарные вещи.

— Часть наших политиков считает, что Европа — не пример для подражания, что это Польша должна давать пример распущенной либеральной Европе. Польша без Кафки и Конрада, с Достоевским, допущенным условно.

— К счастью, такие запреты неэффективны. Нельзя натянуть колючую проволоку и посадить литературу в концлагерь. Лучший тому пример — Россия. Вся история нашей культуры состоит из репрессий и цензурных запретов. Философа Чаадаева объявили сумасшедшим, его книги числились в списке запрещенной литературы по меньшей мере сто лет. Не печатались бунтарские сочинения Пушкина и философские трактаты Толстого. В списке значились и «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.

— В Советском Союзе писателей попросту расстреливали.

— Несмотря на это стихи Мандельштама, Цветаевой, обэриутов переписывали от руки, учили наизусть. Это касалось и Есенина, объявленного певцом пьяной, анархистской России. «Доктор Живаго» Пастернака попадал в СССР в западных изданиях, как и Солженицын. Когда я был студентом, о философии Достоевского упоминали только затем, чтобы заклеймить его за копание в нечистотах человеческой души и приклеить ярлык декадента. И все-таки мы прекрасно знали классиков.

— Но ведь были изданы десятки идеологически выверенных книг. При Брежневе, например, дежурным классиком был Георгий Марков.

— Графоман, возглавлявший Союз писателей и поровший на собраниях идеологическую чушь. Но прошло 20 лет, и Маркова никто не помнит, миллионы экземпляров его сибирских саг пошли на макулатуру. Никто не читает книг Брежнева, хотя они были в списке обязательной литературы, о них писались дипломные работы и диссертации.

— Однако на обширной советской назидательной литературе воспитались целые поколения школьников.

— Эта литература отнюдь не была добродушной. Она писалась на языке ненависти ко всему, что выходило за рамки отечественного тоталитаризма. Что-то она хвалила, что-то ненавидела, но гуманизмом там и не пахло. Неслучайно в ходу было определение «социалистический гума-

низм». Примером для детей был Павлик Морозов, донесший на собственного отца. «Если враг не сдается, его уничтожают», — говорил классик Максим Горький. В миллионах экземпляров издавались стихи Сергея Михалкова о дяде Степе, советском милиционере, — а ведь это фашистская литература.

— В прошлом году в Республике Коми по требованию местных церковных властей сняли с репертуара спектакль по «Сказке о попе и работнике его Балде».

— Церкви никогда не нравилась сказка Пушкина, в которой поп был представлен объектом насмешек. Но случай в Коми — это просто курьез. Что бы ни говорить о современной России, литература и культура развиваются там без приказов и запретов сверху. Литература — это остров свободы, а на таком острове нельзя ничего запретить. Это не меняет того факта, что советская эпоха помутила умы нескольким поколениям. Результат — общественная анемия, состояние потерянности и почти религиозная вера в любую российскую власть. Большинство российских граждан считает, что придет добрый дядя и всё за них сделает, скажет им, как надо жить.

— Не знаю, можно ли верить в то, что ты говоришь. Часть российских критиков считает тебя порнографом и космополитом.

— Но в университетах мои книги включены в списки обязательной литературы. Я даже столкнулся со студентами, которые ненавидят меня, так как завалили по ним экзамен. В программе средней школы есть мой рассказ «Галоши» — очень провокационный. Суть литературной провокации всегда заключается в несогласии с существующей действительностью, а не в желании вызвать скандал. Достоевский, Кафка, Конрад, Виткаций провоцируют самим своим образом мышления — у великого художника новаторство в крови. Авторитарная власть этого не любит, ибо она хотела бы всё предусмотреть и запланировать по своей мысли.

— Считаешь ли ты, писатель и отец, полезной назидательную литературу? Нужно ли рекомендовать детям литературу без описаний насилия, похабщины, секса?

— Хорошо, когда дети знают литературу, отличающую хорошие поступки от плохих, пробуждающую веру в высшие идеалы. Но не надо забывать, что те же самые дети внимательно следят, как отец относится к матери, смотрят мордобой по телевизору и видят жестокость на улицах. Идеальное воспитание не имеет смысла, воспитывать нужно для жизни. Лично я не рекомендовал моему сыну никаких книг — он читал то, что сам взял с полки. Дочери я тоже ничего не буду запрещать.

— Позволишь ли ты ей читать гомосексуальную литературу, например Кузьмина?

— Не бывает литературы гомосексуальной, гетеросексуальной, католической и коммунистической. Есть литература и есть печатное дерьмо. Настоящую литературу может создать убийца вроде Франсуа Вийона, мизантроп вроде Лермонтова, игрок вроде Достоевского или морфинист, каким в свое время был Булгаков. Глубоко нравственные книги писали атеисты и католики. Талантливый писатель перешагивает границы идеологии, которую он исповедует как человек. Художественный импульс сильнее политических предубеждений.

— Что бы ты посоветовал почитать нашему министру образования?

— Адама Мицкевича, который доказал, что можно быть патриотом и критиком национальных пороков. Хороший писатель охотно критикует свой собственный дом, так как хочет, чтобы в нем по крайней мере подмели. Господин министр, начните с Мицкевича; со временем вы придете к пониманию Конрада, а может, даже Кафки.

Беседу вела Анна Жебровская

gazeta

Интервью было напечатано в «Газете выборчей» 11 июня. 13 августа Роман Гертых был отправлен в отставку с поста министра национального образования.

Виктор Ерофеев *род. в 1947 г. в семье профессионального дипломата. Окончил филологический факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию на тему «Достоевский и французский экзистенциализм». Автор идеи и соредактор диссидентского альманаха «Метрополь» (1979, российское издание 1989). В 1990 г. его первый роман «Русская красавица» стал всемирным бестселлером, переведенным на 27 языков. Начиная с 1992 г. фурор производит опера «Жизнь с идиотом» (музыка Альфреда Шнитке, либретто Ерофеева). Говорит по-польски — его первая жена была полькой.*

Петр Мицнер

БОЛЬШОЕ МОЛЧАНИЕ

«Неделя совести», прошедшая в Варшаве в 1992 г., была особым событием: на нее приехали мемориальцы со всей России, с Украины, из Казахстана. Встречу сопровождали две выставки. Одна из них называлась «Искусство ГУЛАГа», вторая же была организована Валентиной Александровной Тихановой из московского «Мемориала», которая собрала тюремные фотографии и краткие биографии поляков, расстрелянных в 1930-е годы. Сегодня следует признать, что эта вторая выставка была понята не сразу. Помню равнодушие и даже неприязнь людей, как будто чувствительных к истории и человеческим судьбам. Дело, конечно, было в том, что многие из жертв, смотревших на нас со стендов на стенах варшавской Цитадели, были членами ВКП(б) или КПП (Коммунистической партии Польши). Убитых мы вопрошали: «Был ли ты членом партии?»

Но все-таки Валентина Александровна заразила нас интересом к этому прошлому. Тем более что трагедия, на вид такая отдаленная, оказалась близкой. Перед стеной с портретами встречались дети, внуки, а иногда и вдовы жертв «большого террора». Мы поняли, что это дело живое, горестное, всё еще не рассказанное.

О размахе «чисток» и их механизме мы узнали из документов, которые годом позже опубликовал в варшавской «Карте» Никита Петров. Несколько лет спустя Томаш Кизный подготовил поразительную выставку «Приговор», где предсмертные фотографии жертв «большого террора» были увеличены до сверхчеловеческих размеров. Тем не менее и это прошло незамеченным.

«Большой террор» не занимает никакого места в сегодняшнем польском сознании. Можно ли сказать, что не продуманный нами, не включенный в нашу историю 1937 год несмотря на это воздействует на нас так же, как на жителей бывшего СССР? Конечно, не так же, но тот факт, что мы отталкиваем от себя память о его польских жертвах и, более того, не принимаем к сведению трагедию, поглотившую несколько сот тысяч человек, означает всего лишь, что по двум предметам мы не сдали экзамен: по истории и по этике.

Можно ли это изменить? Весной этого года «Мемориал» выпустил тезисы, показывающие такой путь — русским, полякам, всем народам, представители которых находятся в списках расстрелянных.

Занимаясь и проникаясь судьбами жертв «большого террора» (хотя, может быть, не так интенсивно, как следовало бы), я был убежден, что меня этот вопрос прямо не затрагивает. Я ошибался. Не так давно я нашел в списках приговоренных к «высшей мере» в 1937 г. имя своего деда. В этот момент все известные мне дела, протоколы допросов, а главное, фотографии расстрелянных прошли у меня перед глазами.

Останки воркутинского лагеря

1937 ГОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

Тезисы «Мемориала»

Семьдесят лет назад, по решению высших партийных органов, в СССР развернулась очередная кровавая «чистка», длившаяся почти два года. В исторической публицистике эта репрессивная кампания нередко именуется «Большим Террором»; в народе же ее называют просто — «Тридцать Седьмой».

Коммунистическая диктатура всегда — и до, и после 1937 года — сопровождалась политическими репрессиями. Однако именно Тридцать Седьмой стал в памяти людей зловещим символом системы массовых убийств, организуемых и проводимых государственной властью. По-видимому, это случилось из-за того, что Большому Террору были присущи некоторые из ряда вон выходящие черты, предопределившие его особое место в истории и то огромное влияние, которое он оказал — и продолжает оказывать — на судьбы нашей страны.

Тридцать Седьмой — это гигантский масштаб репрессий, охвативших все регионы и все без исключения слои общества, от высшего руководства страны до бесконечно далеких от политики крестьян и рабочих. В течение 1937-1938 гг. по политическим обвинениям было арестовано более 1,7 миллиона человек. А вместе с жертвами депортаций и осужденными «социально вредными элементами» число репрессированных переваливает за два миллиона.

Это невероятная жестокость приговоров: более 700 тысяч арестованных были казнены.

Это беспрецедентная плановость террористических «спецопераций». Вся кампания была тщательно продумана заранее высшим политическим руководством СССР и проходила под его постоянным контролем. В секретных приказах НКВД определялись сроки проведения отдельных операций, группы и категории населения, подлежавшие «чистке», а также «лимиты» — плановые цифры арестов и расстрелов по каждому региону. Любые изменения, любые «инициативы снизу» должны были согласовываться с Москвой и получать ее одобрение.

Но для основной массы населения, незнакомой с содержанием приказов, логика арестов казалась загадочной и необъяснимой, не вяжущейся со здравым смыслом. В глазах современников Большой Террор выглядел гигантской лотереей. Почти мистическая непостижимость происходящего наводила особенный ужас и порождала у миллионов людей неуверенность в собственной судьбе.

Репрессии основательно затронули, в частности, представителей новых советских элит: политической, военной, хозяйственной. Расправа с людьми, имена которых были известны всей стране (именно о них в первую очередь сообщали газеты) и в лояльности которых не было никаких причин сомневаться, увеличивала панику и усугубляла массовый психоз. Впоследствии родился даже миф о том, что Большой Террор будто бы был направлен исключительно против старых большевиков и партийно-государственной верхушки. На самом деле подавляющее большинство арестованных и расстрелянных были простыми советскими гражданами, беспартийными и ни к каким элитам не принадлежащими.

Бабель Исаак Эммануилович | Голланд Ричард Ричардович | Капранов Василий Ананьевич. | Замшева-Куйбышева Антонина Ильинична

Тридцать Седьмой — это неизвестные мировой истории масштабы фальсификации обвинений. В 1937-1938 гг. вероятность ареста определялась главным образом принадлежностью к какой-либо категории населения, указанной в одном из «оперативных приказов» НКВД, или связями — служебными, родственными, дружескими — с людьми, арестованными ранее. Формулирование индивидуальной «вины» было заботой следователей. Поэтому сотням и сотням тысяч арестованных предъявлялись фантастические обвинения в «контрреволюционных заговорах», «шпионаже», «подготовке к террористическим актам», «диверсиях» и т.п.

Тридцать Седьмой — это возрождение в XX веке норм средневекового инквизиционного процесса со всей его традиционной атрибутикой: заочностью (в подавляющем большинстве случаев) квазисудебной процедуры, отсутствием защиты, фактическим объединением в рамках одного ведомства ролей следователя, обвинителя, судьи и палача. Вновь, как во времена инквизиции, главным доказательством стало ритуальное «признание своей вины» самим подследственным. Стремление добиться такого признания в сочетании с произвольностью и фантастичностью обвинений привели к массовому применению пыток; летом 1937-го пытки были официально санкционированы и рекомендованы как метод ведения следствия.

Тридцать Седьмой — это чрезвычайный и закрытый характер судопроизводства. Это тайна, окутавшая отправление «правосудия», это непроницаемая секретность вокруг расстрельных полигонов и мест захоронений казненных. Это систематическая многолетняя официальная ложь о судьбах расстрелянных: сначала — о мифических «лагерях без права переписки», затем — о кончине, наступившей будто бы от болезни, с указанием фальшивых даты и места смерти.

Тридцать Седьмой — это круговая порука, которой сталинское руководство старалось повязать весь народ. По всей стране проходили собрания, на которых людей заставляли бурно аплодировать публичной лжи о разоблаченных и обезвреженных «врагах народа». Детей вынуждали отрекаться от арестованных родителей, жен — от мужей.

Это миллионы разбитых семей. Это зловещая аббревиатура «ЧСИР» — «член семьи изменника Родины», которая сама по себе явилась приговором к заключению в специальные лагеря для двадцати тысяч вдов, чьи мужья были казнены по решению Военной Коллегии Верховного Суда. Это сотни тысяч «сирот Тридцать Седьмого» — людей с украденным детством и изломанной юностью.

Это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий.

Наконец, Тридцать Седьмой — это фантастическое сочетание вакханалии террора с безудержной пропагандистской кампанией, восхваляющей самую совершенную в мире советскую демократию, самую демократическую в мире советскую Конституцию, великие свершения и трудовые подвиги советского народа. Именно в 1937 году окончательно сформировалась характерная черта советского общества — двоемыслие, следствие раздвоения реальности, навязанного пропагандой общественному и индивидуальному сознанию.

* * *

И сейчас, семьдесят лет спустя, в стереотипах общественной жизни и государственной политики России и других стран, возникших на развалинах СССР, явственно различимо пагубное влияние как

Лопатин Александр Александрович — Мучник Григорий Александрович — Нейбах Иван Иванович — Нейзмак Александр

самой катастрофы 1937—1938 гг., так и всей той системы государственного насилия, символом и квинтэссенцией которого стали эти годы. Эта катастрофа вошла в массовое и индивидуальное подсознание, покалечила психологию людей, обострила застарелые болезни нашего менталитета, унаследованные еще от Российской империи, породила новые опасные комплексы.

Ощущение ничтожности человеческой жизни и свободы перед истуканом Власти — это непреодоленный опыт Большого Террора.

Привычка к «управляемому правосудию», правоохранительные органы, подчиняющие свою деятельность не норме закона, а велениям начальства, — это очевидное наследие Большого Террора.

Имитация демократического процесса при одновременном выхолащивании основных демократических институций и открытом пренебрежении правами и свободами человека, нарушения Конституции, совершаемые под аккомпанемент клятв в незыблемой верности конституционному порядку, — это общественная модель, которая впервые была успешно опробована именно в период Большого Террора.

Рефлекторная неприязнь сегодняшнего бюрократического аппарата к независимой общественной активности, непрекращающиеся попытки поставить ее под жесткий государственный контроль, — это тоже итог Большого Террора, когда большевистский режим поставил последнюю точку в многолетней истории своей борьбы с гражданским обществом. К 1937 году все коллективные формы общественной жизни в СССР — культурной, научной, религиозной, социальной и т.п., не говоря уже о политической, — были ликвидированы или подменены имитациями, муляжами; после этого людей можно было уничтожать поодиночке, заодно искореняя из общественного сознания представления о независимости, гражданской ответственности и человеческой солидарности.

Воскрешение в современной российской политике старой концепции «враждебного окружения» — идеологической базы и пропагандистского обеспечения Большого Террора, подозрительность и враждебность ко всему зарубежному, истерический поиск «врагов» за рубежом и «пятой колонны» внутри страны и другие сталинские идеологические шаблоны, обретающие второе рождение в новом политическом контексте — все это свидетельства непреодоленного наследия Тридцать Седьмого в нашей политической и общественной жизни.

Легкость, с которой в нашем обществе возникают и расцветают национализм и ксенофобия, несомненно унаследована нами в том числе и от «национальных спецопераций» 1937-1938 гг., и от депортаций в годы войны целых народов, обвиненных в предательстве, и от «борьбы с космополитизмом», «дела врачей» и сопутствующих всему этому пропагандистских кампаний.

Интеллектуальный конформизм, боязнь всякой «инакости», отсутствие привычки к свободному и независимому мышлению, податливость ко лжи — это во многом результат Большого Террора.

Безудержный цинизм — оборотная сторона двоемыслия. Волчья лагерная мораль («умри ты сегодня, а я завтра»), утрата традиционных семейных ценностей — и этими нашими бедами мы в значительной мере обязаны школе Большого Террора, школе ГУЛАГа.

Катастрофическая разобщенность людей, стадность, подменившая коллективизм, острый дефицит человеческой солидарности — все это результат репрессий, депортаций, насильственных переселений, результат Большого Террора, целью которого и было раздробление общества на атомы, превращение народа в «население», в толпу, которой легко и просто управлять.

Нюрина-Нюренберг Фаина (Фанни) Ефимовна | Окунь Абрам Маркович (Менделевич) | Орлов Гермоген Макарьевич | Орт Владимир Васильевич

* * *

Разумеется, сегодня наследие Большого Террора не воплощается и вряд ли может воплотиться в массовые аресты — мы живем в совершенно другую эпоху. Но это наследие, не осмысленное обществом, и, стало быть, не преодоленное им, легко может стать «скелетом в шкафу», проклятием нынешнего и будущих поколений, прорывающимся наружу то государственной манией величия, то вспышками шпиономании, то рецидивами репрессивной политики.

Что требуется сделать для осмысления и преодоления разрушительного опыта Тридцать Седьмого?

Последние полтора десятилетия показали, что необходимо публичное рассмотрение политического террора советского периода с правовых позиций. Террористической политике тогдашних руководителей страны, и прежде всего генерального идеолога и верховного организатора террора — Иосифа Сталина, конкретным преступлениям, ими совершенным, необходимо дать ясную юридическую оценку. Только такая оценка может стать точкой отсчета, краеугольным камнем правового и исторического сознания, фундаментом для дальнейшей работы с прошлым. В противном случае отношение общества к событиям эпохи террора неизбежно будет колебаться в зависимости от изменений политической конъюнктуры, а призрак сталинизма — периодически воскресать и оборачиваться то бюстами диктатора на улицах наших городов, то рецидивами сталинской политической практики в нашей жизни.

Вероятно, для проведения полноценного разбирательства следовало бы создать специальный судебный орган — указывать на прецеденты в мировой юридической практике излишне.

К сожалению, пока что налицо противоположная тенденция: в 2005 году Государственная Дума Российской Федерации исключила из преамбулы Закона о реабилитации 1991 года единственное в российском законодательстве упоминание о «моральном ущербе», причиненном жертвам террора. Нет нужды вдаваться в нравственную и политическую оценку этого шага — она очевидна. Необходимо просто вернуть слова о моральном ущербе в текст Закона. Это надо сделать не только во имя памяти погибших, но и ради самоуважения. Это надо сделать и для того, чтобы загладить оскорбление, нанесенное нескольким десяткам тысяч глубоких стариков — выжившим узникам ГУЛАГа, и сотням тысяч родственников жертв террора.

Однако правовая оценка террора — это важный, но недостаточный шаг.

Необходимо обеспечить благоприятные условия для продолжения и расширения исследовательской работы по истории государственного террора в СССР. Для этого нужно прежде всего снять все ныне действующие искусственные и необоснованные ограничения доступа к архивным материалам, связанным с политическими репрессиями.

Необходимо сделать современные исторические знания об эпохе террора общим достоянием: создать, наконец, школьные и вузовские учебники истории, в которых теме политических репрессий и, в частности, Большому Террору, было бы уделено место, соответствующее их историческому значению. История советского террора должна стать не только обязательной и значительной частью школьного образования, но и объектом серьезных усилий в области народного просвещения в самом широком смысле слова. Необходимы просветительные и культурные программы, посвященные этой теме, на государственных каналах телевидения, необходима государственная поддержка издательским проектам по выпуску научной, просветительной, мемуарной литературы, посвященной эпохе террора.

Необходимо создать общенациональный Музей истории государственного террора, соответствующий по своему статусу и уровню масштабам трагедии, и сделать его методическим и научным

Отличин Петр Петрович | Рожен-Андреев Эмерик Витольдович | Санданский-Оровчанац Николай Пантич | Терновская Елена Павловна

центром музейной работы по этой теме. История террора и ГУЛАГа должна быть представлена во всех исторических и краеведческих музеях страны, так, как это делается, например, в отношении другой грандиозной исторической трагедии — Великой Отечественной войны.

Необходимо, наконец, воздвигнуть в Москве общенациональный памятник погибшим, который был бы поставлен государством и от имени государства. Такой памятник нам обещают вот уже 45 лет; пора бы и выполнить обещание. Но этого мало: надо, чтобы памятники жертвам террора встали по всей стране. К сожалению, во многих городах дело увековечения памяти жертв до сих пор не двинулось дальше закладных камней, установленных 15-18 лет назад.

В стране должны появиться памятные знаки и мемориальные доски, которые отмечали бы места, связанные с инфраструктурой террора: сохранившиеся здания следственных и пересыльных тюрем, политизоляторов, управлений НКВД и ГУЛАГа и т.п. Памятные знаки, указатели и информационные щиты следует установить также в местах дислокации больших лагерных комплексов, на предприятиях, созданных трудом узников, на дорогах, ведущих к сохранившимся руинам лагерных зон.

Необходимо убрать из названий улиц и площадей, да и из названий населенных пунктов, имена государственных деятелей — организаторов и активных участников террора. Топонимика не может больше оставаться зоной увековечения памяти преступников.

Необходима государственная программа подготовки и издания во всех субъектах Российской Федерации Книг памяти жертв политических репрессий. Сейчас такие Книги памяти выпущены только в части регионов России. По приблизительным подсчетам, совокупный список имен, перечисленных в этих книгах, охватывает на сегодняшний день не более 20% от общего числа людей, подвергшихся политическим репрессиям.

Срочно необходимо разработать и осуществить общероссийскую или даже межгосударственную программу поиска и мемориализации мест захоронений жертв террора. Это проблема не столько образовательная и просветительская, сколько нравственная. На территории бывшего СССР — многие сотни расстрельных рвов и братских могил, где тайно закапывали казненных, тысячи лагерных и спецпоселенческих кладбищ, разрушенных, полуразрушенных и таких, от которых остались лишь следы; от тысяч кладбищ уже и следов не осталось.

Все это способствовало бы восстановлению памяти об одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX века и помогло бы выработать устойчивый иммунитет к тоталитарным стереотипам.

Сказанное выше относится в первую очередь к России, — правопреемнику СССР, самой большой из бывших советских республик, стране, в столице которой располагался центр разработки и запуска террористических кампаний, управления механизмами террора, на территории которой находилась основная часть империи ГУЛАГа.

Однако очень многое из того, что должно быть сделано, должно делаться на всем пространстве бывшего СССР, лучше всего — совместными усилиями наших стран. История террора понимается и трактуется в сегодняшних постсоветских государствах по-разному. Это естественно. Но принципиально важно, чтобы из этой разности возник диалог. Диалог национальных памятей — важная и необходимая часть осмысления исторической правды; плохо лишь, когда он превращается в перебранку, в попытки снять историческую (и, стало быть, гражданскую) ответственность с себя и переложить ее на

Серафимович Павел | Северов-Одоевский Афанасий | Штокович-Дзбановская Лидия | Тимиргалина Шарифа

«другого». К сожалению, очень часто именно история советского террора становится инструментом сиюминутных межгосударственных политических разборок, а честная совместная работа с общим прошлым подменяется выставлением перечней взаимных обид, счетов и претензий.

Поэтому развернутая комплексная программа, посвященная трагическому опыту прошлого, должна быть, скорее всего, международной и межгосударственной. Это касается и исторических исследований, и выпуска Книг памяти, и мемориализации мест захоронений, и многого другого — может быть, даже и подготовки школьных учебников. Память о терроре — это общая память наших народов. Эта память не разъединяет, а объединяет нас — еще и потому, что это ведь не только память о преступлениях, но и память о совместном противостоянии машине убийств, память об интернациональной солидарности и человеческой взаимопомощи.

* * *

Конечно, память о прошлом формируется не Указами и постановлениями правительств. Судьбы исторической памяти могут определиться лишь в широкой общественной дискуссии. Чем дальше, тем более очевидной становится острая необходимость в такой дискуссии.

В осмыслении Большого Террора и, шире, всего опыта советской истории, нуждаются не только Россия и не только страны, входившие в СССР или в состав «социалистического лагеря». В таком обсуждении нуждается все страны и народы, все человечество, ибо события Большого Террора наложили отпечаток не только на советскую, но и на всемирную историю. ГУЛАГ, Колыма, Тридцать Седьмой — такие же символы XX века, как Освенцим и Хиросима. Они выходят за пределы исторической судьбы СССР или России и становятся свидетельством хрупкости и неустойчивости человеческой цивилизации, относительности завоеваний прогресса, предупреждением о возможности будущих катастрофических рецидивов варварства. Поэтому дискуссия о Большом Терроре должна также выйти за рамки национальной проблематики; подобно некоторым из названных выше гуманитарных катастроф, она должна стать предметом общечеловеческой рефлексии. Но инициатором и средоточием этой дискуссии обязана стать, разумеется, общественная мысль в странах, которые входили в состав СССР, в первую очередь — в России.

К сожалению, именно в России готовность общества узнать и принять правду о своей истории, казавшаяся в конце 1980-х достаточно высокой, сменилась в 1990-е безразличием, апатией и нежеланием «копаться в прошлом». Есть и силы, прямо заинтересованные в том, чтобы никаких дискуссий на эти темы больше не было. И в общественном сознании, и в государственной политике усиливаются тенденции, отнюдь не способствующие свободному и прямому разговору о нашей недавней истории. Эти тенденции нашли свое выражение в официальной, хотя и не всегда четко формулируемой концепции отечественной истории исключительно как «нашего славного прошлого».

Нам говорят, что актуализация памяти о преступлениях, совершенных государством в прошлом, препятствует национальной консолидации (или, выражаясь языком тоталитарной эпохи, «подрывает морально-политическое единство советского народа»).

Нам говорят, что эта память наносит ущерб процессу национального возрождения.

Нам говорят, что мы должны помнить в первую очередь о героических достижениях и подвигах народа во имя великой и вечной Державы.

Нам говорят, что народ не хочет иной памяти, отвергает ее.

И в самом деле, значительной части наших сограждан легче принять удобные успокоительные мифы, чем трезво взглянуть на свою трагическую историю и осмыслить ее во имя будущего. Мы понимаем, почему это так: честное осмысление прошлого возлагает на плечи ныне живущих поколений огромную и непривычную тяжесть исторической и гражданской ответственности. Но мы уверены: без принятия на себя этого, в самом деле тяжелейшего, груза ответственности за прошлое у нас не будет никакой национальной консолидации и никакого возрождения.

В канун одной из самых страшных годовщин нашей общей истории «Мемориал» призывает всех, кому дорого будущее наших стран и народов, пристально вглядеться в прошлое и постараться понять его уроки.

Международное общество «Мемориал»

Елена Твердислова

ФИЛОСОФСКОЕ ВАРЕВО

Летом жара в Кракове воспринимается сильнее, чем морозы зимой, — те были давно, а палящее солнце сегодня...

Размышляя о времени в его ощущениях, спешу в кафе «Вишневый сад»: сначала подворотня, будто попала на Таганку, и смотри под ноги, чтобы не споткнуться о деревянный настил, небольшая дверь... круглые столы, покрытые скатертями, вокруг венские стулья, *как у бабушки*, чуть сбоку пианино, на нем покрывало, *похожее лежало на постели моей соседки*, старые фотографии на пианино... Русь зарубежная и то, что от нее осталось. А на стене, в глубине, — еле угадываешь — снимок спектакля Театра на Таганке — как тут обойтись без «Вишневого»? Трагическая подоплека: Любимов отчалил, в театр пришел Эфрос со своим *садом*, и бесконечные везде разговоры: это подлость или спасительный маневр? — неизвестно сколько продолжались бы... Вскоре умер...

Тихо, как в библиотеке, так бы и сидела тут, да вот с философом, которого я в лицо не знаю, мы условились встретиться у входа. Оглядываю прохожих. «Я полноват и уже лысею» — никого подобного, лучше подожду в кафе. Я уже собираюсь зайти, когда меня окликает высокий молодой человек с пышной шевелюрой. «Вы?» Неужели он считает себя полновато-лысеющим или так его видит жена? подруга? Чтоб не зазнавался? Представляется: «Мизера». Под стать скромному характеру — говорящая фамилия — «маленький человек»: не каждый захочет быть в тени великих мастеров, а он их изучает и знает, может, лучше, чем себя. Детали и мелочи важны в главном, на них покоятся открытия. Философ, как правило, — несостоявшийся поэт, а бывает и наоборот. Лучше, когда и то и другое сразу, но чаша весов то в одну сторону качнется, то в другую... Пан Мизера со мной соглашается. Разговор о Хайдеггере, умозаключения (и злоключения) которого можно понять только сквозь поэтическую призму, да к тому же польская интерпретация не всегда совпадает с нашей. А как вводить тексты, которые у всех на слуху, а у нас в диковинку? Dasein уже давно никто не переводит: как возник, так и поставили, а вот Wassein, у которого есть еще и свой источник quidditas, оказывается, имеет аналог Чтойность... Поди, разберись. «Лосева надо читать!» — сказал один мой знакомый, возмутившись.

Беседа располагает к раздумьям. Как и атмосфера: никто не подсядет, даже если нет мест — священно право на сосредоточенность.

— ...Мы перестали общаться...

— Совсем?

— Перезваниваемся. — Молчание, и более жестко, будто решение принято: — Да и не до того мне теперь — папа болен...

Две женщины — молодая и совсем немолодая, но ухоженная, аккуратная. На столе чай и кофе — по чашкам догадываюсь. И беседа о чем-то сердечном, но грустном. Обе на «ты», мне нравится у поляков их форма общения: «пан» и «пани», пока не сблизились, а на «ты» переходят, невзирая на возраст и статус.

И странное ощущение путаницы: где я? Вроде русское кафе: «Здесь хорошо думается», — словно подслушав, говорит пан Мизера, — «По-русски? По-польски? По-немецки?» И витает в воздухе что-то такое, что не имеет ни времени, ни пространства, и легко соседствует с Чеховым Хайдеггер, подобный ему символикой языка, который надо не понимать, а расшифровывать. Чехов любил возделывать свой сад и хотел этого от других, спасаясь от вселенской безысходности, порожденной человеческой апатией, но и собственная активность — поездка на Сахалин! — только углубила безысходность. Несбыточные мечтания в нашей литературе выражают Сони. Все они бедные и все подружки: одна — Раскольникова, другая — Наташи Ростовой, но их оставит далеко позади себя племянница дяди Вани: ее *небо в алмазах*! Вот истинная вера, но почему-то трудно представить, чтобы и Чехов так думал, как, впрочем,

и Хайдеггер, предпочтя об этом не говорить. Чеховский сад принадлежал людям, которые были его недостойны: о саде они знали лишь то, что он облетает с такой же скоростью, с какой новые веяния налезают на старые. И говорили, не слушая друг друга, каждый на своем *наречии*, а ведь слова возникли для общения!.. Как хочется иметь место, куда можно приехать просто так и отдыхать, ничего не меняя и не ремонтируя... В Театре на Таганке Лопахина играл Высоцкий, словно стесняясь везучести — собственной и героя... Далеко шагнул деловой Лопахин от практичного Шульца: не скупай разорившиеся имения, принимать бы не стали. Хочешь понять, что у русского не так, сначала посмотри на немца... У пана Мизеры через увлечение немецкой философией интерес к русской: «Бердяев прекрасно понял Хайдеггера!»

Но меня занимает совсем другой Хайдеггер — тот, кто был страстным во всем и особенно в любви: рукопись своего главного, как он считал, детища «Бытие и время» положил в гроб умершей матери, когда хоронили. Чистосердечно поведал жене о своей давней — и многолетней — привязанности к Ханне Арендт, не скрыв драматичности их романа. Что задело жену больше — его измена или ее еврейское происхождение? Эльфрида прославилась антисемитизмом. Ханна мирилась не только с этим, но и с его безразличием к ее собственным трудам. Не знай я о равнодушии Елены Денисьевой к стихотворениям Тютчева, посвятившего ей лучшие стихи, не поняла бы этого. Как же так — Ханна — видный и яркий ученый с мировым именем! Она была моложе его почти на пятнадцать лет, но он пережил ее. «Тайный король философии» — пошло с легкой руки Арендт. Что притягивало его в ней? Ум — острый, наблюдательный, независимый в сочетании с женской терпеливостью, жертвенностью, готовностью защитить...

Странно, Чехова терпеть не могла Ахматова — эффектная, соблазнительная, лирик с тонким профилем. Она избегала вспоминать о своей юности, как и Чехов. Не потому ли, что оба страдали общим недугом — туберкулезом? За что ее возненавидела жена Недоброво: будто именно она и заразила ее мужа. А как бы Чехов отнесся к Ахматовой, окажись она женщиной его романа? Их было немало, но с каждой пассией он умело расставался, подсовывая другому. Мало ли способов у мужчин, не желающих себя связывать?

Холодное ёрничество Чехова не вяжется с темпераментом лёгочника.

Вот что значит прохладное помещение. Начинают мучить жаркие мысли. Чувственность мешает не только мужчине и женщине понимать друг друга. Она мешает философам отыскать подлинную основу знаний. Гуссерль напрасно стремился отделить горячее от разумного, но при этом показал, что как раз видеть человек и не научился: *взгляд*, *воззрение*, *усмотрение*, *созерцание* — заиграли, как стекла вымытого окна. «Хайдеггеровская интенциональная трансцендентность» — маленький Денис, мой сын, срисовывал слова, отпечатанные на оборотках (использовала для экономии бумаги), не спрашивая о смысле: завораживало непонятное.

Когда человек пытается себя понять, он еще больше запутывается.

Мы не можем одновременно мыслить об истинном и ложном — не факт, а его констатация. Но что делать с человеком, который к этому стремится? Гуссерль, споря с одной логикой, выстраивал другую, памятуя при этом, что для слепых не существует цвета. Хайдеггер же стал искать калитку в сад совсем в другом месте, словно тренируя человечество на зоркость. И хотя он запутался не менее своего учителя, зато обрел последователей и сторонников, которые из рук в руки стали передавать зажженный фонарь. Соединив земное и возвышенное, вишневый сад освещает себя только во время цветения — розовым сиянием.

— В сказках лягушка оборачивается принцем, а у меня принц превратился в жабу... — краем уха ловлю сетования молодой, душевное страдание которой, кажется, ее даже красит.

Чехов предпочитал в своих сочинениях несчастную любовь (обязательно безответную) глубоко и сильно переживающих, невзрачных, но душевно выносливых женщин. Ведь они его утомляли. Или таких больше жалко? Кроме Раневской, махнувшей на пропадающий сад рукой: «В Париж, в Париж!» (это вам не «В Москву, в Москву!»), и Нины Заречной, ушедшей в актрисульки, ни одной обаятельной. Дама с собачкой хороша только потому, что в нее влюбился Гуров. Скандальная ссора с Левитаном из-за Попрыгуньи... А его Анюта — Анна на шее? (Посмотреть, чья Анна старше — Чехова или

Толстого.) Как далек от Пушкина Чехов с его закрытостью, загадочным взором, иронией! Можно подумать — о Пушкине всё известно, сидит в нашем подсознании, точно красные кровяные тельца, без которых кровь по жилам не побежит и сердце не заработает. Чеховская кровь словно застывала на подходе к сердцу, не омывая его. Непохожий на русских писателей с их самокопанием, Чехов не щадил других, словно всеми объевшись.

Самый большой парадокс — в кафе на тему Чехова говорим о любви: кто своей, кто чужой... Для больного и уставшего Чехова успех «Чайки» после ее провала был искушением обмануть смерть: ведь знал, что безнадежно болен, но захлестывала новая жизнь, новый театр, женитьба на красотке... А не было б успеха — что тогда? Мог бы еще пожить? Смеялся смерти в лицо, сочиняя комедию про застрелившего себя Треплева...

Чехов, как и Хайдеггер, «молчал» о Боге. Да так ли уж? Молчание Хайдеггера красноречиво: оно учило возвышаться над провалом — мосты, мосты, мосты... Он наводил их, и его молчание прорвет время. А ведь он был страстным не только в любви, но и в амбициях, что запечатлела поднятая в приветствии рука, на которой знакомая повязка со свастикой... Всё оправдала любовь Ханны, которая при этом считала, что это он оправдал ее жизнь.

Не будь их общения, переписки, верности друг другу сквозь всё, идеи превратились бы в философское варево.

В наступающих сумерках, о которых можно догадаться по темнеющему за окном свету («Просвету!» — воскликнули мы с паном Мизерой в унисон, застигнутые врасплох плохо скрываемым восторгом перед величием чувства) продолжал надрывно звучать голос Александра Малинина, которому будто только на один раз дали гитару и другой возможности пропеть не будет... «Напрасные слова, что ты тогда сказала...»

В романсах не боятся напрасных слов: философы считают их неправильными, а поэты — ненайденными. Властители зауми сооружают из суждений и умозаключений брусья, на которых человек предпочитает висеть вниз головой. Так легче прощаться. Любое расставание — навеки. Зато и любая встреча — впервые. Пытаясь соединить цветущий сад и чарующую легкость слов, не смотри при этом на часы, ведь встреча — всегда расставание...

Пустота в лепестках осыпавшегося вишневого сада. Как это много по сравнению с японцами, у которых только ветка сакуры — чтобы выразить себя.

Чай был вкусный, хотя и остыл.

Анна Радзюкевич

В СУПРАСЛЕ РАСПАХНУЛИ ОКНО В ВЕЧНОСТЬ

Подлесский музей на протяжении полувека собрал свыше 1200 икон. Запертые до сих пор в шкафах, они с 10 февраля — дня открытия экспозиции Музея икон в Супрасле — показывают свои лики посетителям.

Старые иконы демонстрируются с привлечением новейших завоеваний техники. Посетителям сопутствуют звук и свет. Звук — это церковное пение, искусно подобранное к каждому залу, к переходам (коридорам) и восхождениям (лестницам). Свет реагирует на появление посетителя и озаряет каждое музейное помещение, извлекая из темного фона то, что здесь важнее всего, — икону. Он распахивает окна в вечность.

Наибольшее наслаждение, истинное пиршество поджидает посетителей в конце. Здесь размещены супрасльские фрески.

— Если бы церковь Благовещенья вместе с ее поражающими своей духовной силой и красотой фресками XVI века работы Нектария Серба и его учеников не была взорвана в 1944 г., сегодня она была бы занесена во все списки мирового культурного наследия, — говорит Анджей Леховский, директор Подлесского музея, филиалом которого является Музей икон. — А в Супрасль тянулась бы нескончаемая череда паломников и туристов со всего света. Это место невозможно было бы сравнить ни с чем другим из того, что православие оставило на землях Польши, — даже с Троицкой часовней в Люблинском замке, хотя та и на столетие старше, чем Благовещенская церковь в Супрасле. Дело в том, что масштабность супрасльской живописи и ее художественный класс поражали воображение. С этим местом не мог бы сравниться ни один памятник старины в северо-восточной Польше.

Уцелел лишь небольшой фрагмент того великолепия — около полутора десятков фресок или их фрагментов, снятых после войны реставраторами со штукатурки разрушенной церкви и нанесенных на новый грунт.

Фрески эти всегда оставались вблизи того места, где их сотворил мастер Нектарий Серб со своими учениками, — во дворце архимандритов в супрасльском монастырском комплексе.

Великолепие этих росписей в полной мере выявляет только новый музей. До сих пор они экспонировались на металлических конструкциях, производя впечатление вырванных из контекста, заброшенных и осиротелых. А теперь они «светятся» всей интенсивностью своей потрясающей красоты. Свет, точно обрамляющий границы каждой фрески, извлекает их из темного фона помещения, которое выделено только им. В этом зале хранится и память о варварском деянии — разрушении церкви. В закрытом толстым стеклом и встроенном в пол квадратном контейнере помещен щебень — остатки штукатурки взорванной церкви.

Супрасльский музей ничем не напоминает традиционного — такого, где стена, картина, стенд, постоянное освещение, тишина и кушетка. Музей, входящий в число самых современных в Польше, как будто вступает в диалог с посетителем. Своей переменчивостью и игрой света этот музей притягивает внимание зрителя к самому главному, становится для него экскурсоводом, своеобразным провожатым по интерьерам, которые своей внутренней архитектурой и убранством напоминают церковь. Правда, применения одного элемента — зеркал, причем несколько искривленных, — я не понимаю. Зато особое настроение создают церковные песнопения. Благодаря им музей становится еще и уроком православия в целом, а не только икон.

Особенно это касается второго зала, который вводит посетителя в церковный круг — вечное коловращение богослужебного года, повторяемого, или скорее беспрестанно возобновляемого. Это сделано посредством цикла икон двунадесятых праздников и икон (как бы *миней*) на каждый месяц и тем самым день года.

Коридоры обустроены здесь как своеобразная форма перехода, странствия. Поэтому в них разместили главным образом распятия — богомольческие и отлитые в металле. Атмосферу тут создают также крупные фотограммы, возникающие вдруг на темном фоне стен, словно фрески. На них — богомольцы, крестный ход, молящиеся люди.

Лестничная клетка, которая в музеях обычно вырывает посетителя из атмосферы экспозиции, здесь выстраивает её. Она как бы иллюстрирует аспект вознесения, столь важный в христианстве. Выставка захватила даже лифт.

Есть здесь особый зал — голубой, — посвященный Богородице. В нем — различные изображения Матери Божией. В другом показаны святые. Больше всего в нем икон Николая Чудотворца. Есть тут и несколько икон из сожженной церкви в Чижах. Когда пожар погубил всё, что там было, эти образа находились у реставраторов.

Создает настроение и малая архитектура — вырастающая прямо из стены часовенка с иконами или угол крестьянской избы с отворенным окном, через которое открывается вид на красный угол. Здесь я неожиданно почувствовала прикосновение чего-то абсолютно личного. Над окном я увидела треугольную резную деталь, изготовленную моим прадедом. Как она попала в музей, я выяснила позже.

Один из залов превратили в мастерскую иконописца, которого изображает манекен. К нему заглядывают через окошко, прорезанное в деревянной двери.

Музей возник в историческом здании. Приспособить его под нужды экспозиции было чрезвычайно трудным делом. Рассекая пространство на разные, но создающие единое целое зоны, надо было заботиться об их зримой взаимосвязи и, главное, о пожарной безопасности.

— Мне хотелось создать как можно более близкий контакт между зрителем и иконой, ликвидировать всякие барьеры типа стекла или витрины, — говорит автор художественного проекта музея Лех Новацкий, сотрудничающий с Татьяной Мисиюк. — Я хотел, чтобы посетитель входил как будто внутрь экспозиции, воспринимал ее несколькими органами чувств.

Лех Новацкий — создатель художественного проекта экспозиции в известном природоведческом музее в Беловежской пуще и других природоведческих музеях Польши.

При создании проекта незаменима была Татьяна Мисиюк — православная, матушка, специалист по архитектуре и интерьеру, а когда-то еще и преподавательница Закона Божия.

— Роспись, встречающая у порога того, кто входит в музей, представляет руку, положенную на Евангелие, — подчеркивает Татьяна Мисиюк, — и показывает, что икона — это Евангелие в красках. В такую сакральную сферу, подчеркивающую годовой цикл богослужения, мы хотим вводить посетителей.

Над светом и звуком с августа прошлого года работала группа сотрудников фирмы «Электроникс лайт систем» из Освенцима в составе 15 человек.

Музей — чрезвычайно важный элемент возвращения былого великолепия не только монастырю, но и всему Супраслю. Потому что, как заметила когда-то наша редакционная коллега Дорота Высоцкая, судьбы этого городка теснее, чем кое-кто склонен думать, зависят от монастыря, а развитие последнего сулит хорошие перспективы всем тамошним жителям.

Подлесский музей подписал с монастырем договор на аренду помещений во дворце архимандритов еще в 1998 году. Почти десять лет продолжалось строительство Музея икон.

— Может быть, и хорошо, что так долго, — размышляет вслух его директор Леховский, — потому что десять лет назад не было ни музея Варшавского восстания, ни музея в Беловеже, да и мы не были даже знакомы с Лехом Новацким. Кроме того техника тоже не вошла еще тогда в музейное пространство так решительно и бесповоротно.

Минуло десятилетие нелегких трудов, направленных на создание этого замечательного учреждения культуры, — прежде всего Анджея Леховского, но также и архимандрита Супрасльской лавры Гавриила, депутата Евгения Чиквина и председателя Подлесского воеводского сеймика прошлого созыва в Януша Кшижевского.

На музей, который несомненно станет визитной карточкой всего региона, муниципальные власти выложили четыре миллиона злотых. Сейчас Музей икон обслуживают 13 человек. Руководит коллективом Кристина Мазурук. Анна Шешко, выпускница московской иконописной школы и варшавского Главного училища управления сельским хозяйством, и Ян Григорук, выпускник иконописной школы в Бельске-Подлесском и студент варшавской Христианской богословской академии, отвечают за обслуживание туристических потоков. Эва Залевская, выпускница Академии художеств, занимается просвещением. Музей — это ведь и просвещение. Этому служат конференц-зал на чердаке и зал в подземельях, приспособленные для проведения занятий, лекций и для демонстрации кинофильмов либо слайдов, а также магазин с духовной литературой и иконами.

ORTHODOXIA
PRZEGLĄD
PRAWOSŁAWNY

Марек Табин

КУРИЦА НЕ ПТИЦА, ПОЛЬША НЕ ЗАГРАНИЦА

Большинство авторов этого тома — поляки, пишущие об образе России и русских в польской художественной литературе, исторической, философской и общественной мысли, а также в кино. Есть там и теоретическая глава, содержащая рассуждения о понятиях предрассудка, предубеждения и стереотипа, — интересная, но как-то не совсем к месту, потому что польско-русские дела никак не вмещаются в такую тесную теоретическую перспективу. Это видно хотя бы по тому, что другие авторы этими теоретическими установками не пользуются. А русские авторы пишут о том, как в России видят поляков — тоже на основе исторической мысли, художественной литературы и кино. Целых три главы посвящены видам неприязни, основанной на религиозных различиях.

Это каталог предубеждений в широком смысле слова, ибо речь идет не только о том, кто кого и почему не любит, но и о теориях, «обосновывающих» эту неприязнь, таких, например, как историософия Феликса Конечного или концепции Зигмунта (Сигизмунда) Красинского, который выводил царское самодержавие прямо из православного учения о Св. Троице. А некоторые его формулировки можно счесть зачатками теории тоталитаризма — например, «в России (...) правительство (...) всё создает, всем заведует и в конечном счете всё поглощает». Ввиду того, что такие теории со своей стороны формируют позиции людей, особенно элиты, они несомненно оказываются фактором укрепления враждебности. Любопытно, что в России таких теоретических обоснований неприязни к полякам значительно меньше.

Богатство мотивов неприязни к России в польской литературе и истории и относительная скудость аналогичных мотивов в отношении Германии подтверждают тезис, что и в прошлом, и ныне угроза со стороны России считается более опасной. Испытания II Мировой войны, связанные с Германией, summa summarum не были восприняты как серьезное предостережение, зато российская угроза по-прежнему остается на повестке дня.

Когда я прочитал эту книгу, у меня возникло впечатление, что польско-руссийкие отношения — тема главным образом для психиатра. Упреки обеих сторон друг другу вращаются вокруг собственных нерешенных проблем. Поляки обвиняют русских в неискренности, своекорыстии, предательствах, хитростях, обманах, вымогательствах, издевках, варварстве, цивилизационной отсталости, неумении вести себя... Похоже они думают о себе самих в глазах Западной Европы. А русские, с другой стороны, еще и сегодня считают пребывание поляков в Кремле в начале XVII века одним из принципиальных исторических событий, вероятно считая, что этот поход польских войск был по замыслу колонизаторским — чтобы превратить Московское государство в третий член Речи Посполитой. Схожим образом обстоит дело и с обвинением в подражании Западу и бездумности этого подражания. Русские упрекают в этом поляков, поляки — русских, и совершенно очевидно, что обе стороны по-своему правы.

В одной из глав «Каталога взаимных предубеждений» описаны стереотипы, заимствованные из художественной литературы. Из польских поэтов, пожалуй, точнее всего подошел к делу Норвид: «С востока — мудрость лжи и ночь коварства, / капкан из золота, нагайка рабства, / грязь, мор и яд. // На западе — ложь-знанье, фейерверки, / под логикою пустота, а сверху / лишь спесь у них» (пер. В.Корнилова). Проблема заключается в том, что ни одна из сторон этих отношений, то есть ни Россия, ни Польша не занялись созиданием цивилизации, построенной на их собственных характерных чертах, пусть и не нравящихся другим. Наоборот, оба государства занялись борьбой

против другой стороны как угрожающей опасностью. Такому подходу сопутствует, причем по сей день, посылка, согласно которой свое государство (литература, экономика, искусство — что угодно, но хорошее) развивается само собой, а если это развитие топчется на месте, то лишь из-за коварной и разрушительной вражеской деятельности. Это, пожалуй, свидетельствует об отсутствии уверенности в своих возможностях построить что-то ценное. Борьба же с врагом — занятие легкое: достаточно противопоставить ему физическую силу (Россия Польше), а если таковая отсутствует — моральную (Польша России).

Книга содержит немало сюжетов, аргументов, обоснований. Пожалуй, трудно было бы найти другой народ на свете, который так изобильно и почти всегда отрицательно описывал своего соседа, как поляки русских. Я не утверждаю, что для этого не было оснований, хотя меня одолевают всё бóльшие сомнения насчет избранного нами направления: описывать, оплакивать, бороться.

Любопытны главы о кино, рассказывающие о вещах пока что малоизвестных. Из них можно, к примеру, узнать, что в межвоенное десятилетие было снято немало польских фильмов о России и большевизме. Зато в годы «польско-советской дружбы» царил заговор молчания вокруг польско-русских отношений, прерывавшийся крайне редко (например, в «Четырех танкистах и собаке»).

Польско-русский антагонизм длится уже несколько веков, опирается на солидную теоретико-идеологическую базу и, похоже, не собирается исчезать. И мы, и они согласны дружить, но на своих собственных условиях. То есть мы по-прежнему будем русских презирать, а Россию — культурно колонизировать, русские же проявят свою дружбу, когда мы воспользуемся приглашением жить в их государстве. Если же речь идет о культурном заимствовании и европеизации, то русские найдут себе источники получше и пооригинальнее, например немцев. Хотя слышатся среди русских и такие голоса, что польская культура настолько далека от подлинно западной, что благодаря этому русским легче ее освоить.

Тут стоит привести мнение маркиза де Кюстина: «Гражданская ненависть тщетно разделяет эти два народа: природа соединяет их вопреки им самим. Если бы политика не заставила один из них преследовать другой, они бы опомнились и полюбили друг друга». Это мнение тем ценнее, что произнес его писатель, ставший главным источником цитат для всех, кто презирает Россию.

Каталог взаимных предубеждений поляков и русских. Под ред. Анджея де Лазари. Варшава, Польский институт международных отношений, 2006. 562 с. + CD-ROM. — На польск. яз.

NOWE KSIĄŻKI

Марек Радзивон

БИОГРАФИЯ ЧУДЕСНЫХ СПАСЕНИЙ

Автор этих воспоминаний родился в 1913 году. Детство он провел в Екатеринославле, гимназию окончил в Радоме, право изучал в Варшаве. У него несколько паспортов, он знает семь языков, чувствует себя принадлежащим к нескольким нациям и культурам одновременно. Бурных событий, которые он пережил, хватило бы на несколько необычайных биографий. После войны в Тель-Авиве, затем в Мюнхене и наконец в Женеве он в качестве юриста занимался главным образом процессами по возврату имущества, награбленного Третьим Рейхом. Однако послевоенные времена представляются Косому не такими интересными. Конечно, в его воспоминаниях есть немало заметок и о более поздних годах, но в принципе рассказ кончается вместе с концом войны.

В последней части воспоминаний Косой с юмором замечает: «Расписался. Почти через два года с тех пор, как начал писать, правда, не систематически и не постоянно (...) я дошел до середины 1945 года. Тогда мне было 32 года, а сейчас я заканчиваю 93-й год жизни. Продолжать в таком темпе, останавливаясь на многих деталях, было бы безосновательным оптимизмом и вызовом судьбе».

Родным языком Косого был русский. Его отец был родом из-под Минска, мать — из-под Киева, т.е. с земель Речи Посполитой до ее первого раздела, но друг с другом родители говорили исключительно по-русски. В Екатеринославле еврейская семья отца владела фирмой, торговавшей деревом. После революции семья Косых решила отправиться в Польшу. Через Гомель и Минск они добрались до сборного пункта польских репатриантов, а оттуда в советских товарных вагонах — до тогдашней границы в Негорелом.

Косой вспоминает школу, друзей детства, ярко описывает радомские предместья, но самое большое впечатление в его воспоминаниях производят главы, посвященные временам войны. Тогда история ускорила свой бег, а биография Косого из невинного, частного рассказа превратилась в символическую. Из столицы Косой, как и многие другие варшавяне, бежал в направлении Люблина, переправившись через Буг в окрестностях Влодавы. Подобно другим евреям он справедливо считал, что советская оккупация дает ему надежду выжить; немецкая же — это верная смерть. Через несколько недель странствий он добрался до Львова и там был арестован органами НКВД по подозрению в шпионаже и прошел тюрьмы в Пинске, Витебске и Минске.

Проведя почти два года в тюрьмах и лагерях, Косой через Куйбышев и Бузулук добрался до армии Андерса: «...мы могли свободно выбирать: пойти служить в Красную Армию или же в Войско Польское. (...) В Красную Армию не нашлось ни одного желающего. Это меня слегка удивило, потому что я знал, что среди нас было по крайней мере несколько довоенных коммунистов. Видно, однако, опыт Печорлага изменил их мировоззрение».

«На полях...» — это благодарственный рассказ о том, как быть поляком, евреем и русским. О долгой жизни и почти обо всем минувшем веке. О трагических судьбах близких и о случайных товарищах по несчастью.

Эдвард Косой. На полях... Гданьск, «слово. образ. территория», 2006 — На польск. яз.

Павел Смоленский

СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ОБАЯНИЕ СОВЕТСКОГО АБСУРДА

Эта книжечка прочитывается меньше чем за час — тоненький мини-романчик. Но зато какой вкусный! Дело происходит в России, которой, впрочем, уже нет: на смену ей пришло всевластие Великой корпорации, отодвинувшей в тень коммунизм вместе с посткоммунизмом, надежду на классическую демократию вместе с демократией московского образца. Однако оказывается, что можно устранить системы, даже самые гнетущие и самые обнадеживающие, но труднее ликвидировать навыки, нравы и образ мыслей, неизменные, как азиатские степи и великие реки Сибири.

Алёнка, юная героиня этой истории, вроде бы и ходит в школу, но предпочитает прогуливать и пить. Чтобы уберечь ее от алкоголизма, родители посылают девочку в деревню, где жизнь течет как в постсоветской деревне, то есть иначе, чем где бы то ни было. И там Алёнка, наблюдая за всевластьем и мощью Корпорации, выходит на тропу войны — её начинают называть Алёнка-партизанка. Она собирает вокруг себя отряд похожих на нее малолетних пьянчужек, отщепенцев и беспризорников. А против нее — Система с генералами, директорами, мэрами, чинушами и стукачами. Но это ничего, Алёнка бросается в революционный бой.

Это, разумеется, сказка, и действие происходит в полусказочных реалиях. И герои — тоже словно полусказочные. Но эта грязь, запущенные дома, эта водка чуть не в каждой строке текста, обман, мошенничество, махинации и аферы — всё это, понятно, сказка, но уж как-то очень странно знакомо.

Чтобы нечто такое описывать, нужен специфический язык*. Он может быть гиперреалистическим и даже реальнее самой действительности. Он может быть чуть-чуть насмешливым, и от него может разить застарелым перегаром. Или — язык, как будто взятый из пропагандистских брошюрок, написанных по заказу и славословящих советских героев, которые наверняка и не были героями, но должны были таковыми предстать перед тружениками города и села. Вот такой язык и выбирает Ксения Букша, автор «Алёнки-партизанки». Она уверенно чувствует себя в этой ушедшей в прошлое фразеологии с ее давно забытой мелодикой. С другой стороны, немного жаль этого языка: было в нем специфическое обаяние советского абсурда, пригодное для изображении совсем иной, пусть даже и выдуманной действительности. Давайте прочитаем внимательно: «Алёнка-партизанка, что скачет по лесу с пистолетами, чьи медовые косы, как сонные змеи, греются под шапкой, чья душа, как виноградная лоза с жирными гроздьями, а малиновые губы тонут в снежном облаке! Конь ее так и выстилает, будто летит какая-то большая тихая птица с темными глазами, неслышно, над землей». А ведь мы знаем, что Алёнка едет на самое важное в своей жизни дело, хочет осуществить самоубийственный и безнадежный план. Да что там план, плевать и на риск, если на поступок толкают горячее сердце и надежда на светлое завтра. Разве не так же рвались в бой удальцы Чапаева-героя? Сколько здесь былого ритма, какая выверенная точность рисунка и забота о деталях. Или эта золотая мысль, высказанная главарем Корпорации: «Просто кроме нашего идеала других быть не может. Остальные — это так...»

Одним словом, перед «Алёнкой-партизанкой» меркнет «Молодая гвардия» — одна из вершин чисто советского творчества.

Трудно поверить, что Ксения Букша писала «Алёнку», только-только получив паспорт. Откуда у этой восемнадцатилетней девушки из Санкт-Петербурга такое умение пародировать советскую пропагандистскую литературу? Ведь родилась она, когда Империя уже катилась к закату. Откуда у нее этот специфический слух, не говоря уже о ее невероятном воображении? Но хорошо, что они у нее нашлись.

Ксения Букша. ***Алёнка-партизанка.*** *Перевод Малгожаты Бухалик. Варшава, ПИВ, 2007.*

gazeta

* Польские читатели смогли оценить прелести языка Ксении Букши благодаря замечательному переводу Малгожаты Бухалик — *Ред.*

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• Лето в культурной жизни — это прежде всего пора фестивалей. Обычно их бывает очень много, но внимания заслуживают лишь некоторые. Поэтому мы обойдем молчанием типичные развлекательные шоу вроде рутинных фестивалей песни, которых становится все больше, причем каждый связан с каким-нибудь телеканалом.

• Пожалуй, одним из самых интересных событий вновь следует признать «Остановку Вудсток». Это странное, привлекающее толпы народу мероприятие продолжает вызывать необыкновенно бурные эмоции. Уже много лет подряд это крупнейший в Польше и один из самых крупных в Европе фестиваль на открытом воздухе, где молодежь может бесплатно послушать ту музыку, которую она больше всего любит. Недавно завершилась 13-я «Остановка». В этом году играло 30 групп, но необычность фестиваля заключалась не в этом, а в том, что Юрек Овсяк непрестанно воспитывал молодежь. И вопреки различным скептикам, пессимистам и сторонникам директора радио «Мария» отца Рыдзыка, ему это в значительной степени удавалось. Что же было в этом году? Еще в самом начале Юрек Овсяк заявил, что это будет последняя встреча, проводимая по старой программе. «По крайней мере такая большая. А то это начинает напоминать Ленина вечно живого», — подшучивал он. Во время двухдневного фестиваля Овсяк избегал резких выступлений. «Потому что все должно быть нормально, без таких, которые проверяют, не были ли Кюри-Склодовская или Сенкевич гэбэшниками». В этом году фестиваль уже начал меняться. Выросла придуманная еще год назад Академия изящнейших искусств, в рамках которой проходили лекции и встречи с интересными людьми. Нашлось место и для художественных мастер-классов, для встреч и занятий с музыкантами, кинематографистами, журналистами и, что самое любопытное, с представителями разных конфессиональных групп. Ведь «Остановка» с самого начала последовательно учит терпимости. Из-за этого она уже давно стала бельмом на глазу польского мещанства. В этом году в ответ на акцию сдачи молодежью крови мещанство (увы, министерского происхождения) заявило, что кровь сдавалась в такт сатанистской музыке и может только повредить больным...

• Другой ежегодный фестиваль, о котором нельзя не упомянуть, — это краковский Фестиваль еврейской культуры, организованный уже в 17-й раз. Как всегда, он прошел в Казимеже, бывшем еврейском квартале Кракова. Организатор и директор фестиваля Януш Макух в одном из интервью сказал: «В какой-то момент я понял, что еврейский мир по-настоящему оживает, если уважать его традиции, но не относиться к ним, как к музейным экспонатам. Мы включаем в программу всё новые мастер-классы. Потом их участники приезжают снова, привозят с собой знакомых... — Они возвращаются на фестиваль или в Казимеж? — И на фестиваль и в Казимеж. Музыканты говорят, что выступление в Кракове и в каком-нибудь другом месте, даже в Нью-Йорке, — это небо и земля. Просто здесь эта культура лучше всего звучит. Отчасти потому, что большинство приезжающих в Краков людей ведет свой род (по крайней мере символически) отсюда, из Галиции. — Но современный Казимеж трудно назвать еврейским. — Это правда, сегодня здесь нет еврейской жизни. Но есть ее атрибуты — ведь это все-таки крупнейший сохранившийся еврейский квартал в Центральной и Восточной Европе (...) Мы делаем упор на культурную традицию, а не на пропитанную Катастрофой историю, потому что на самом деле меня интересует жизнь. Я не хочу, чтобы фестиваль превратился еще в один «Марш живых». Сводя 700-летнюю историю польских евреев к шести годам Катастрофы, мы признали бы победу Гитлера».

• В прекрасном Казимеже-Дольном на Висле впервые был организован фестиваль «Два берега», который пришел на смену казимежскому «Кинолету», привлекавшему сюда толпы киноманов. «С тех пор как в 20-е годы XX века в Казимеж начали приезжать на пленеры художники, здесь проходят бесчисленные выставки, концерты, невероятные

балы в руинах замка, — пишет Гжегож Юзефчук. — В этом направлении пошли и организаторы Фестиваля кино и искусства «Два берега«». «Мы хотим, чтобы это был кинофестиваль, и в то же время хотим показать, как важны для восприятия фильмов другие области искусства, — сказала от имени организаторов Гражина Торбицкая. — Поэтому на фестивале представлены музыка, литература, живопись, скульптура, фотография». Фестиваль проходил в самом Казимеже и в Яновце — замке, расположенном на другом берегу Вислы. Всего по обе стороны Вислы было около двадцати мест, где проходили встречи, дискуссии, выставки и концерты. Все эти мероприятия позволили многочисленным туристам, съехавшимся в Казимеж в это дождливое лето, приятно и с пользой провести время.

• И, наконец, самый серьезный из летних конкурсов — фестиваль «Эра — Новые горизонты», один из интереснейших летних киносмотров не только в Польше. Размах этого мероприятия, перенесенного из Тешина в более богатый и крупный Вроцлав, поистине впечатляет. «Вроцлавский фестиваль, — пишет Павел Т. Фелис, — это больше чем набор известных имен. Исключительно богатая панорама фильмов имеет смысл главным образом потому, что ставит важные вопросы — в т.ч. о современном кино и его будущем. Можно ли еще отделить художественный фильм от документального? Возможно ли сохранить в кино иллюзию действительности? Как говорить о самом простом и важном, если всё уже когда-то было? (...) Победа на зрительском конкурсе фильма Рона Хавилио «Потоси: путешествие» — явный знак того, что в Польше есть зрители, способные оценить кино, отличающееся от шумно рекламируемых картин». И еще одно: «Те, кто бывал на фестивале, когда он проходил в Тешине, с ностальгией вспоминают прежнюю камерную атмосферу (...) Однако нынешний фестиваль показал, что переезд во Вроцлав был необходим. Тешин обрекал фестиваль на локальность. Во Вроцлаве он все более приближается к мировым стандартам». Любители серьезного кино смогли увидеть почти полтысячи фильмов, 150 из которых демонстрировались в Польше впервые.

• Добавим, что в настоящее время Вроцлав — одна из самых динамично развивающихся польских метрополий, культурная столица региона и вдобавок город, который еще не отказался от борьбы за организацию Всемирной выставки...

• Вспоминая события этого лета, нельзя не упомянуть и о концерте группы «Роллинг стоунз», которая приехала в Польшу после сорокалетнего перерыва. Принятое с энтузиазмом выступление началось с волнующего момента, когда, как пишет Лукаш Каминский, «на сцену вышел представитель организаторов. По-польски и по-английски он предложил почтить минутой молчания польских паломников, погибших в автокатастрофе во Франции. Шум и разговоры смолкли немедленно, как будто кто-то выключил электричество. Вид нескольких десятков тысяч людей, которые в тишине поминают жертв несчастного случая, был в тысячи раз более впечатляющим, чем напыщенные слова политиков, призывавших отменить концерт».

• Самой выдающейся польской эстрадной артисткой поляки признали Доду-Электроду (Дороту Рабчевскую), хорошенькую героиню бесчисленных репортажей в желтой прессе, необыкновенно популярную сейчас исполнительницу. Еще одна победа СМИ над тем, что традиционно считается высокой культурой...

Анна Санчук

ИСКУССТВО — В МАССЫ

или Работай с «Матерьялом» в Сети

Былые партизаны городского искусства, создатели художественных билбордов, недавно получившие «Паспорт «Политики»» (премию, присуждаемую журналом «Политика». — *Пер.*), поставили в Сети ловушку на пользователей. Они пригласили их к совместному участию в продолжавшемся до 14 февраля проекте «Затемнение 6/7».

«Матерьял» («Twożywo»), т.е. Мариуш Либель и Кшиштоф Сидорек, в шутку называющие себя рабочими искусства, решил создать по одному рисунку на каждый день зимней темноты. Предложенные рисунки отличаются характерными для группы неоднозначными названиями (например, «Спокойно, награды ждут!») и своеобразной графикой. В конечном итоге картинок должно быть 104 (художникам помогают Ничеро и Павел Рыжко). Но это только половина проекта, осуществление которого было бы невозможно без сотрудничества пользователей Сети. На каждое произведение «Матерьяла» они отвечают своими отзывами. «Мы действуем по принципу блога с комментариями, — говорит Кшиштоф. — Только слова мы заменили образом. В отличие от конкурсной выставки, которая открылась спустя три месяца после начала проекта, здесь всё происходит в реальном времени — ты закачиваешь картинку, и она тут же оказывается на сайте». Мариуш добавляет: «Мы назвали это откликами, так как дело не в том, чтобы кто-то взял нашу картинку и пририсовал усы, а в том, чтобы он попробовал подойти к теме по-своему. Нашей отправной точкой была полная свобода высказывания — удаляем мы только совершенно недопустимые вещи, но не в эстетическом смысле, а, например, вульгаризмы. До сих пор было 608 откликов!»

Идея «Матерьяла» кое в чем напоминает модное в последнее время течение WEB 2.0, включающее в себя проекты, в которых пользователи Сети могут принимать активное участие. Речь идет о порталах, которые создаются самими пользователями, — таких как интернет-энциклопедия Википедия или сайт с клипами YouTube. «Матерьял» мгновенно реагирует на такого рода новые возможности. Его члены одними из первых начали пользоваться Интернетом для художественных мероприятий. По их мнению, Сеть — это пространство, немного напоминающее улицу, на которой их наклейки, плакаты и билборды бросались в глаза случайным прохожим. «Интернет превосходит даже самую лучшую галерею, — говорит Мариуш, — потому что в Польше я не знаю галереи, где было бы столько посетителей. Нашу акцию смотрит множество людей, сотни людей ежедневно».

«Затемнение 6/7» — это пятая акция «Матерьяла», адресованная пользователям Сети. Однако более ранние акции, такие как «Альтернатива наркотикам» или «Скуке — нет», имели типичную для такого рода мероприятий форму конкурса. В прошлом году художники заменили традиционное жюри экспертов голосованием пользователей Интернета. Теперь они пошли еще дальше. «Конкурс был мертвый, — объясняет Кшиштоф. — Ничего не происходило. Люди присылали картинки, и спустя какое-то время мы их показывали. Достаточно было один раз зайти на сайт, посмотреть картинки, и всё. А здесь у нас постоянное действие: ты заходишь каждый день, проверяешь». Кшиштоф замечает, что самые сильные отклики была вначале, но и сейчас появляются новые участники: «Некоторые заглядывают постоянно — три-четыре человека. Двое ежедневно что-то добавляют. Возникает диалог». Художники говорят, что они хотели как бы раствориться в этой акции, чтобы конечной целью было не столько произведение «Матерьяла», сколько совместный проект. «Затемнение» в Интернете снова позволило им избежать формы выставки и хитрым способом осуществить лозунг «Искусство — в массы». Разумеется, при условии, что массы имеют доступ в Интернет.

www.twozywo.art.pl/zaciemnienie

RZECZPOSPOLITA

Рышард Матушевский

РОМАН НА ФОНЕ КУСКА ИСТОРИИ

Что могло бы заинтересовать русского читателя в романе Анджея Брауна (г.р. 1923) «Цирограф»? Для польских читателей, особенно тех — сегодня уже самых старших, — кто помнит первые послевоенные годы, это довольно типичный «роман с ключом». Редакция еженедельника «Шанец», которой нравится живая заинтересованность Марека, героя книги, вступающего в сотрудничество с этим журналом — что многих его соотечественников поражает и раздражает, — это верное изображение выходившей в Лодзи в 1945-1949 гг. «Кузницы» вместе с ее главным редактором Стефаном Жулкевским и членами редакции, такими как поэты и критики Мечислав Яструн, Адам Важик, Павел Герц, критики Ян Котт и автор этих строк, прозаик Адольф Рудницкий, поэт и прозаик Юлиуш Жулавский. Все эти фигуры, выступающие в романе Брауна под измененными именами, легко опознаваемы, особенно для старшего поколения польских читателей. «Кузница» была журналом, который редактировали писатели, но вместе с тем в нескольких случаях и политические деятели польского коммунистического подполья времен немецкой оккупации — в частности, Жулкевский, Котт и Яструн участвовали в деятельности Польской рабочей партии (ППР).

Политическая проблематика не занимает в романе ведущего места. Но вплетенный в ее действие политический мотив не лишен вполне очевидной выразительности, и сегодня, когда вымирают последние представители поколения, помнящего те времена, это имеет значение. Жители Польской Народной Республики после 1945 г. рассматривали свое положение либо как поражение национальных чаяний, либо как признание реалистических возможностей создать в данных политических условиях государство, имеющее возможность провести фундаментальные социальные реформы, не проведенные до войны.

Герой романа, начинающий поэт, в прошлом боец Армии Крайовой, стоит перед выбором: оказать доверие левым, представленным редакцией «Шанца», т.е. «Кузницы», или же подчиниться атмосфере, царящей среди старших по возрасту преподавателей Лодзинского университета и счесть лагерь реформ сползающим в соблазн «национальной измены». Герой выбирает лагерь реформ, хотя делает это ценой разрыва с некоторыми старыми друзьями и сознаёт цену, которую платит за свою лояльность. Многие размышления, вплетенные в ход описанных в «Цирографе» событий, имеют своим фоном как раз эти проблемы, наверняка не чуждые тем нашим русским друзьям, у которых история прошлого века по-прежнему вызывает мысли, волнующие нас и сегодня.

Анджей Браун. Цирограф. Роман. Лодзь, 2006. (Библиотека журнала «Тигель культуры»). — На польск. яз.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Дискуссия о состоянии польской литературы после 1989-го, до сих пор тащившаяся через пень-колоду, в последнее время пошла резвее. Своего рода подведение итогов мы находим в статье Агнешки Ненцкой ««Ангажированность» — снова в действии?», опубликованной в силезском ежеквартальном журнале **«Фа-арт»** (2007, №1-2). Автор обращает внимание на возвращение категории «ангажированной литературы», которую в свое время забросили, сочтя симптомом соцреалистического мышления:

«В конце 1990-х прозаиков очень часто призывали описывать современность, обращаясь к традициям реализма. Эту практику, по мнению некоторых критиков, следовало бы соединять с «реакцией на мнимую скуку литературы, из пустоты или цинизма смиряющейся со своей несущественностью». (...) «Молодое» поколение писателей (родившихся в 1970-е и позже) в возвращении к реализму видело способ завоевать независимость — словом, речь шла о том, чтобы подчеркнуть особенность своего поколения. Так начался настоящий бум на литературу, отмыкавшуюся ключом реализма и обозначенную крайне вместительным названием «ангажированной литературы» (...). Однако новая тенденция вызвала многочисленные возражения, ибо так уж сложилось, что литература, издаваемая под вывеской «ангажированной» и обязанная быть аналогом «критического искусства» и «театра новых бруталистов», прекрасно вписывалась в рекламную кампанию, предпринятую крупнейшими издательствами на рынке художественной прозы. (...) Казалось, что прозаики (...) соревнуются в охоте на недостойные и гнусные аспекты окружающей нас действительности».

Приводя мнение, согласно которому «реализм (...) это прежде всего вопрос этической ответственности писателя и литературы», А.Ненцкая договаривает эту мысль:

«Выбор термина [«ангажированность»], несущего идеологическую нагрузку, следует понимать не только как жест обращения к традициям и поэтике реализма (речь идет о том, чтобы описать малоприятный мир и населяющих его еще менее приятных людей), но также — а может быть, прежде всего — попытку противостоять наступившей ситуации отказа от отрицательных эмоций, словом, артикуляцию разочарования. В силу этого весь проект выглядит утопическим, а его проведение в жизнь оставляет желать лучшего. Вдобавок уже неоднократно говорилось, что «молодые» авторы не слишком-то умеют выразить свою злость и уточнить свое недовольство».

Пересказывая дискуссию, посвященную этой проблеме, Ненцкая констатирует:

«Тем не менее вспомним, что, говоря об «ангажированных книгах», критики задавали вопросы о том, на какого противника обращены злость и разочарование, и о дидактичности этой литературы, то есть об идеологических заявлениях, которых нелегко доискаться в прозе «родившихся в 70-х»».

Добавим, что в этом есть правота, в особенности по той причине, что эта проза, поднимая «важные общественные вопросы», в то же время не справляется с созданием личностей, способных биться над этими вопросами, личностей в каком-то смысле символических, воплощающих идеи, во имя которых выступает автор или рассказчик произведения. А без такого героя эти произведения ничего не несут, остаются поверхностными и смахивают на довольно плоскую публицистику.

Дальше А.Ненцкая пишет:

«Ангажированность (...) скорее была выдумана критиками и писателями, нежели порождена «настоящими» общественными нуждами. А в результате мало что дают нарекания на дегенеративную действительность. Слова без поступков и внутренне диктуемой потребности — этого решительно недостаточно. И тут мы подходим к сути дела. Эта проза (...) «сшита» (авторы кстати и не делают вид, будто это не так) из слишком очевидных стереотипов. Используя литературные шаблоны, условности, схемы, писатели, похоже, довольно добросовестно «отбарабанили» урок постмодернизма. И следует задать вопрос столь же тривиальный, сколь и элементарный: могло ли быть иначе (а если да, то каким образом)? Ответ, разумеется, отрицательный. Сегодня невозможно себе позволить делать вид, что ты не сознаешь ни «заигранности» парадигмы ангажированности, ни ее «литературности». А посему то, что делают прозаики, можно было бы коротко назвать «игрой в ангажированность»».

Но всегда ли это так? Разделяя многое из сказанного Ненцкой, особенно в отношении поколения, о творчестве которого она пишет, я без труда сумел бы показать произведения писателей постарше (иногда ненамного), которые, играя условностями и образцами, одновременно способны вовлечь читателя в мир «подлинных» пережива-

ний и чувств, — в качестве примера приведу хотя бы родившегося в середине 60-х Мартина Светлицкого, последний роман которого, «Тринадцать», своего рода пастиш «Мастера и Маргариты», обладает достоинствами прозы, которая разоблачает «малоприятный» мир и населяющих его людей. Однако на это можно ответить, что исключение только подтверждает правило...

Далее критик, произведя анализ нескольких романов, констатирует:

«Хлопоты с определением «ангажированной литературы» оказываются мелкими хлопотами, которые возникли в первую очередь из-за того, что не слишком-то удается ясно и бесспорно определить самое действительность, а множество языков, служащих ее описанию, этой задачи не облегчают. Трудность состоит еще и в том, что мы имеем дело не с эстетической, а прежде всего с социотехнической переменой. Книги, которые обычно называют в качестве примеров «ангажированной литературы», воспринимаются как таковые, потому что влияние на это оказывает читательское восприятие (частично сформированное литературно-критическим восприятием этой прозы). (...) Одним словом, у нас есть ангажированная литература, потому что прочтенные книги мы сочли ангажированными, ибо — скажем коротко — хотим иметь таковые. Трудность, однако, состоит в том, что (...) такой способ чтения в значительной мере запроектирован критикой, а раз так — трудно говорить о нуждах непрофессиональной публики».

В этом контексте стоит вспомнить дискуссию — о которой я недавно рассказывал в одном из своих обзоров — о состоянии литературной критики в Польше, которая велась на страницах газеты «Дзенник».

Дальше Ненцкая пишет:

«С одной стороны, проблема ангажированности входит в контекст идеологии и политики, а с другой — постмодернизма, пастиша и «медийности» литературы. То, что мы так легко зачисляем в категорию «ангажированной прозы», очень часто оказывается постмодернистской игрой (с) реалистическими условностями, которую можно истолковать (...) как хитроумный проект, некоторым образом направленный против этой самой ангажированности. Нет возврата (ибо его быть не может) к тем задачам литературы, которые ей некогда ставились. Отсюда, естественной силой вещей, не может быть написан современный «Канун весны» [Стефана Жеромского, 1923], потому что и времена, и сознание изменились. Сегодня у нас нет сомнений в том, что действительность конструируется из схем, унаследованных от прошлого, следовательно, она (...) воспроизводится, перерабатывается. В прах обратилась и уверенность в невинности языков, служащих общественной коммуникации. На пороге XXI столетия уже ни у кого нет иллюзий, будто какой-то дискурс может сохранить нейтральность и тем самым получить ранг стоящего превыше всех. Язык литературы, и это очевидно, — всего лишь один из этих дискурсов, поставленных под постоянное подозрение. Поэтому, обнаруживая свою опосредованность, литература умножает языки описания и «скрещивает» точки зрения. (...) Тезисы о том, что писать — это переписывать или дописывать, не представляют собой ничего нового. (...) Поэтому неудивительно, что повсюду обязательными стали повествования о нищете, распаде или, беря в целом, фатальных последствиях капитализма. Трудно найти книги, выходящие за поверхностные описания социальных перемен или изменений в нравах. Вероятно, правы те, кто утверждает, что следовало бы скорее говорить об описании в «новой и новейшей прозе» медийной действительности. В романах, о которых идет речь, тематизируются вопросы, какими занимается ежедневная пресса. (...) Выходит, так называемую ангажированность следовало бы искать не в сфере изображаемого мира, а скорее на металитературном уровне. (...) Согласно постмодернистскому толкованию, вместо реализма мы имеем фикцию реализма. В результате вместо традиционно сермяжного реализма мы, правда, получаем «эффект реализма», но это «реализм неосуществленный, неудачный, неспособный удовлетворить никого, ожидающего от литературы исчерпывающего свидетельства о современном мире». Поэтому если бы я склонялась к тезису, возможно рискованному, о том, что «ангажированная литература» выступала против постмодернизма, то с той оговоркой, что критике подверглись главные «грехи» постмодернизма: антисубъектность, релятивизм, нигилизм и иррациональность. И вернемся к констатации того факта, что если ангажированность — то на нелитературном уровне. Отсюда вытекает эксплуатация слишком явных условностей и прозрачного языка, вызывающая впечатление гиперреализма».

Между тем **«Дзенник»** (2007, №157), проведя опрос на тему состояния литературной критики, начинает следующий: на тему писателей недооцененных и переоцененных. Это продолжение аналогичной анкеты, которую провела в 1992 г. парижская «Культура». Пишет Влодзимеж Болецкий:

«Шел 1992 год. За два года до этого отменили цензуру, распадалась централизованная модель управления литературной жизнью, а вместе с ней и система тогдашней литературной иерархии и определяющих ее критериев — словом, весь дискурс, использовавшийся, когда речь шла о современной литературе. По замыслу Гедройца, анкета должна была стать интеллектуальной провокацией и одновременно тестом на проверку независимости оценок критиков, живущих в Польше. Так и произошло. Ян Томковский писал тогда: «Мы наблюдаем девальвацию значения того поколения, творчество которого тесно связано с историей ПНР. Я имею в виду таких писате-

лей, как Ежи Анджеевский, Казимеж Брандыс, Тадеуш Ружевич». Цезарий Михальский считал, что завышенная оценка дается 45 годам публицистики «Тыгодника повшехного», которую он назвал «плоскими политическим намеками неведомо на что». Тадеуш Нычек счел, что из-за ненормального политического положения читатели переоценили Гомбровича: «Идол и архимаэстро в результате больных обстоятельств, а при этом просто нормальный хороший писатель, автор книг получше и похуже». Великолепно уловил суть дела покойный Ян Вальц: «В результате всего этого у нас оказались две совершенно разные группы переоцененных писателей: с одной стороны — эмигрантская литература, которой все восхищаются сверх меры, всё еще не умея до конца изжить реакцию на многие годы контрабанды книг или печатанья их на подпольных множительных аппаратах. Другая сторона медали — трудности с тем, чтобы сказать себе правду о литературе ПНР, настойчивые заверения в величии Ивашкевича, Ружевича или Казимежа Брандыса». Многие из приглашенных участвовать в анкете прокалывали воздушный шар славы Анджея Щипёрского. Одновременно напоминали о недооцененных эмигрантских писателях: Юзефе Мацкевиче, Анджее Бобковском, Михале Хороманском. Мечислав Орский и Томаш Бурек указывали, что по политическим причинам остались непризнанными такие выдающиеся писатели, как Влодзимеж Одоевский, Ежи Кшиштонь и Януш Красинский.

Анкета вызвала шок. Впервые в коллективном дискурсе о литературе появились совершенно частные, индивидуализированные оценки, иногда резко откровенные, а главное — не признающие никаких литературных святынь. До тех пор так можно было говорить в пресловутых кофейнях, но не в публичных выступлениях. Генрик Береза к переоцененным отнес, в частности, Чеслава Милоша, написав о нем: «Временами поэт, средний прозаик, умелый эссеист, на Нобеля может хватить, на истинное величие слишком мало». Томаш Бурек переоцененными счел, в частности, «эпигонов (как Мрожек), компиляторов (как Кусневич), коллекционеров красивостей (как Загаевский)» и напомнил о творчестве Станислава Чича. Антоний Либера писал о Конвицком: «...плоский, поверхностный, салонный (причем речь идет о пэнэровском салоне — своеобразной смеси романтического патриотизма, посткоммунистического ревизионизма и варшавской тусовки) — и где-то в глубине неподлинный, лицемерный». Януш Славинский о Загаевском: «Слишком много в нем надутости — котурнов, олимпийских поз, накачивания себя возвышенным, натужной серьезности мудреца. В его поэзии искусственность упорно остается искусственной — в качестве искусственности она не выработалась в естественность, поэтому ей не хватает удовлетворительных полномочий». Михал Гловинский поставил под сомнение выдающуюся художественную ценность произведений Херберта, а Либера — Ханны Краль. Несколько участников анкеты усомнилось в ценности «Вайзера Давидика» Павла Хюлле, самого видного в прозе дебюта 1990-х.

Откуда такая резкость суждений? 1990-е только начинались — это было время перемен и переоценок, поисков новых критериев и формулирования новых оценок. Еще не было больших литературных премий. Коммерциализация рынка книги и СМИ была в пеленках. В той анкете каждый высказывался только за себя».

Это введение к выступлениям, которые будут печататься в «Дзеннике» в ближайшее время. Первые три уже напечатаны в том же номере. Кроме указания пере- и недооцененных писателей, авторы говорят и о положении литературы. Так, Генрик Береза в статье «Каждый может стать литературным мошенником» пишет:

«В словесности всегда может существовать феномен притворства и мошенничества, мошенническими способами можно автора какого попало романа поставить на пьедестал корифея литературы. В медийной литературе путь мошеннического продвижения всем открыт».

А Тадеуш Нычек в тексте «Современная польская поэзия проигрывает прозе» (что само по себе тезис революционный) констатирует:

«Самое, однако, огорчительное — немедленное, в погоне за актуальностями, забвение замечательных имен совсем еще недавнего прошлого».

И наконец — вспомним кстати текст Агнешки Ненцкой — Томаш Бурек в заметке «Литература должна защищать миропорядок»:

«Если опека над космосом составляет обязанность поэзии, то на прозу ложится забота об изображении действительности в полном разрезе, экзистенциальном и историческом».

МОЯ СУЩНОСТЬ НЕ ИЗМЕНИЛАСЬ

Беседа с Адамом Михником, главным редактором «Газеты выборчей»

— В 2003 г. вышел сборник ваших эссе под довольно неожиданным названием «Исповедь обращенного диссидента». В какую же веру обратился непреклонный диссидент Михник?

— Я встал на позиции глубокого недоверия. После 1989 г. у меня впервые в жизни было чувство, что это — мое государство, которое должно пройти очень сложный процесс преобразований — как экономических, так и системных: от диктатуры к демократии, а во внешней политике — от сателлита Варшавского договора до суверенного государства, которое выбирает западное направление, вступая в НАТО и ЕС. Пока этот процесс шел, я намеренно сохранял своего рода сдержанность, говорил себе, что всему свое время, что в переходный период может быть больно, но другого пути нет.

— Обратившийся диссидент пишет также о мыслителях, поддавшихся обаянию диктатуры, — об «укушенных» по-гегелевски и даже по-гоголевски. Первые, говоря словами Антония Слонимского, «молчали вопреки совести»; вторые забывали, что лгут, и были почти готовы поверить во всё, что сами наговорили, как гоголевский Хлестаков.

— Понятие «гегелевского укуса» я почерпнул у Чеслава Милоша. Думаю, он довольно точно описывает определенный тип мыслителя, который хотел открыть тайну истории. Такому человеку казалось, что гегелевскую идею духа времени, исторической необходимости (*Weltgeist* и *Zeitgeist*) надо переводить на политический язык с помощью марксизма. Укус заключался в убежденности, что мир неотвратимо идет в эту сторону, а значит, сопротивляться так же бессмысленно, как пытаться плыть против течения у Ниагарского водопада.

А вот выражение «гоголевский укус» я придумал, пытаясь разобраться в хитросплетениях творчества Яна Котта[1]. Этот замечательный писатель, литературный и театральный критик, эссеист по сути дела не слишком интересовался Гегелем. Не знаю, читал ли он его вообще, но если и читал, то в его писательском творчестве это никак не отражено. Зато он читал Гоголя, то есть смотрел на мир гоголевским взглядом, познавая при этом, подобно Гоголю, систему самодержавия. Гоголь гениально описал николаевскую эпоху, а Котт, пользуясь различными литературными примерами, показал действительность послевоенной Польши. Независимо от того, писал ли он о Красицком, Шекспире или греках, он всегда проводил параллель со своим временем. Помнится, я писал это эссе в Америке, стараясь понять феномен такого коттовского приема. У самого Котта я обнаружил определенный тип прочтения Гоголя, позволявший использовать именно такую метафорику.

История с заглавной буквы

— Вы пишете об Истории с заглавной буквы. О похвале её разумности, о ее бессмысленности, о согласии с ней, о трагичности и гротескности, и о ловушках, кроющихся в ее понимании.

— В этом заключался отравленный секрет марксизма. Христианин скажет вслед за апостолом Павлом: «Нельзя роптать на жало в плоть», — а интеллигент-марксист говорит: «Такова историческая необходимость. Это — История с большой буквы!»

— Ян Котт считал, что эти трагичность и гротескность — удел сообщества, живущего на вулкане. Несомненно, это детерминистический вывод. По мнению Льва Троцкого, без некоторой доли фатализма жизнь революционера вообще невозможна. Вы как революционер тоже пришли к подобным выводам?

— Вывод Котта может быть детерминистическим, но с тем же успехом может быть и описательным. А с Троцким я в этом отношении никогда не соглашался... Я принадлежал к группе революционеров «с человеческим лицом». Меня больше интересовало, что будет завтра, а не через десять лет. Наша революция заключалась в созидании собственной жизни в чужом мире. Это была очень специфическая революция, поскольку вместо бомб мы производили книги. Разумеется, я всегда был убежден, что обществу, живущему при диктатуре, свойственна социология неожиданности, т.е. в любой момент может случиться что-нибудь такое, чего три дня назад еще никто не ожидал, но для этого вовсе не нужно быть сторонником Троцкого.

— Была ли жизнь на вулкане причиной того, что Жеромский называет «дефектом польскости»?

— Я бы не соединял этих вещей.

Жизнь на вулкане — это уверенность, что мир перестал быть устойчивым — по крайней мере со времен Возрождения. Разумеется, это упрощение, потому что тогда он тоже не был устойчивым, но его таким воспринимали. Потом английская, нидерландская, американская и французская революции поколебали веру в механизм мира, действующий согласно божественному закону. Он оказался непостоянным, что, в свою очередь, стало основанием для спора с консерватизмом. Консерватизм считает, что все устойчивое разумно, а резкие изменения нарушают естественный порядок. Между тем мы, ощущавшие себя детьми Просвещения, знали, что никакого естественного общественного порядка не существует. Однако, поскольку мир непостоянен, ценности должны быть устойчивыми. Впрочем, как можно говорить о ценностях, если на протяжении истории они менялись? Менялось значение понятий «свобода», «равенство», «братство» и т.д. Поэтому надо было принять картезианскую временную этику, которая гласит: я сознаю, что не обладаю ценностями, что никто из нас не имеет права сказать, будто постиг абсолютную истину, но поскольку на сегодняшний день путем честных рассуждений я пришел к тем, а не иным взглядам, то должен жить так, как если бы верил, что эти ценности абсолютные.

А «дефект польскости» был своего рода патриотизмом, очень восприимчивым к собственному народу, своего рода смесью критицизма с любовью. Это Жеромский и его романы: «Канун весны», «Бездомные люди», «Пепел», «Верная река». С одной стороны огромная любовь к Польше, и в то же время весьма критичное отношение к обществу. Это можно было заметить у Пилсудского, у Вацлава Берента[2] и, конечно же, у Янека Липского[3], с которым я дружил и о котором написал эссе.

— Что такое «дефект польскости» для нас, уже вступивших в структуры ЕС и НАТО, — крылья или обуза?

— Несомненно крылья. Потому что этот «дефект» заставляет человека расправить плечи, позволяет ему держаться с национальным и человеческим достоинством.

Польскость и миф

— А «польскость»? Сегодня владельцами этой марки считают себя творцы исторической политики.

— Когда-то я опубликовал в «Газете выборчей» статью об исторической политике на примере России («Историческая политика. Российский вариант», 2006, 27-28 мая). У явления, которое я там описал, есть разные названия, формы, и оно вписывается в разные варианты мышления об истории. В России оно приобретает форму апологии диктаторско-реформаторского, черносотенного, православно-славянофильского и большевистско-сталинского прошлого. В свою очередь в Польше историческая политика в ее нынешней разновидности может проявляться как копирование тоталитарно-оэнэровского[4] и умеренно-эндэцкого[5] образцов; может также обращаться к апологии маршала Пилсудского, который как раз национал-демократов и антисемитизм на дух не переносил, или к санационной риторике (сформировавшейся после смерти маршала), пытавшейся заигрывать с ОНР.

Когда государственные институты хотят провозглашать, какой была историческая правда, это всегда опасно. И всегда плохо кончается.

— Могло бы освобождение от «польскости» стать панацеей от польских болячек?

— Этот вопрос неоднозначен. От польскости невозможно освободиться. Разве что кто-нибудь говорит: жизнь здесь меня не интересует, поэтому я еду в Австралию, где буду строителем или зубным врачом. И это нормально. Несомненно Джозеф Конрад был английским писателем. Хотя в его книгах можно уловить ярко выраженные польские черты. Однако трудно было бы обвинить его в том, что он сделал нечто плохое. А Набоков? Он тоже начал писать по-английски и тоже так никогда и не избавился от своей русскости, которая явственно прослеживается в его литературе. Человек вполне может быть французским писателем, будучи при этом русским или поляком.

— Русская литература настолько велика, что переход Набокова на английский ничего не изменил. Благодаря этому он не стал лучше других русских писателей. С Джозефом Конрадом все обстоит иначе. Он вышел из шкуры поляка, став благодаря этому универсальным писателем мирового значения. Может, я говорю несправедливо, но я считаю польскую литературу провинциальной...

— Я не верю в провинциальность польской литературы — скорее уж в провинциальность части польских писателей. Я считаю многие польские книги по-настоящему универсальными. А возьмите, к примеру, Маркеса — пожалуй, нет литературы более провинциальной.

— Но она очаровывает.

— Попробуйте почитать Берента. Он вас тоже очарует.

— Меня, польку, он может очаровать. Вопрос в том, очарует ли он кого-нибудь в мире?

— Если не очарует, это будет означать, что этот человек не подготовлен к чтению нашей литературы и мало о нас знает. Берент — гениальный писатель! Теодор Парницкий тоже. Просто Польша испытывает ту же пробле-

му, какую переживают все литературы, не входящие в круг шести главных языков мира — русского, английского, французского, немецкого, испанского и итальянского.

Есть великая чешская, венгерская, румынская литература. Но самые выдающиеся румынские писатели писали по-французски. Если бы Ионеско писал свои пьесы в Бухаресте, риск того, что он не пробьется, был бы весьма высок. А Джеймс Джойс? Если бы он написал «Улисса» по-кельтски? Ведь это абсолютно местный роман. Блум все время бродит по Дублину.

— В своем «Богословском трактате» Чеслав Милош говорит о наших компенсационных племенных мифах. Мифы эти интенсивно исследует и профессор Мария Янион. Чем мы должны заменить миф и можно ли его вообще заменить?

— Специфика мифа как раз в том и заключается, что обычно он бывает компенсационным. Потому он и миф, что он незаменим. Надо только сознавать, что это миф, и относиться к нему сдержанно. Его невозможно ничем заменить. Знаете ли вы пример из истории, чтобы какой-нибудь миф можно было уничтожить с помощью сознательных действий? Разве что имеются в виду полицейские, гэбэшные меры, когда сторонников мифа репрессируют, выгоняют за границу и т.п. Правда, случается, что спустя много лет мифы гаснут сами.

Если вы напишете пять замечательных книг о войнах со шведами, люди все равно будут читать «Потоп» Сенкевича. И очень хорошо, пусть читают. Главное, чтобы они относились к этому достаточно отстраненно.

— Эдвард Саид определил феномен постколониального государства, выделив четыре его основных черты: бедность, африканский пессимизм, культурализм и необходимые измышления, т.е. создание мифологии своего былого величия. В этом процессе создания мифологии активно участвует национализм, в связи с чем трудно не признать его вредным.

— Конечно, это вредное явление. А средство от этого простое — делать всё, чтобы мифы не вытесняли реальных исторических знаний.

Все мы создаем мифы, включая Эдварда Саида, придумавшего миф ориентализма[6]. Ведь это его собственная конструкция. А недавно на польском книжном рынке появилась книга словенского антрополога Божидара Езерника «Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников», где автор пользуется подобной методологией. Правда, у Саида это обвинительная мифология, а у Езерника — рационалистическая антропология, вовсе не утверждающая, что все было связано с колонизаторскими планами.

Действительно, народы, страдающие постколониальным синдромом, гораздо восприимчивей к мифологизации, которая уменьшается по мере отдаления во времени от статуса колонии, но всякий раз возвращается при появлении проблем. Однако от этого нельзя избавиться при помощи репрессий. Можно с симпатией относиться к тому, что писал Гомбрович о Сенкевиче, но одним другого не заменишь.

Интеллигенция

— Иванов-Разумник определил интеллигенцию как противоположность мещанства, которое он считал синонимом конформизма. Интеллигенция ставит перед собой этические задачи перестройки общества, применяя к самой себе суровые критерии. Можно ли определить так и польскую интеллигенцию?

— Мой спор с российскими друзьями вызван как раз вопросом определения русской интеллигенции. Трудность состоит в том, что у нее есть определение, но нет истории, так как она постоянно подвергалась значительным изменениям. Например, критиком Герцена с либеральных позиций был Михаил Катков, англофил, которого несомненно можно признать интеллигентом. Потом, после польского восстания 1863 г., он стал главным певцом имперской мысли и явно сместился в сторону православно-монархистских позиций. А сам Иванов-Разумник? Ведь он был эсером. Самой резкой критике эту линию подвергли, в свою очередь, Струве, Бердяев, Булгаков и Шестов. Никто не критиковал русскую интеллигенцию так, как русские интеллигенты.

В польском случае все было по-другому. Ключом к пониманию интеллигенции в русском значении был императив выполнения долга перед народом. А в Польше это было участие в процессе национального освобождения. Общественная деятельность тоже была важна, но все процессы шли тут совсем иначе, чем у народа, имеющего свою государственность.

— В своей книге вы цитируете Милоша, который утверждал, что в самом понятии интеллигентности заключен некий комизм, ибо она ассоциируется с возмущенной болтовней, с которой реальность довольно легко расправляется.

— Когда Милош говорит о болтовне, то с одной стороны имеет в виду бессилие, а с другой — то, как воспринимает интеллигенцию мир консервативного эндецкого мещанства. Ведь сегодня мы имеем дело с точно такой же проблемой. Когда вице-премьер говорит «образованцы» (кстати, слово родом из русского языка), а премьер говорит «псевдоэлиты», становится ясно, что эти люди презирают интеллигенцию. Как мы знаем из истории, в крайних случаях такое презрение вело интеллигенцию в лагеря и на расстрел.

Но хорошо смеется тот, кто смеется последним. Для власти такое поведение, как правило, тоже кончается плохо.

— Эта власть опирается на чувство несправедливости простого человека, которому интеллигентская болтовня совершенно непонятна. Не кажется ли вам, что у интеллигенции бывают проблемы с тем, чтобы вступить в диалог с простым человеком?

— А разве в США сегодня нет такой проблемы? Университетские кампусы — это анклавы, не имеющие ничего общего с сознанием жителей Канзаса, Юты или Луизианы.

— Был ли Комитет защиты рабочих (КОР) ответом на это отсутствие диалога?

— Сегодня так говорят. Но тогда никто не пытался называть это диалогом. Было конкретное положение репрессированных людей, и нужно было их защищать.

— Но сегодня выясняется, что КОР создавали люди с совершенно разным мировоззрением. Это ведь ваш бывший товарищ, Людвик Дорн, называет вашу среду «образованцами» и «псевдоэлитой». Что произошло?

— О том, что произошло, вы должны спросить Дорна. У меня есть чувство собственного достоинства. Если вы почитаете мои тексты того времени и сравните их с нынешними, то заметите, что мир меняется, ситуация и я сам — тоже, но моя сущность не изменилась.

Кажется, в 1979 году Дорн сказал, что его мечта — стать главным полицмейстером в суверенной, независимой Польше. Ну вот его мечта и сбылась.

— Почему свой новый сборник эссе вы назвали «Ярость и стыд»?

— Достаточно посмотреть в окно. Эта действительность приводит меня в ярость и вызывает стыд.

Церковь

— В этой книге вы уделяете много внимания Церкви. Вы пишете: «Неправда, что польской демократии угрожает только католический интегризм. Ей угрожает и безрелигиозный нигилизм (...) И я боюсь мира, в котором будет править моральность без ограничений и культура без sacrum». Разумеется, Церковь обязана бороться с нигилизмом, но я боюсь, что в настоящий момент досье [на сексотов] из Института национальной памяти представляют для нее более серьезную угрозу.

— Досье угрожают не только Церкви, но и обществу и государству. Церковь действительно была не готова к тому, чтобы стать лицом к лицу с прошлым и с люстрацией. Какое-то время величайшей угрозой считалось потребительство. Это никакая не угроза. Угроза заключается в том, что́ представляет собой нынешняя коалиция. В этой атмосфере оказалось, что Церковь отнюдь не едина. С одной стороны это Церковь отца Рыдзыка, а с другой — архиепископа Жицинского. Вдобавок Церковь начали покидать известные люди, чего до сих пор никогда не случалось.

Вы правы, досье — это посмертная победа госбезопасности над ее смертельным врагом, католической Церковью.

— Известные люди уходят, потому что выясняется, что их человеческая сущность не выдерживает такого иерархизированного и отягощенного правилами института. Но я размышляю, не окажется ли для Церкви смертельной и демократическая реформа?

— Я не настолько нахален (хотя нахальства мне не занимать), чтобы советовать Церкви, как она должна строить свои внутренние структуры. Я никогда не высказывался и не буду высказываться на эту тему, так как не являюсь верным сыном католической Церкви. Но для меня важно, будет ли Церковь в демократическом государстве «предметом пререканий» или «символом принуждения».

Демократия

— В эссе «Серое прекрасно» вы пишете, что «демократия — не лекарство от человеческих грехов. Это лекарство от диктатуры». Меня этот аргумент убеждает, но я боюсь, что для пресловутого «простого человека» этого мало. Ему бы хотелось быть красивым, умным и богатым, поскольку что-то в этом духе ему обещает каждое правительство. В чем коренится проблема: в слишком большом цинизме правящих кругов или все-таки в слишком слабо развитой способности поляков объективно оценивать действительность?

— И в том и в другом. Впрочем, это ведь не только польская специфика. Это постоянная мечта о совершенном мире, которого, как известно, не существует. Тот, кто пытается создать такой мир, строит цивилизацию лагерей. В эссе «Серое прекрасно» я выражаю идею, что нет ничего лучше демократии и прекраснее свободы. Разумеется, надо сознавать, что это пространство для всех — и для дураков, и для мерзавцев, что создает постоянную угрозу. Но другого выхода нет. «Серое» означает отказ от самообмана.

— Соотечественникам вы предлагаете серый цвет. А где среди этой серости вы видите место для себя — иконы польской свободы?

— Да перестаньте вы с этой иконой! Я никогда не думал о себе в категориях *богостроительства* и *богоискательства*[7]. Я вообще не рассуждаю в этих категориях. Я стараюсь высказываться в публичных спорах, когда мне кажется, что я могу сказать что-то существенное. Хотя такое чувство посещает меня все реже. Все, что человек пишет, представляет собой некое предложение и может влиять на других людей, но уговаривающий тон не может быть решающим. Просто пишущий должен быть внутренне убежден, что написанное им честно.

— Видите ли вы аналогию между режимом Путина и планами ПиС?

— Да, вижу. Различия я, разумеется, тоже вижу — по такому же принципу, как я прослеживаю различия между Польшей и Россией. Здесь не убивают журналистов, вообще не убивают людей, за исключением бандитских разборок, в которых «Баранина» убивает «Говядину» или наоборот[8]. В России это явление совсем другого масштаба, так как там мафия глубоко вошла в структуру власти, особенно в провинции. Если бы эта власть почаще сменялась, такого бы не случилось.

В Польше мы тоже имеем дело с подобной риторикой: что должен быть порядок и сильное государство; что Польше никто не будет плевать в лицо; что существует мир космополитов, которым надо противостоять; что необходимо начать борьбу с олигархами (я все жду, кто будет первым польским Ходорковским); что надо усмирить СМИ и уничтожить независимое правосудие, а в борьбе с политическими противниками можно пользоваться спецслужбами. Но прежде всего — централизовать власть, ликвидировать автономию на местах. Россия больше, у нее другая история, поэтому масштаб всего этого тоже совсем другой. Но сравнение кажется мне вполне обоснованным. Я уже сейчас не уверен, что если кто-то звонит в мою дверь в шесть утра, то это непременно молочник.

Россия

— На страницах «Газеты выборчей» очень часто высказываются российские граждане, и сами себя вы считаете русофилом. Но в то же время «Газета» бывает невероятно критична по отношению к России.

— Что значит «по отношению к России»? Если российские СМИ критикуют Сергея Ковалева или Андрея Сахарова, то они критичны по отношению к России или к Сахарову? Если мы критикуем Путина за конкретные политические шаги, то мы критикуем Россию или ее нынешнее правительство?

— По-прежнему ли актуальна описанная в свое время Дмитрием Бабичем проблема вертикальных (на верхушке) и горизонтальных (межчеловеческих) польско-российских отношений?

— В известной степени я согласен с Бабичем. Значительная часть польского политического класса страдает русофобией. Они не знают Россию, не понимают ее и, что хуже всего, не интересуются ею. Но я считаю, что и российская политическая элита тоже страдает много лет вбивавшейся ей серпом и молотом американофобией с Польшей в роли американского гончего пса. Ее Польша тоже не интересует. Я понятия не имею, каким образом и при каких обстоятельствах президент Путин узнал правду о Катыни.

Разумеется, наши общества заражены историей, но в то же время у меня в России есть множество друзей, интересующихся Польшей. В Польше тоже есть большой интерес к России. То, что мы печатаем так много русских, неслучайно. Это сознательное решение редколлегии. В Польше нет другой такой газеты, которая посвящала бы России столько места и печатала о ней такие разнообразные материалы. Мы считаем, что правительства приходят и уходят, а люди остаются. Уйдет Путин, уйдет Качинский, а народы останутся, поэтому мы должны знать друг о друге как можно больше. В этом отношении мы наследники Ежи Гедройца, как и вы в «Новой Польше».

— Как вы оцениваете инициативу издания «Новой Польши»?

— Очень положительно. Тем более что сейчас как будто настал неблагоприятный момент. Но, стремясь к правде, надо плыть к истокам, против течения. По течению плывет только дерьмо.

— Помимо вертикальных и горизонтальных отношений существуют еще и другие, подспудные течения — союзы националистов. Насколько это может осложнить польско-российские отношения?

— Такие союзы всегда вредят. Как сказал Александр Николаевич Яковлев: «Они спрашивают: гордишься ли ты тем, что ты русский? А чем тут гордиться? Какая в этом моя заслуга? Это заслуга моих папы и мамы».

Национализм — это всегда глупо. Другое дело — патриотизм, означающий заботу о своей стране и ее культуре. Патриотизм — это прекрасное чувство, которое вдобавок расправляет людям плечи. А национализм всегда направлен против кого-нибудь. Свое самосознание он строит на вражде. Главное для него — не то, чтобы моя страна, мой город, мое издательство выглядели как можно лучше; главное — чтобы у соседа корова сдохла.

— В этом смысле у нас с Россией схожие проблемы.

— Но разница заключается в том, что Россия по определению — не этнический монолит и уже никогда им не будет. Польша же в значительной степени монолитна, поэтому здесь труднее спровоцировать этнические конфликты. А указать, где находятся эти этнические меньшинства, наоборот, очень легко: в Перемышле (украинское), в Сейнах (белорусское), в Опольском воеводстве (немецкое).

— Может ли Польша что-нибудь сделать, чтобы сдержать ухудшение ситуации на Украине?

— Возможности у нас очень ограничены, так как эти вопросы должны решать сами украинцы. Мы же должны лишь постоянно предлагать украинской демократии свою помощь, причем наши предложения не могут быть антироссийскими. Никоим образом! Я придерживаюсь мнения, что демократическая Украина — в интере-

сах как России, так и Польши и всего мира. В России была традиция наращивать свою мощь с помощью территориальной экспансии. Сегодня у нее есть шанс развиваться за счет инвестиций в собственную инфраструктуру. Ведь у нее есть всё, вся таблица Менделеева.

— Но не грозит ли ей судьба арабских государств? Основой экономики стали нефть и газ, а это грозит односторонней зависимостью.

— Ну, до этого еще далеко. Но вы правы в том, что нефть и газ — это проклятое благословение. Если они приносят большие деньги, нет необходимости что-либо реформировать.

Поначалу мне казалось, что если Путин взял в свое окружение людей вроде Германа Грефа или Андрея Илларионова, то он понимает, в каком направлении должна идти Россия. Но сейчас верх явно взяла группа гэбэшников, а им какое дело? Им важно только одно — всё прибрать к рукам, а о том, что будет послезавтра — пусть беспокоятся внуки.

— В связи с этим возникает проблема территорий, которые у них отобрали, т.е. бывших союзных республик во главе с Украиной.

— У многих из них действительно сохранилась имперская психология: если Польша уже заграница — ладно, но Украина — никогда! Потому что Киев — это мать городов русских.

Я считаю, что надо просто подождать. Что в конце концов российские элиты привыкнут.

— Но справится ли Украина одна со своими проблемами?

— Если она не справится сама, то ни Польша, ни Россия ей не помогут. Вера в то, что за украинцев можно что-то сделать, очень типична для обществ, привыкших искать виноватых везде, кроме собственного угла. Эта проблема характерна даже для самых благородных людей в России, которые, еще не будучи в состоянии что-либо у себя предпринять, ругали Запад — за оппортунизм, за трусость и т.п. Я стараюсь избегать такого мышления. Если в Польше сложилась та, а не иная ситуация, то виноваты в этом не русские и не евреи, а мы. Но беседуя с русскими, даже с самыми близкими своими друзьями, я часто слышу этот характерный тон: а почему Запад соглашается на то или на это? Тогда я отвечаю им вопросом: а почему на это соглашается российское общество и 80% населения голосуют за президента Путина? И на этот вопрос друзья-демократы мне не отвечают. А пока они не ответят на него сами себе, не будет ни благоприятного диагноза, ни хороших прогнозов. Я, конечно, сознаю, что это нелегко, и говорю с ними дружески, а не с позиции человека, который всё знает лучше и хочет поучать, — ведь мы сами многому научились у российских демократов. Взять хотя бы тот же КОР: с одной стороны, это было дитя польской традиции, а с другой — русского самиздата.

Беседу вела Сильвия Фролов

[1] Ян Котт (1914-2001), всемирно известный польский критик и теоретик театра; поэт, переводчик, эссеист, литературный критик. Автор более чем 30 книг, из которых наиболее известны его истолкования драм Шекспира.

[2] Вацлав Берент (1873-1940), польский прозаик и переводчик периода модернизма. Наряду с Владиславом Реймонтом главный представитель реализма в литературе «Молодой Польши».

[3] Ян Юзеф Липский (1926-1991), критик и историк литературы, публицист, социалистический деятель, боец Армии Крайовой и участник Варшавского восстания. Член редакции журнала «По просту», председатель Клуба кривого колеса (1957-1959), один из основателей КОРа. В 1980-е был одним из основных деятелей подпольной «Солидарности». В 1987 г. воссоздал Польскую социалистическую партию. С 1989 г. сенатор.

[4] ОНР — Национал-радикальный лагерь, националистическая группировка, созданная в 1934 г. молодыми активистами Лагеря Великой Польши. Спустя три месяца был запрещен санационными властями и с тех пор действовал нелегально. В 1935 г. распался на ОНР «Фаланга» и ОНР «АБЦ».

[5] Эндеки (национал-демократия) — политическое движение, базирующееся на националистической идеологии, возникшее в конце XIX века. Главным его идеологом и одним из основателей был Роман Дмовский.

[6] Эдвард Саид считает ориентализм продуктом европейской идеологии, из-за которого сформировался до сих пор бытующий в мире стереотип Востока. — *С.Ф.*

[7] По-русски в тексте.

[8] Клички известных польских преступников.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

Э. Бендык: Поляк в новые времена
Год Выспянского
«Катынь» А. Вайды
Проза Ханны Краль
А. Поморский о книгах В. Британишского
О. Закиров: из воспоминаний
Р. Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б. Поцей о Ванде Ландовской
К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А. Северин, В. Пшоняк, З. Рыбчинский, А. Холланд, Р. Полянский, А. Кшивицкий и др.
Беседы Сильвии Фролов с Е. Аксером, Л. Турским

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Бялошевского, Хартвиг, Яструна, Херберта и др.,

в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

(Свидетельство регистрации средства массовой информации **ПИ №77-1063** от 3 ноября 1999 года)

Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:

www.novpol.ru

Лучшие писатели и критики

Национальная Библиотека представляет журналы:

twórczość

Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.
тел.: +48 (22) 627-15-52;
тел./факс: +48 (22) 628-95-07
e-mail: tworczosc@bn.org.pl
www.culture.pl/pl/culture/artykuly/cz_tworczosc

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник информации о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.
тел.: +48 (22) 826-62-60;
тел./факс: +48 (22) 826-62-35
e-mail: noweksiazki@wp.pl

Dialog

Ежемесячный журнал, посвященный современной театральной, телевизионной и радиодраматургии.
тел.: +48 (22) 608-28-80, +48 (22) 608-28-81;
тел./факс: +48 (22) 608-28-82
e-mail: dialog@bn.org.pl
www.dialog.waw.pl

DWUTYGODNIK ruch muzyczny

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальной жизни, творчеству и вопросам музыки. Выходит 26 раз в году.
тел.: +48 (22) 608-28-70, +48 (22) 608-28-71;
тел./факс: +48 (22) 608-28-72
e-mail: ruchmuzyczny@onet.pl
www.ruchmuzyczny.pl

LITERATURA na świecie

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все достойные внимания новинки современной мировой литературы.
тел.: +48 (22) 827-47-91;
тел./факс: +48 (22) 828-64-96
e-mail: litnasw@free.art.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

Ежемесячник. Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.
тел.: +48 (22) 608-25-65, +48 (22) 608-27-95
тел./факс: +48 (22) 608-27-96; +48 (22) 608-25-05
e-mail: nowpol@bn.org.pl
www.novpol.ru

odra miesięcznik

Ежемесячный журнал, широко представляющий современные проблемы общества и искусства. Форум критической гуманитарной мысли. Польша и мир, история и возможное будущее.
тел.: +48 (71) 344-77-37;
тел./факс: +48 (71) 343-55-16
e-mail: odra@odra.net.pl
www.odra.net.pl

a akcent

literatura i sztuka ● kwartalnik

Ежеквартальный журнал, посвященный литературе и другим областям искусства в контексте последних достижений гуманитарной мысли. Выходит в Люблине с 1980 года.
тел./факс: +48 (81) 532-74-69
e-mail: akcent_pismo@gazeta.pl
www.akcent.glt.pl

TEATR

Ежемесячник, посвященный современному театру. Обзор последних премьер в Польше и за границей, критика, эссе, комментарии.
тел. +48 (022) 692 88 19;
тел./факс: +48 (022) 692 88 18
e-mail teatr@bn.org.pl

BIBLIOTEKA NARODOWA

Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich

02-086 Warszawa, al. Niepodległości 213, tel. +48 (022) 608 23 74; tel./fax +48 (022) 608 24 88
e-mail: czaspatron@bn.org.pl; www.bn.org.pl

Cena 7 zł w tym 0% VAT

ISSN 1508-5589